ДЕКАБРЬ. № 10. 1905.

Д-02
В 387

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. **В. М. ГЕССЕНА,**

В. Д. НАБОКОВА и проф. **І. А. ПОКРОВСКАГО.**

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НѢМЕЦКИХЪ ГОСУДАРСТВОВѢДОВЪ . Доц. **Ѳ. В. Тарановскаго.**
2. О СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМѢРНОСТИ . . . . . Проф. **В. І. Борткевича.**
3. АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ И НАРОДНОЕ ПРАВОСОЗНАНІЕ . . . . . **А. А. фонъ-Бринкмана.**
4. ЧАСТНЫЙ ГОРНЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО . . . . . Прив.-доц. **А. Н. Гейне.**
5. О НЕВМѢНЯЕМОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТДѢЛОМЪ „О ВМѢНЯЕМОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ“ УЛОЖЕНІЯ 22 МАРТА 1903 ГОДА . . . . . **М. С. Аджемова.**
6. КРИТИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РАЗБОРЪ УСТАВА В. КН. ВСЕВОЛОДА О ЦЕРКОВНЫХЪ СУДАХЪ (По по-

(См. 2-ую стр. обложки).

Получено 1984 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,
В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXV. Декабрь. 1905.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

В. Н. К.
ЧИТАЛЬНЫЙ
ОТДѢЛЪ

ПРОЛЕТАРІЙ МІРА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

1. Историческое происхожденіе юридической школы нѣмецкихъ государствовѣдовъ. **Доц. Ѳ. В. Тарановскаго** . . . . . 1—10
2. О статистической закономѣрности **Проф. В. І. Борткевича** . . . . . 11—38
3. Аграрный вопросъ и народное правосознаніе. **А. А. фонъ-Бринкмана** . . . . . 39—60
4. Частный горный промыселъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. **Прив.-доц. А. Н. Гейне** . . 61—74
5. О невмѣняемости въ связи съ отдѣломъ „о вмѣняемости и преступности“ уложенія 22 марта 1903 года. **М. С. Аджемова** . . . . . 75—126
6. Критико-сравнительный разборъ устава в. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ (По поводу ссылки на него проекта гражданскаго уложенія въ оправданіе предлагаемаго уравненія наслѣдственныхъ правъ женщинъ и мужчинъ). **Г. М. Бараца** . . . . . 127—163
7. Литературное обозрѣніе:
   Баронъ Лемайеръ. Административная юстиція. Приложеніе къ Журналу Министерства Юстиціи. **К. Н. Анненкова** . . . . . 164—182

8. Административная хроника.—Указъ 11 декабря 1905 года. **Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.** 183—196

9. Сводное оглавленіе статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Права“ за 1905 годъ . . . . 1 — 6

10. Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Окончаніе протокола засѣданія уголовнаго отдѣленія 2 апрѣля 1905 г. по докладу А. Г. Воронова: „Замѣчанія на части проектированныхъ законоположеній, относящіяся къ матеріальному уголовному праву (правопораженія и наказанія)“.

11. Объявленія . . . . . I—XLVIII

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НѢМЕЦКИХЪ ГОСУДАРСТВОВѢДОВЪ [1]).

Когда мы говоримъ объ юридическомъ методѣ въ государственной наукѣ, мы придаемъ слову „методъ“ своеобразный, въ извѣстной степени условный смыслъ. Для всякаго очевидно, что юридическій методъ не можетъ замѣнить ни индукціи, ни дедукціи, этихъ основныхъ и исключительныхъ путей изученія, помощью различнаго сочетанія которыхъ единственно достигается научное познаніе явленій. Такія понятія, какъ юридическій методъ въ государственной наукѣ или аналогичный по значенію соціологическій методъ въ правовѣдѣніи и въ той же государственной наукѣ, отвѣчаютъ не какимъ либо новымъ путямъ познающаго разума, а тому болѣе скромному, но тѣмъ не менѣе важному требованію изученія, согласно которому сложные предметы изученія подлежатъ расчлененію и изслѣдуются съ разныхъ сторонъ, сообразно тѣмъ различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ они могутъ быть разсматриваемы. Такъ какъ организованное общежитіе, именуемое государствомъ, представляетъ собою ту неизбѣжную стихію, въ которой протекала и протекаетъ культурная жизнь людей со всѣмъ богатствомъ ея матеріальнаго и ду-

---

[1]) Рѣчь передъ диспутомъ, произнесенная въ Сбп. Университетѣ 9 октября 1905 г. предъ защитой диссертаціи: „Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Историко-методологическое изслѣдованіе. Варшава 1904 г.“

ховнаго содержанія, то вполнѣ понятно, что предметъ государственной науки оказывается крайне сложнымъ и подвергается изученію съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ сложномъ комплексѣ явленій государственной жизни видное мѣсто принадлежитъ праву, которое отражаетъ въ себѣ наличное соотношеніе общественныхъ силъ и на этомъ основаніи распредѣляетъ обязанности и притязанія между отдѣльными членами и группами общежитія. Специфическое и важное значеніе права дѣлаетъ особое его изученіе и возможнымъ, и полезнымъ. Вполнѣ поэтому понятно, что и государственная наука, къ спеціальному вѣдѣнію которой относится основанная на властвованіи организаціонная сторона общежитія, допускаетъ изученіе своего предмета съ точки зрѣнія права, то-есть со стороны облеченія фактическихъ отношеній властвованія въ юридическія формы съ вытекающимъ отсюда распредѣленіемъ публичныхъ правъ и обязанностей между отдѣльными членами и группами общежитія. Пріемъ выдѣленія юридической стороны государственнаго властвованія въ особую отрасль изученія и получилъ наименованіе юридическаго метода въ государственной наукѣ. Наименованіе это въ виду отмѣченной нами условности его значенія нельзя признать вполнѣ удачнымъ; тѣмъ не менѣе мы его сохраняемъ, такъ какъ его выдвинули представители цѣлой школы государствовѣдовъ, и сочиненный ими терминъ успѣлъ пріобрѣсти полныя права гражданства въ научной литературѣ.

Современные намъ сторонники юридическаго метода, или представители юридической школы государствовѣдовъ въ Германіи открыто признаютъ родоначальникомъ избраннаго ими направленія К. Ф. Гербера, который выступилъ въ качествѣ юриста-публициста въ началѣ второй половины минувшаго столѣтія. Почтеннымъ, но, въ сущности говоря, скромнымъ трудамъ Гербера въ области государственнаго права послѣдователи его приписываютъ значеніе коренного методологическаго переворота въ государственной наукѣ. До Гербера, говорятъ его безусловные приверженцы, государствовѣдѣніе либо замѣнялось оторванной отъ жизни философской спекуляціей, которая вела не къ изученію существующаго, а къ

начертанію должнаго, идеальнаго государственнаго строя, либо сводилось къ простому накопленію историческихъ и статистическихъ (въ Конринго-Ахенвалевскомъ смыслѣ) данныхъ государственной жизни, не связанныхъ единствомъ мысли и потому совершенно безполезныхъ. Указанные два пути, одинаково ложные и безплодные, то шли параллельно, то пересѣкались, такъ что абстрактная спекуляція и фактическая регистрація нерѣдко сочетались и образовали своеобразное mixtum compositum, въ которомъ пропорціональное отношеніе составныхъ частей опредѣлялось всецѣло личными склонностями и политическими соображеніями того или другого автора. Отсутствіе опредѣленной научной проблемы и правильнаго метода ея разрѣшенія дозволяло приступать къ мнимо научной разработкѣ государственныхъ вопросовъ безъ спеціальной подготовки, безъ плана и критерія. Такому печальному состоянію дѣла положилъ конецъ Герберъ, который нанесъ рѣшительный ударъ какъ безплодной спекуляціи, такъ и безсмысленной регистраціи въ области государственной науки. На мѣсто созерцанія идеальнаго государственнаго строя Герберъ поставилъ изученіе существующаго государственнаго устройства, какъ оно опредѣлено въ положительныхъ юридическихъ нормахъ дѣйствующаго законодательства. Собираніе всевозможныхъ „достопримѣчательностей“ государственной жизни онъ замѣнилъ изслѣдованіемъ одной лишь юридической ея стороны и ограничилъ такимъ образомъ подлежащій научный матеріалъ лишь тѣми данными, которыя могутъ дать отвѣтъ на основной и единственный вопросъ: quid iuris? Сообразно этому выяснилась у Гербера и вполнѣ опредѣленная проблема научнаго изслѣдованія: она должна была состоять въ выработкѣ по даннымъ дѣйствующаго права строгихъ и точныхъ юридическихъ конструкцій для всѣхъ отношеній государственнаго властвованія. Все это приписывается личной научной заслугѣ Гербера и возводится въ рыцарскій подвигъ, прославленію котораго посвящено даже риѳмованное четверостишіе. Переводя фигуральныя выраженія хвалебнаго гимна на простой языкъ научной прозы, можно сказать, что школа Гербера приписываетъ своему посаженному отцу слѣдующія двѣ основ-

ныя заслуги: 1) созданіе научнаго государствовѣдѣнія на мѣсто прежняго диллетантскаго, и 2) переходъ въ области государственной науки изъ метафизической стадіи въ стадію позитивную. Съ послѣдней заслугой учителя особенно носятся представители юридическаго направленія. Они видятъ въ немъ специфическое противоядіе противъ метафизической философіи государства и усиленно ссылаются на свою положительность противъ всякаго, кто подходитъ къ изученію государства съ вопросомъ, отличнымъ отъ ихъ quid iuris. Правда, за послѣднее время произошла перемѣна въ смыслѣ отступленія отъ исключительнаго юридизма. Одинъ изъ столповъ юридическаго направленія профессоръ Георгъ Іеллинекъ на ряду съ юридическимъ ученіемъ о государствѣ поставилъ соціологическое его изученіе и такимъ образомъ лишилъ юридическій методъ его исключительной привилегіи на положительность. Но одно уже сопоставленіе обоихъ методовъ указываетъ на признаніе ихъ научной равнородности и равноцѣнности, а хронологическое совпаденіе дѣятельности Гербера съ рожденіемъ научной соціологіи можетъ отчасти укрѣплять мысль о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя одновременно возникшими и равносильными проявленіями научнаго позитивизма въ государствовѣдѣніи.

Притязаніе юридической теоріи государства на научную позитивность вызываетъ весьма крупныя сомнѣнія. Невозможно вѣдь признать за юридическими конструкціями государственныхъ отношеній какое либо значеніе въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія явленій государственной жизни и установленія ихъ научной закономѣрности. Та положительность, о которой намъ говорятъ представители юридической школы государствовѣдовъ, не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ позитивизмомъ; это—положительность догматиковъ, которые не движутся къ истинѣ по трудному пути изслѣдованія, но отправляются отъ нея, какъ отъ извнѣ даннаго начала, и употребляютъ свои умственныя силы только на ея истолкованіе. Для болѣе рельефной характеристики догматической положительности юридической школы государствовѣдовъ мы могли бы привести обильныя и интересныя параллели и

аналогіи изъ среднихъ вѣковъ, этой классической эпохи догматическаго міровоззрѣнія. Во избѣжаніе черезчуръ отдаленныхъ экскурсовъ въ область прошлаго мы не станемъ этого дѣлать, и, пользуясь аналогіей болѣе близкаго къ намъ времени, скажемъ лишь, что о позитивизмѣ современнаго намъ юридическаго ученія о государствѣ можно говорить развѣ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Шеллингъ на одной изъ ступеней своего развитія говорилъ о положительной философіи откровенія. Приведенное сравненіе разъясняетъ надлежащимъ образомъ сущность дѣла и напоминаетъ намъ къ тому же о научномъ родствѣ юриспруденціи съ богословіемъ, на что, какъ извѣстно, обратилъ въ свое время вниманіе еще Лейбницъ (Methodi novae discendae docendaeque iurisprudentiae pars II, §§ 4—5).

Всѣ характерныя черты положительнаго догматизма имѣются на лицо и въ современной намъ юридической школѣ нѣмецкихъ государствовѣдовъ, которая занимается ничѣмъ инымъ, какъ догматикой положительнаго государственнаго права. Призывъ къ этого рода работѣ, исходившій отъ Гербера, не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ обновленіемъ государственной науки, которое провозглашала зарождавшаяся въ то же время научная соціологія. Поэтому юридизму въ государствовѣдѣніи, идущему отъ Гербера, нельзя приписывать рѣшительно никакого значенія въ дѣлѣ ниспроверженія метафизическаго ученія о государствѣ. Положительный юридическій догматизмъ существовалъ цѣлыя столѣтія за долго до Гербера и не только не разрушалъ метафизическихъ построеній естественнаго права, но мирно съ ними уживался и даже нерѣдко пользовался ими для пополненія тѣхъ изъ своихъ конструкцій, для которыхъ недоставало матеріала въ дѣйствующемъ правѣ. Провозвѣстникамъ обновленія науки о правѣ и о государствѣ, каковыми были предтечи и представители исторической школы, пришлось бороться съ положительнымъ догматизмомъ не менѣе, чѣмъ съ естественно-правовой школой.

Придя къ убѣжденію, что труды Гербера не имѣли значенія для методологическаго обновленія науки о государствѣ,

мы нашли единственно возможнымъ разсматривать ихъ въ другой, несравненно болѣе тѣсной, но зато подлежащей сферѣ,—въ сферѣ положительнаго юридическаго догматизма. Здѣсь, однако, мы натолкнулись на затрудненіе. Исторія юриспруденціи разработана недостаточно, и недостаточно въ смыслѣ односторонности. Историки науки сосредоточиваются главнымъ образомъ на естественно-правовыхъ ученіяхъ, а догматикѣ положительнаго права удѣляютъ весьма мало вниманія, причемъ ограничиваются цивилистической догматикой, обходя почти полнымъ молчаніемъ догматику публичнаго права. По имѣющимся отрывочнымъ указаніямъ трудно, даже почти невозможно было составить себѣ должное представленіе объ историческомъ развитіи послѣдней, а слѣдовательно, и оцѣнить надлежащимъ образомъ труды Гербера, которымъ, какъ мы видѣли, сторонники юридической школы приписываютъ несоотвѣтственное значеніе. Пришлось заняться болѣе или менѣе самостоятельнымъ изученіемъ исторіи положительной догматической публичной юриспруденціи въ Германіи.

Если бы мы всецѣло довѣрились словамъ послѣдователей Гербера, намъ пришлось бы думать, что до него въ Германіи юристы-публицисты занимались исключительно естественно-правовыми построеніями, а догматической разработки положительнаго государственнаго права вовсе не было. Къ счастью однако, самъ Герберъ не мнилъ себя Юпитеромъ публичной юриспруденціи, изъ головы котораго выскочила новая дисциплина во всеоружіи; онъ помянулъ своихъ предшественниковъ и такимъ образомъ самъ намѣтилъ путь для установленія дѣйствительной, а не поддѣльной генеалогіи юридической школы нѣмецкихъ государствовѣдовъ.

На первыхъ же страницахъ своего перваго публично-правнаго трактата Герберъ говоритъ, что публицисты-догматики XVIII вѣка удовлетворяли основному методологическому требованію изученія одной лишь юридической стороны государственнаго властвованія, но что выработанныя ими юридическія конструкціи оказываются въ его время непригодными вслѣдствіе коренного измѣненія государственнаго строя Германіи, вызваннаго введеніемъ конституціонализма. Отложивъ

на время въ сторону вопросъ о непригодности отдѣльныхъ конструкцій стараго порядка, мы сосредоточили наше вниманіе на признаніи Гербером̀ъ своего принципіальнаго методологическаго родства съ юридической школой государствовѣдовъ старой имперіи.

Изучивъ публицистовъ XVIII вѣка, мы нашли у нихъ не только полную картину развитія юридическаго метода въ теоріи и въ дѣйствіи, но и спеціальныя изслѣдованія, посвященныя исторіи публично-правной догматики. Слѣдуя за нитью этихъ историческихъ указаній, мы уходили все дальше и дальше отъ современности,—въ XVII и XVI вѣка: начальныя стадіи развитія публично-правной догматики все болѣе и болѣе удалялись отъ насъ въ глубь прошлаго. Такое удаленіе, взятое само по себѣ, не представляло бы никакого существеннаго научнаго интереса, кромѣ антикварной справки, еслибы оно не сопровождалось указаніемъ на причины, породившія догматическую разработку публичнаго, или болѣе тѣсно,—государственнаго права. Но необходимое причинное объясненіе явилось въ качествѣ неизбѣжнаго логическаго вывода изъ изученія старой публично-правной литературы. Въ XVIII и XVII вѣкахъ литература эта состояла изъ общихъ курсовъ и спеціальныхъ трактатовъ по догмѣ государственнаго права. Съ углубленіемъ въ XVI вѣкъ не только курсы, но и систематическія монографіи исчезаютъ, и встрѣчается лишь фрагментарная догматическая разработка отдѣльныхъ вопросовъ положительнаго государственнаго права въ мотивированныхъ рѣшеніяхъ рейхскаммергерихта, протоколы и приговоры котораго, какъ въ извлеченіяхъ, такъ и полностью, стали издаваться съ половины XVI вѣка въ спеціальныхъ сборникахъ такъ называемой камеральной юриспруденціи. Дойдя въ своемъ изслѣдованіи до этой точки, мы не только уяснили себѣ смыслъ высказаннаго вскользь въ литературѣ мнѣнія о томъ, что мѣстомъ рожденія науки нѣмецкаго государственнаго права былъ рейхскаммергерихтъ, но и нашли вполнѣ реальное объясненіе происхожденія и развитія юридическаго метода въ нѣмецкой государственной наукѣ.

Оказалось, что публично-правные трактаты стараго времени представляли собою сначала простую сводку догматическаго матеріала по тѣмъ вопросамъ положительнаго государственнаго права, которые входили въ компетенцію рейхскаммергерихта и записывались въ сборникахъ его рѣшеній; впослѣдствіи времени публицисты разрабатывали и другіе вопросы положительнаго государственнаго права, выходившіе изъ предѣловъ вѣдѣнія рейхскаммергерихта, но разрабатывали ихъ на основаніи тѣхъ же строгихъ пріемовъ догматизаціи и юридической конструкціи, которыми пользовался судъ. Получилось, повторяемъ, вполнѣ реальное объясненіе происхожденія юридическаго метода въ государственной наукѣ. Рейхскаммергерихтъ былъ въ Германіи первымъ судомъ публичнаго права, и изъ его практики возникла публичная юриспруденція точно такъ же, какъ вся вообще юриспруденція возникла изъ судебной практики. Строгое слѣдованіе дѣйствующему праву, принципіальное исключеніе политическихъ вопросовъ цѣлесообразности, самоограниченіе вопросами положительной правомѣрности,—всѣ эти черты, характерныя для суда, унаслѣдованы развившейся изъ его практики публично-правной догматикой. Но всѣ же эти черты характеризуютъ такъ называемый юридическій методъ въ государственной наукѣ, который оказывается такимъ образомъ не отвлеченнымъ антитезисомъ метафизическаго воззрѣнія на государство, а реальнымъ слѣдствіемъ суда публичнаго права. Мы говоримъ о происхожденіи юридической школы государствовѣдовъ изъ суда въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можно говорить о происхожденіи историческаго матеріализма изъ пробудившагося самознанія рабочаго класса. Таково уже органическое свойство общественныхъ наукъ, что коренные методологическіе перевороты производятся въ нихъ не кабинетами и лабораторіями, а самой жизнью.

Публицистика старой имперіи сложилась въ особую и спеціальную дисциплину, которая заняла мѣсто на рубежѣ между юриспруденціей и государственной наукой: съ первой связывала ее общность конструктивныхъ пріемовъ, со второй—общность объекта. Конструктивные пріемы она заимствовала

у своей „старшей сестры“—цивилистики. Начавъ съ полнаго подчиненія послѣдней въ этомъ отношеніи, она стремилась однако къ освобожденію и самостоятельности и достигла этого, поскольку дозволяли фактическія отношенія государственной жизни стараго порядка, проникнутой патримоніальными началами властвованія. Изъ ряда государственныхъ дисциплинъ, связанныхъ общностью объекта, публицистика выдѣлялась своимъ юридическимъ критеріемъ, отличавшимъ ее отъ политической исторіи, политики и статистики. Методологическое размежеваніе съ сосѣдними юридическими и политическими дисциплинами, а также установленіе способовъ и предѣловъ пользованія ими для конструктивныхъ цѣлей юридической догматизаціи составляло предметъ спеціальныхъ монографій, выходившихъ изъ подъ пера публицистовъ XVII и XVIII столѣтій, которые разрабатывали такимъ образомъ съ одинаковымъ вниманіемъ и сознаніемъ какъ практику, такъ и теорію юридическаго метода въ государственной наукѣ.

Призывая къ юридическому изученію государства, Герберъ только возстановлялъ старую научную традицію, нарушенную, или вѣрнѣе, прерванную переходнымъ временемъ конституціонной борьбы, въ теченіе котораго слагавшійся новый порядокъ, находясь въ состояніи становленія, не представлялъ устойчивой почвы для юридической догматизаціи. То новое, что внесъ Герберъ, заключалось лишь въ замѣнѣ частноправныхъ конструкцій отношеній государственнаго властованія публично-правными. И это новшество было не кабинетнымъ исправленіемъ какихъ либо промаховъ старыхъ публицистовъ, а слѣдствіемъ измѣнившихся условій государственной жизни,—слѣдствіемъ обобществованія самой государственной власти, освободившейся отъ прежнихъ патримоніальныхъ квалификацій. Измѣненія въ государственномъ строѣ привели къ тому замѣтному у Гербера освобожденію публицистики отъ подчиненія цивилистикѣ, котораго не могли достигнуть публицисты старой имперіи, оставаясь вѣрными принципу догматической положительности.

Установленіе историческаго происхожденія юридической школы государствовѣдовъ даетъ намъ прочный критерій для

ея оцѣнки. Юридическая школа и умѣстна, и необходима въ предѣлахъ своей компетенціи,—конструированія положительнаго государственнаго права, но она не должна притязать на превращеніе своей спеціальности въ философію и на исключеніе другихъ дисциплинъ изъ области государствовѣдѣнія. Наряду съ нею неизбѣжны соціологическое изученіе государства и разработка основанной на объективныхъ научныхъ данныхъ политики. Размежеваніе юридической школы съ указанными дисциплинами можетъ и должно совершаться на тѣхъ же началахъ, на которыхъ размежевывались публицисты старой имперіи съ политической исторіей, статистикой и политикой.

Ѳ. Тарановскій.

О СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМѢРНОСТИ.

(Изъ лекцій, читанныхъ въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ).

II. Относительность и условность статистическихъ обобщеній.

Какъ показано было въ предыдущей статьѣ [1]), Кетле и его адепты задавались цѣлью при помощи статистики открыть *законы* человѣческой, въ частности общественной жизни—законы, которые, по логической своей сущности и по своему практическому значенію, могли бы быть поставлены на ряду съ законами физики и химіи. Со времени Кетле статистики сдѣлались осторожнѣе при употребленіи слова законъ въ научномъ смыслѣ. Въ особенности въ нѣмецкой литературѣ предмета принято, по большей части, избѣгать термина „законъ“, когда дѣло идетъ о результатахъ статистическаго изслѣдованія. Вмѣсто этого, говорятъ о статистическихъ „закономѣрностяхъ“ или „правильностяхъ“, желая такимъ словоупотребленіемъ подчеркнуть, что подлежащія научныя истины не претендуютъ на точность и безусловность, которыя присущи положеніямъ естественныхъ наукъ, обозначаемымъ именемъ законовъ.

Такимъ образомъ, измѣненіе, происшедшее въ термино-

---

[1]) См. Вѣстникъ Права, за Октябрь 1905 г., стр. 124 сл.

логіи, отражаетъ до извѣстной степени измѣненіе во взглядахъ. Есть, правда, теоретики статистики, которые и по сей день продолжаютъ именовать законами нѣкоторые выводы статистики, не соединяя, однако, съ такимъ наименованіемъ понятія, которое соотвѣтствуетъ слову законъ въ точныхъ наукахъ. Но еще чаще говорятъ о статистическихъ законахъ нестатистики, какъ то напр. представители философіи, соціологіи, подчасъ также и политико-экономы. При этомъ, слово законъ примѣняется по преимуществу къ относительнымъ и среднимъ числамъ статистики, поскольку они отличаются сравнительнымъ постоянствомъ. Такъ, называютъ закономъ тотъ фактъ, что на 100 рождающихся дѣвочекъ приходится въ среднемъ 106 мальчиковъ, или что 30 или 20% уголовныхъ дѣлъ кончаются оправданіемъ, или что 3 или 4% населенія прибѣгаютъ въ теченіе года къ помощи органовъ общественнаго призрѣнія, или напр. называютъ закономъ тотъ фактъ, что семья или точнѣе хозяйство состоитъ въ среднемъ изъ 4,6 или 4,7 лицъ, или еще, что отъ 55 до 60% расходовъ въ частнохозяйственныхъ бюджетахъ составляютъ, въ массѣ населенія, расходы на пищу, и т. д. и т. д.

Прежде всего, умѣстно будетъ спросить себя, соотвѣтствуетъ ли въ чисто формальномъ смыслѣ примѣненіе къ данному случаю термина законъ тому словоупотребленію, которое вообще принято въ наукѣ, въ особенности въ области точной науки.

Закономъ называютъ въ этой области необходимое и притомъ, по возможности, приведенное къ математическому виду соотношеніе между простѣйшими явленіями самаго общаго характера (напр. законъ тяготѣнія, законъ Маріотта).

Ясно, что съ научными законами, понимаемыми такимъ образомъ, тѣ относительныя и среднія числа, съ которыми мы встрѣчаемся въ статистикѣ, не имѣютъ даже формальнаго сходства.

Скорѣе можно было бы сопоставить эти числа съ такъ называемыми эмпирическими коэффиціентами въ физикѣ, каковы напр. коэффиціентъ расширенія тѣлъ, подвергаемыхъ нагрѣванію, коэффиціентъ упругости, теплопроводности и т. п.

Легко было бы показать, что въ формальномъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ способа опредѣленія этихъ величинъ, аналогія между физикой и статистикой дѣйствительно существуетъ. Дѣло въ томъ, что въ физическомъ опытѣ намъ даются непосредственно не эти коэффиціенты, а извѣстныя числа, представляющія результатъ измѣренія, и изъ нихъ-то выводятся искомые коэффиціенты.

При опредѣленіи напр. коэффиціента расширяемости эти непосредственно данныя числа будутъ: объемъ какого-нибудь произвольно взятаго тѣла при температурѣ тающаго льда и объемъ того же тѣла при температурѣ кипящей воды. Коэффиціентъ расширяемости получается путемъ сравненія этихъ двухъ объемовъ, точнѣе посредствомъ раздѣленія чиселъ, выражающихъ ихъ, одно на другое. Такимъ образомъ, здѣсь производится операція, вполнѣ аналогичная превращенію абсолютныхъ чиселъ въ относительныя въ сферѣ статистики. Притомъ абсолютныя или непосредственно данныя числа, какъ въ физикѣ, такъ и въ статистикѣ имѣютъ лишь вспомогательное значеніе. Научный выводъ выражается числомъ относительнымъ.

Здѣсь я считаю нужнымъ оговориться. Я не утверждаю вовсе, что всѣ эмпирическіе коэффиціенты въ физикѣ получаются указаннымъ путемъ. Напр. къ коэффиціенту преломленія указанная схема вовсе непримѣнима. Я обращаю вниманіе лишь на то, что существуютъ эмпирическіе коэффиціенты въ физикѣ, которые, по способу своего опредѣленія, обнаруживаютъ извѣстное логическое сродство съ относительными числами статистики.

Эмпирическіе коэффиціенты въ физикѣ не законы. Мы предполагаемъ, что въ основаніи этихъ коэффиціентовъ лежатъ законы, но не имѣемъ возможности вывести численное значеніе такого коэффиціента изъ извѣстныхъ намъ законовъ. Мы считаемся съ этими коэффиціентами какъ съ фактами, не подлежащими дальнѣйшему объясненію. И въ этомъ отношеніи замѣчается, слѣдовательно, извѣстная аналогія съ тѣмъ, какъ статистика относится къ устанавливаемымъ ею относительнымъ числамъ. Она принципіально лишена возможности

дедуктивно выводитъ эти числа, конструировать ихъ, но опредѣляетъ ихъ изъ наблюденія.

Аналогія между физикой и статистикой, о которой я говорю, находитъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ томъ, что терминъ коэффиціентъ примѣняется нерѣдко и въ статистикѣ. Такъ, принято называть отношеніе смертныхъ случаевъ, происшедшихъ въ теченіе года въ извѣстномъ населеніи, къ цифрѣ населенія коэффиціентомъ смертности. Въ аналогичномъ смыслѣ говорятъ о коэффиціентѣ рождаемости, брачности, преступности, заболѣваемости и т. п.

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключаются различія между физическими и статистическими коэффиціентами.

Прежде всего, въ физикѣ мы имѣемъ дѣло съ количественными соотношеніями, значеніе которыхъ не ограничено предѣлами времени и пространства. Опредѣливъ какой нибудь эмпирическій коэффиціентъ, мы считаемъ себя въ правѣ примѣнять его къ неизслѣдованнымъ случаямъ. Мы всегда обладаемъ увѣренностью, что такой коэффиціентъ въ любыхъ условіяхъ окажется истиннымъ, оправдаетъ себя. Въ этомъ весь смыслъ его и значеніе.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о статистическихъ коэффиціентахъ. Мы знаемъ изъ предыдущей статьи, что эти коэффиціенты лишь въ исключительныхъ случаяхъ обладаютъ той высшей степенью устойчивости, которая совмѣстима съ представленіемъ, что колебанія чиселъ вызываются случайными причинами. Вообще-же говоря, статистическіе коэффиціенты подвержены колебаніямъ неслучайнымъ, они мѣняются во времени. Кромѣ того, эти коэффиціенты мѣняются въ пространствѣ, т. е. они принимаютъ для различныхъ странъ, областей, городовъ—общѣе человѣческихъ группъ неодинаковыя числовыя значенія.

По мнѣнію противниковъ Кетле, усвоенному большинствомъ современныхъ представителей статистической науки, одной этой измѣнчивости статистическихъ коэффиціентовъ во времени и пространствѣ уже достаточно для опроверженія физико-математическаго взгляда на эти коэффиціенты и вообще на результаты статистическаго изслѣдованія. Такого рода

аргументація—т. е. простая ссылка на измѣнчивость статистическихъ чиселъ, я думаю, не вполнѣ убѣдительна, она слишкомъ суммарна и нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Дѣло въ томъ, что измѣнчивость статистическихъ коэффиціентовъ представляется на первый взглядъ, какъ pendant къ тому, что и физическіе коэффиціенты не для всѣхъ тѣлъ природы одинаковы, а для каждаго тѣла, каждаго вещества принимаютъ иное числовое значеніе. Съ этой точки зрѣнія, то обстоятельство, что напр. коэффиціентъ рождаемости иной для Англіи, чѣмъ для Франціи или Германіи или что этотъ коэффиціентъ для данной страны мѣняется отъ столѣтія къ столѣтію представляло бы не болѣе, какъ подобіе того, что олово, мѣдь, свинецъ обладаютъ различною напр. теплопроводностію. Но такое сравненіе не можетъ удовлетворить насъ по той причинѣ, что тогда какъ каждому изъ понятій олово, мѣдь, свинецъ соотвѣтствуетъ неопредѣленное количество объектовъ, распознаваемыхъ на основаніи вполнѣ опредѣленныхъ неизмѣнныхъ признаковъ, слова Англія, Франція, Германія не служатъ для обозначенія общихъ понятій. Это имена собственныя, а не нарицательныя. Тоже самое слѣдуетъ сказать о выраженіяхъ, служащихъ для обозначенія различныхъ эпохъ (напр. 18-й вѣкъ, десятилѣтіе 1890—1900 и т. под.). Какой-нибудь физическій коэффиціентъ примѣнимъ къ данной массѣ воды, ртути, воздуха, какъ онъ примѣнимъ къ другой подобной-же массѣ, между тѣмъ какъ статистическій коэффиціентъ, относящійся къ опредѣленной сторонѣ человѣческой жизни, будучи установленъ для извѣстной мѣстности и для извѣстнаго періода времени, вообще говоря, не подлежитъ распространенію на другія области и другіе періоды.

Мало того: статистическій коэффиціентъ, получившійся для опредѣленнаго цѣлаго, не примѣнимъ къ каждой отдѣльной части этого цѣлаго. Такъ, если коэффиціентъ рождаемости для извѣстной страны составляетъ 30 на 1000 населенія, то это не значитъ, что для каждой части, каждой провинціи, каждаго населеннаго пункта этой страны получается та-же цифра рождаемости. Наоборотъ, при условіи что ста-

тистическія данныя достаточно подробны, всегда можно будетъ обнаружить болѣе или менѣе значительныя различія между отдѣльными частями населенія данной страны. При этомъ нѣтъ надобности придерживаться исключительно географическаго принципа дробленія. Можно напр. распредѣлить населеніе на извѣстное число группъ по профессіи, по степени благосостоянія и т. под. И тутъ слѣдуетъ ожидать—и опытъ подтверждаетъ это ожиданіе—что для различныхъ группъ получатся неодинаковыя численныя значенія даннаго коэффиціента.

Это обстоятельство—я разумѣю непримѣнимость статистическихъ коэффиціентовъ къ отдѣльнымъ частямъ того цѣлаго, для котораго они устанавливаются—имѣетъ для занимающаго насъ вопроса особенное значеніе. Можно задаться мыслью путемъ послѣдовательнаго дробленія статистическаго матеріала получить группы вполнѣ однородныя по своему составу. Каждая такая группа при дальнѣйшемъ дробленіи уже не давала бы коэффиціентовъ, различныхъ по своему численному значенію. Полученный для такой однородной группы коэффиціентъ имѣлъ бы *окончательное* значеніе. И какъ будто есть основаніе думать, что коэффиціенты, вычисленные такимъ образомъ, уже не подлежали бы болѣе вліянію времени и пространства. Они сохраняли бы извѣстное численное значеніе для группъ, отвѣчающихъ данному комплексу признаковъ.

Я позволю себѣ пояснить это на примѣрѣ. Притомъ я нарочно остановлюсь на такой области человѣческой жизни, которая, повидимому, менѣе всего подвержена вліянію факторовъ историческихъ и соціальныхъ, такъ-какъ тутъ-то и можно скорѣе всего ожидать получить коэффиціенты всеобщаго характера и значенія.

Для примѣра я беру ту статистическую величину, которая показываетъ, какой процентъ браковъ не даетъ вовсе дѣтей. Я намѣренно останавливаюсь на разсмотрѣніи процентнаго отношенія браковъ, остающихся безплодными, а не задаюсь болѣе общимъ вопросомъ о количествѣ дѣтей, приходящихся въ среднемъ на каждый бракъ. Дѣло въ томъ, что эта послѣдняя статистическая величина въ значительной сте-

пени зависитъ отъ экономическихъ и соціальныхъ факторовъ, причемъ, какъ извѣстно, сознательное и намѣренное сокращеніе числа дѣтей играетъ то бо̀льшую, то меньшую роль, смотря по взглядамъ и нравамъ, распространеннымъ въ данной соціальной средѣ и въ данное время. Иначе, говорятъ авторы, занимавшіеся спеціально этимъ вопросомъ, обстоитъ дѣло съ числомъ браковъ, не дающихъ вовсе дѣтей, ибо случаи, въ которыхъ принимаются мѣры противъ рожденія перваго ребенка, такъ исключительны, что они не могутъ сколько-нибудь существенно вліять на статистическіе итоги. Если такъ, то слѣдуетъ допустить, что бо̀льшая или меньшая распространенность браковъ, не дающихъ ни одного ребенка, зависитъ отъ чисто физіологическихъ факторовъ. Казалось бы поэтому, что для каждой группы людей, отвѣчающей опредѣленнымъ естественнымъ признакамъ, существуетъ нѣкоторая постоянная величина, нѣкоторый коэффиціентъ („eine massenphysiologische Constante“), опредѣляющій относительное число бездѣтныхъ браковъ въ этой группѣ. Чему же учитъ насъ въ этомъ отношеніи статистическій опытъ?

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что изъ данныхъ оффиціальной статистики въ большинствѣ случаевъ нельзя получить отвѣта на интересующій насъ вопросъ. Статистика нѣкоторыхъ странъ даетъ, правда, распредѣленіе зарегистрированныхъ въ моментъ переписи населенія брачныхъ паръ или семействъ по категоріямъ, отличающимся одна отъ другой количествомъ дѣтей. Въ подлежащихъ статистическихъ таблицахъ значится, между прочимъ, сколько брачныхъ паръ не имѣютъ вовсе дѣтей. Отнеся это число къ числу всѣхъ брачныхъ паръ, можно вывести процентное отношеніе бездѣтныхъ браковъ. Но это процентное отношеніе не имѣетъ большого значенія, такъ какъ оно не есть результатъ полнаго наблюденія опредѣленной группы брачныхъ паръ, т. е. наблюденія, распространяющагося на все время существованія брака, а относится къ брачнымъ парамъ, бывшимъ налицо въ опредѣленный моментъ времени. Въ числѣ этихъ брачныхъ паръ есть такія, которыя въ данный моментъ еще не имѣютъ дѣтей, но могутъ дать дѣтей въ будущемъ. А насъ

интересуетъ вопросъ, сколько браковъ изъ 100 или 1000 остаются окончательно бездѣтными. Для рѣшенія этого вопроса слѣдуетъ, очевидно, выдѣлить тѣ брачныя пары, положеніе которыхъ уже окончательно выяснилось, т. е. такія, для которыхъ со времени заключенія брака протекло напр. 15 или 20 лѣтъ. Но такое выдѣленіе возможно лишь при томъ условіи, что статистика показываетъ числа дѣтей отдѣльно для лицъ, состоящихъ въ бракѣ 1 годъ, 2 года, 3 года и т. д. На самомъ дѣлѣ статистическія данныя этого распредѣленія, вообще говоря, не даютъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что для высненія вопроса о бездѣтности нужно, чтобы регистрировались и дѣти умершія раньше момента регистраціи, что тоже, по общему правилу, не дѣлается. Мало того: процентное отношеніе бездѣтныхъ браковъ, какъ можно предполагать a priori, существенно зависитъ отъ возраста, въ которомъ состояли супруги при вступленіи въ бракъ, т. е. коэффиціентъ бездѣтности будетъ различенъ для тѣхъ браковъ, гдѣ жениху, напр., 30 и невѣстѣ 25 лѣтъ, и для тѣхъ, въ которыхъ жениху 50 лѣтъ и невѣстѣ 35 лѣтъ. И если мы можемъ вообще сколько-нибудь надѣяться получить коэффиціенты бездѣтности общаго значенія, т. е. годные для всѣхъ странъ и эпохъ, то очевидно лишь для группъ съ опредѣленной комбинаціей возрастовъ супруговъ. Это опять-таки предполагаетъ очень детальную статистику.

Такая статистика существуетъ лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей. Директоръ Норвежскаго статистическаго бюро Кіэръ не такъ давно опубликовалъ свои изслѣдованія по этому предмету [1]). Его изслѣдованія относятся не ко всему населенію Норвегіи, а къ извѣстной, спеціально для цѣлей ислѣдованія выбранной части этого населенія, при чемъ, однако, Кіэръ находитъ возможнымъ придавать полученнымъ результатамъ распространительное толкованіе, т. е. считать ихъ какъ бы относящимися ко всей Норвегіи. Приведу

---

[1]) A. N. Kiaer. Statistische Beiträge zur Beleuchtung der ehelichen Fruchtbarkeit. Christiania 1903—05.

на выдержку коэффиціенты бездѣтности (т. е. % браковъ, не давшихъ дѣтей) для слѣдующихъ возрастовъ при продолжительности браковъ въ 20 и больше лѣтъ.

Возрастъ	Возрастъ невѣсты.				
жениха.	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44
до 24	3,08	2,0	6,7	14,1	31,4
25—29	1,30	5,5			
30—34	3,66	6,9	5,9	12,8	
35—	6,61	9,1	8,3	18,8	44,3

Числа эти обнаруживаютъ существенныя различія. Вообще, при данномъ возрастѣ жены, бездѣтность повышается съ возрастомъ мужа съ тѣмъ, однако, исключеніемъ, что когда мужъ моложе жены, то это въ большинствѣ случаевъ невыгодно отражается на плодовитости, такъ что минимумъ бездѣтности передвигается. Исключеніе изъ этого исключенія получается для возраста невѣсты 25—29 л. Вообще-же неправильности въ ходѣ чиселъ могутъ объясняться и малочисленностью наблюденій.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что коэффиціентъ бездѣтности очень сильно мѣняется въ зависимости отъ комбинацій возрастовъ супруговъ. Отсюда ясно, что, если взять двѣ группы, напр., населенія двухъ различныхъ странъ, то, помимо всего прочаго, уже одно неодинаковое распредѣленіе брачущихся по возрастамъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ, что для этихъ группъ, взятыхъ въ цѣломъ, получатся различные коэффиціенты бездѣтности. Возможны, конечно, совпаденія, но эти совпаденія будутъ, при неодинаковомъ возрастномъ распредѣленіи брачущихся, случайными.

Между тѣмъ возрастное распредѣленіе брачущихся есть факторъ въ высокой степени *соціальнаго* характера. Раннее или позднее заключеніе браковъ зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ экономическихъ и правовыхъ причинъ, напр. отъ аграрнаго строя страны, отъ преобладанія крупной или мелкой промышленности, отъ того, существуетъ ли или нѣтъ общая воинская повинность и какъ она поставлена и т. д. и т. д. Но спрашивается, могутъ ли коэффиціенты

бездѣтности, вычисленные для отдѣльныхъ возрастныхъ группъ, какъ это сдѣлано Кіэромъ, претендовать на всеобщее значеніе.

На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ, и притомъ отвѣтъ отрицательный, дальнѣйшія изслѣдованія того-же Кіэра. Они показываютъ, что эти дифференцированные по возрасту коэффиціенты неодинаковы для городскаго и сельскаго населенія, что бездѣтность выше въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, и что она особенно высока въ столицѣ, Христіаніи.

Далѣе, можно установить, что коэффиціентъ бездѣтности въ значительной степени зависитъ отъ профессіи лицъ, состоящихъ въ бракѣ. Въ общемъ, онъ для Норвегіи сравнительно высокъ въ группѣ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ въ высшихъ должностяхъ, а также въ средѣ коммерсантовъ. Минимумъ-же получается для группы сельскихъ рабочихъ, живущихъ на арендованной землѣ (т. е. полу-хозяевъ), тогда какъ поденщики, занятые въ сельскомъ хозяйствѣ, даютъ менѣе благопріятные результаты.

Оказывается, такимъ образомъ, что, рядомъ съ возрастомъ обоихъ супруговъ, слѣдуетъ при вычисленіи коэффиціентовъ бездѣтности имѣть въ виду во всякомъ случаѣ еще принадлежность къ тому или другому разряду населенія (сельскому, городскому, столичному) и родъ занятія.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что существуетъ зависимость еще отъ другихъ признаковъ, но съ насъ довольно и указанныхъ трехъ или четырехъ моментовъ (возрастъ жениха, возрастъ невѣсты, разрядъ населенія, родъ занятія). Положимъ, что мы имѣемъ возможность для различныхъ странъ и для различныхъ эпохъ опредѣлить коэффиціенты бездѣтности для группъ, характеризованныхъ различными комбинаціями этихъ четырехъ признаковъ. Есть ли основаніе предполагать, что аналогичныя группы въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи дадутъ тожественные числовые показатели?

Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, обратимся къ этіологіи бездѣтности. Объ этомъ предметѣ мы находимъ у Кіэра рядъ цѣнныхъ указаній. Оказывается, что явленіе бездѣтности стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ распространенностью венерическихъ болѣзней. Въ этомъ сходятся всѣ

современные авторитеты медицины. Прежде принято было объяснять бездѣтность исключительно безплодіемъ женщины. Теперь-же пришли къ тому выводу, что при бездѣтности въ очень большомъ числѣ случаевъ вина падаетъ на мужа, причемъ тутъ главнѣйшую роль играютъ именно перенесенныя венерическія заболѣванія. Но кому не извѣстно, что бо́льшая или меньшая подверженность этого рода заболѣваніямъ зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій, которыя отнюдь не одинаковы въ различныхъ странахъ и которыя въ одной и той же странѣ подвержены измѣненіямъ во времени?

Болѣе глубокій анализъ явленія бездѣтности приводитъ насъ опять къ соціальнымъ факторамъ, и теперь мы уже можемъ съ полной увѣренностью сказать, что двѣ группы, совпадающія по всѣмъ четыремъ вышеуказаннымъ признакамъ, лишь случайно могутъ дать одинъ и тотъ же коэффиціентъ бездѣтности, если онѣ относятся къ различнымъ странамъ или эпохамъ. Слѣдовательно, нужно оставить надежду путемъ дифференціаціи статистическаго матеріала обрѣсти коэффиціенты, независящіе отъ времени и мѣста.

Но не слишкомъ ли поспѣшно такое общее заключеніе? Быть можетъ, мы сдѣлали ошибку, выбравъ именно тѣ четыре признака, которые, вѣдь, какъ оказывается, стоятъ лишь въ посредственной, косвенной связи съ явленіемъ бездѣтности. Принадлежность къ городскому населенію, напр., вѣроятно, потому только и повышаетъ коэффиціентъ бездѣтности, что въ городахъ венерическія болѣзни сравнительно больше распространены.

Поэтому можно было бы задаться мыслью, не слѣдуетъ-ли для разграниченія различныхъ группъ взять другіе признаки, болѣе непосредственно вліяющіе на бездѣтность. Возрастъ можно было-бы оставить, но затѣмъ, вмѣсто принадлежности къ тому или другому разряду населенія и вмѣсто профессіи, слѣдовало бы остановиться, скажемъ, на патологическомъ прошломъ каждаго лица. Получились бы для каждой комбинаціи возрастовъ супруговъ двѣ группы, различаемыя по тому, подвергался ли или не подвергался женихъ извѣст-

нымъ заболѣваніямъ. Ясно, однако, что такое подраздѣленіе было бы слишкомъ грубо. Для полученія опредѣленныхъ результатовъ слѣдовало бы провести дѣленіе еще по числу, тяжести, характеру перенесенныхъ болѣзней.

Нечего и говорить, что это практически совсѣмъ неосуществимо, такъ какъ особенность статистическаго метода изслѣдованія въ томъ именно и заключается, что регистрируются признаки внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошлому лишь такіе, которые оставили видимый слѣдъ въ настоящемъ.

Но даже если и допустить, что при совершенно измѣнившихся общественныхъ условіяхъ, взглядахъ и нравахъ, возможна была бы точная регистрація и самыхъ, такъ сказать, сокровенныхъ признаковъ и явленій, статистика при разработкѣ своего матеріала всетаки не могла бы избѣжать извѣстнаго схематизма, сопряженнаго съ игнорированіемъ индивидуальныхъ различій, не говоря уже о томъ, что дифференцированіе статистическаго матеріала находитъ себѣ естественную границу въ томъ, что черезчуръ дробныя подраздѣленія даютъ въ результатѣ слишкомъ малочисленныя группы, не удовлетворяющія болѣе условіямъ приложимости закона большихъ чиселъ. Но предположимъ даже, что мы обладаемъ неограниченнымъ статистическимъ матеріаломъ, который можно, сколько угодно, дробить. Мы составляемъ, слѣдовательно, группы по комбинаціямъ очень многихъ признаковъ.

Обозначимъ такую группу символически черезъ (*a b c d e f*, . . .). Въ нашемъ примѣрѣ *a* пусть будетъ опредѣленный возрастъ одного супруга, *b* другого, *c* пусть обозначаетъ характеръ, количество, тяжесть перенесенныхъ до брака венерическихъ заболѣваній, *d* пусть обозначаетъ тотъ фактъ, были-ли случаи бездѣтности среди боковыхъ родственниковъ супруговъ и т. д. Положимъ, что для данной группы коэффиціентъ бездѣтности опредѣлился въ 5%.

Теперь возьмемъ другую вполнѣ аналогичную группу, но относящуюся къ другой странѣ. Есть ли основаніе ожидать, что мы и здѣсь получимъ ту-же цифру (5%)? Возможно, что мы получимъ число близкое къ 5%, напр. 4,8%. Но

и это не вытекаетъ съ необходимостью изъ существа дѣла, а полное совпаденіе чиселъ было бы не болѣе, какъ случайностью. И это потому, что одинаковость признаковъ, которая характеризуетъ логическое соотношеніе этихъ двухъ группъ, не означаетъ еще тожества тѣхъ общихъ условій, дѣйствію которыхъ подвержена та и другая группа. Никакой аккумуляціей признаковъ нельзя привести этихъ условій къ полному равенству. Рядомъ съ общностью извѣстныхъ признаковъ, наши двѣ группы, какъ относящіяся къ различнымъ странамъ, будутъ непремѣнно представлять различія въ бытовомъ отношеніи, притомъ различія, оказывающія вліяніе даже на такое явленіе, какъ бездѣтность, которое, на первый взглядъ, представляется, такъ сказать, чисто общечеловѣческимъ, зависящимъ лишь отъ естественныхъ свойствъ человѣка. Такъ, мы видимъ, что существуетъ связь между бездѣтностью и извѣстнаго рода болѣзнями. Ясно, что значеніе этихъ болѣзней различно, напр., хотя бы въ зависимости отъ состоянія медицины и постановки вопроса о врачебной помощи. Если съ этой стороны между двумя какими-нибудь странами существуетъ различіе,—а странъ, въ которыхъ въ этомъ отношеніи существовали бы вполнѣ тожественныя условія, разумѣется, и подыскать нельзя—то это различіе затрагиваетъ все населеніе той и другой страны, такъ что въ двухъ аналогичныхъ, т. е. характеризованныхъ той-же комбинаціей признаковъ, группахъ, изъ которыхъ одна составляетъ часть населенія какой-нибудь страны *A*, а другая часть населенія какой-нибудь другой страны *B*, мы непремѣнно встрѣтимся съ болѣе или менѣе существенными для даннаго вопроса бытовыми особенностями.

Сравнительная статистика, какъ бы она ни шла далеко въ дробленіи статистическаго матеріала, и какъ бы она ни ограничивала предѣлы сравненія, никогда не будетъ въ состояніи элиминировать этого фактора. Бытовыя условія такъ многообразны и въ такой высокой степени исторически-индивидуальны, что они не допускаютъ иной, кромѣ самой грубой классификаціи. Напр., по вопросу о постановкѣ врачебной помощи, имѣющему значеніе не только для явленія без-

дѣтности, но также и прежде всего для смертности вообще и для смертности отъ опредѣленныхъ болѣзней, всякая попытка свести существующія въ этомъ отношеніи различія между отдѣльными государствами къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ типамъ оказалась бы тщетною. Тутъ играетъ роль прежде всего число врачей, отнесенное къ цифрѣ населенія, затѣмъ, требованія которыя ставятся законодательствомъ къ лицамъ, занимающимся врачеваніемъ, бо́льшая или меньшая распространенность больничныхъ кассъ, существованіе или отсутствіе обязательнаго страхованія отъ болѣзней и т. д. и т. д. Каждое государство представляетъ въ этомъ отношеніи, строго говоря, нѣчто единственное въ своемъ родѣ. И при соединеніи нѣсколько государствъ въ группы, пришлось бы тѣ или другія различія игнорировать, причемъ отсутствовала бы всякая гарантія, что какъ разъ эти различія не оказываютъ вліянія на данное явленіе.

Такимъ образомъ задача нахожденія или установленія статистическихъ коэффиціентовъ универсальнаго значенія, т. е. примѣнимыхъ къ группамъ, отвѣчающимъ опредѣленнымъ, общимъ образомъ означеннымъ, условіямъ и признакамъ, оказывается невыполнимой даже тамъ, гдѣ дѣло касается явленій біологическаго характера, лишь косвенно зависящихъ отъ исторически сложившихся условій соціальной среды. Общепримѣнимыхъ коэффиціентовъ бездѣтности, хотя бы дифференцированныхъ по сложнѣйшимъ комбинаціямъ признаковъ, можно съ увѣренностью сказать, не существуетъ.

И такъ же точно, по принципіальнымъ основаніямъ, а отнюдь не вслѣдствіе несовершенствъ тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которые доступны современной статистикѣ, не существуетъ общепримѣнимыхъ, независящихъ отъ времени и мѣста, коэффиціентовъ смертности, заболѣваемости и проч., а тѣмъ болѣе напр, коэффиціентовъ преступности. Тутъ стоитъ лишь поставить опредѣленно задачу, чтобы убѣдиться въ томъ, что она не допускаетъ рѣшенія. Дѣйствительно, вопросъ заключался бы въ томъ, сколько лицъ изъ 1000 совершаютъ въ теченіе года убійство или подлогъ въ группѣ лицъ извѣстнаго возраста, извѣстнаго образовательнаго ценза, извѣстной

профессіи, извѣстнаго матеріальнаго достатка и т. д. Я опять-таки и здѣсь совершенно не считаюсь съ тѣмъ, что статистика не даетъ возможности составлять группы по совокупности всѣхъ этихъ признаковъ. Пусть это будетъ возможно. Всякому ясно, что двѣ аналогичныя, т. е. совпадающія по признакамъ, группы этого рода, изъ которыхъ одна находится напр. во Франціи, другая въ Италіи, непремѣнно дадутъ неодинаковое число убійствъ и неодинаковое число подлоговъ. Тутъ играютъ роль различія въ національномъ характерѣ, въ способѣ примѣненія уголовной репрессіи и въ самыхъ разнообразныхъ другихъ отношеніяхъ. Поэтому коэффиціентовъ преступности, отрѣшенныхъ отъ условій времени и мѣста, очевидно, быть не можетъ.

Или возьмемъ еще для примѣра изъ области экономической статистики процентное отношеніе расходовъ, приходящихся на удовлетвореніе потребности въ пищѣ. Это процентное отношеніе очень мѣняется въ зависимости отъ общей высоты расходнаго бюджета. Энгель опредѣлилъ, на основаніи данныхъ, относящихся къ бельгійскимъ рабочимъ, что при годовомъ доходѣ въ 1000 фр. это процентное отношеніе равняется 64. Можно ли придавать этой цифрѣ всеобщее значеніе и ожидать, что, напр., для Англіи или Франціи должно при той же нормѣ годоваго дохода тоже получиться 64%? Конечно, нѣтъ. Стоитъ только принять въ соображеніе, что эта цифра зависитъ отъ сравнительной дороговизны разныхъ продуктовъ, отъ условій землевладѣнія, поскольку они вліяютъ на цѣны квартиръ и косвенно на процентъ расходовъ, идущихъ на пищу, отъ налоговаго и таможеннаго законодательства и т. д.

Но довольно примѣровъ. Я полагаю, что теперь занимающій насъ принципіальный вопросъ достаточно освѣщенъ. Въ отличіе отъ физическихъ коэффиціентовъ, коэффиціенты статистическіе, по логической своей природѣ, лишены универсальнаго значенія. Это вѣрно не только относительно тѣхъ коэффиціентовъ, которые дѣйствительно вычисляются статистикой, но также и относительно тѣхъ коэффиціентовъ, только мыслимыхъ, вычисленіе которыхъ обусловлено возможностью не-

сравненно болѣе детальной обработки статистическаго матеріала, чѣмъ какая выполнима въ настоящее время и чѣмъ какая вообще когда бы то ни было будетъ возможна.

Однако такой отрицательный выводъ, въ извѣстномъ смыслѣ, не долженъ смущать насъ. Онъ не долженъ останавливать статистику передъ детальной научной работой подъ тѣмъ предлогомъ, что такая детальная работа не можетъ дать результатовъ, обладающихъ свойствомъ универсальности, общепримѣнимости.

Прежде всего, мы знаемъ только общимъ образомъ, что *полнаго* совпаденія численныхъ значеній извѣстнаго статистическаго коэффиціента ожидать нельзя. Но и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи бываетъ важно получить хотя бы неполное совпаденіе. И въ этомъ отношеніи та отрасль статистики, которая можетъ считаться наиболѣе разработанной, именно статистика смертности даетъ не мало отрадныхъ примѣровъ. Такъ, напр., при обработкѣ данныхъ о лицахъ, застрахованныхъ въ Готскомъ банкѣ страхованія жизни, старѣйшемъ и крупнѣйшемъ учрежденій этого рода въ Германіи, выдѣлены были нѣкоторыя профессіи, между прочимъ, учителя среднихъ школъ, врачи, духовные и пр. Для каждой изъ этихъ категорій были построены таблицы смертности, и изъ нихъ опредѣлена средняя продолжительность дальнѣйшей жизни, то есть то число лѣтъ, которое по таблицѣ остается прожить въ среднемъ лицу, достигшему извѣстнаго возраста. Такъ, въ возрастѣ 30 лѣтъ для трехъ категорій протестантскихъ пасторовъ, учителей среднихъ школъ и врачей дальнѣйшая продолжительность жизни составляетъ 36,9; 36,6; 32,6. Для всей Германіи подобныхъ же данныхъ не имѣется, но относительно врачей и духовныхъ существуютъ данныя для Вюртемберга, а относительно учителей для Пруссіи. Соотвѣтствующія числа суть: 37,0; 36,6; 33,6. Чтобы судить о значеніи такого согласія числовыхъ результатовъ слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) что приведенныя числа довольно сильно отличаются отъ тѣхъ чиселъ, которыя получатся для населенія въ цѣломъ (31,4 по даннымъ 1871—1881 гг.), а также для всѣхъ застрахованныхъ

въ Готскомъ банкѣ (34,7) и 2) что данныя, изъ которыхъ выведены, съ одной стороны, цифры для застрахованныхъ, а, съ другой стороны, для всѣхъ вюртембергскихъ пасторовъ и врачей и прусскихъ учителей, не совпадаетъ вовсе по составу подлежащихъ статистическихъ группъ. Страхуются, конечно, далеко не всѣ. Съ другой стороны, застрахованные распредѣлены по всей Германіи, а не принадлежатъ исключительно къ населенію Вюртемберга или Пруссіи. Къ тому же, и періодъ времени, къ которому относятся данныя банка и данныя общей статистики, не вполнѣ совпадаютъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что страхующіеся подвергаются медицинскому осмотру, и что въ числѣ 30-лѣтнихъ врачей, учителей, пасторовъ есть навѣрное и такіе, которые не удовлетворяютъ и не удовлетворяли раньше требованіямъ, предъявляемымъ въ смыслѣ здоровья къ страхующимся лицамъ. О другихъ моментахъ, обусловливающихъ различія въ условіяхъ смертности сравниваемыхъ группъ, я и не говорю. Если же, при всемъ томъ, получается столь близкое совпаденіе результатовъ, то числа, выражающія среднюю продолжительность жизни застрахованныхъ въ Готскомъ банкѣ врача, пастора, учителя пріобрѣтаютъ болѣе общее значеніе. Они, очевидно, до извѣстной степени примѣнимы вообще къ живущимъ въ Германіи врачамъ, пасторамъ и учителямъ.

Я позволю себѣ привести еще одинъ примѣръ подобнаго совпаденія, взятый изъ другой области. Такъ, Энгель нашелъ, что въ средѣ зажиточныхъ рабочихъ (семейныхъ) на пищу тратится въ Бельгіи 61% дохода, на одежду 15%. Для Саксоніи аналогичная группа дала 62% и 16%. Конечно, и тутъ близкое совпаденіе чиселъ повышаетъ научное значеніе результата.

Я еще разъ обращаю вниманіе на то, что эти совпаденія получены при условіи достаточно детальной разработки матеріала. При сравненіи общей массы застрахованныхъ Готскимъ банкомъ съ общимъ населеніемъ Германіи получается, какъ мы видимъ, для средней продолжительности жизни 30-лѣтняго разница въ 3 года съ лишнимъ. А если бы Энгель взялъ вообще какія-нибудь бельгійскія семейства и сравнилъ ихъ съ любыми

саксонскими семействами, то онъ, надо полагать, не получилъ бы столь близкихъ результатовъ.

Итакъ, дробленіе статистическаго матеріала, составленіе группъ по сложнымъ комбинаціямъ признаковъ оказывается далеко не безполезнымъ уже въ томъ отношеніи, что оно нерѣдко приводитъ къ мало отличающимся, въ нѣкоторой мѣрѣ типическимъ статистическимъ показателямъ.

Но этимъ значеніе указанной статистической операціи не ограничивается.

Эта операція даетъ намъ группы, схожія между собой въ отношеніи комплекса опредѣляющихъ ихъ признаковъ, но она даетъ также и группы, отличныя одна отъ другой въ отношеніи опредѣленнаго признака. Вмѣсто того, чтобы сравнивать между собой аналогичныя группы, можно противопоставлять одну другой группы разнствующія. Такъ, напр. вмѣсто того, чтобы сравнивать врачей, застрахованныхъ въ Готскомъ банкѣ, съ врачами вообще въ Вюртембергѣ, или учителей, застрахованныхъ въ Готскомъ банкѣ, съ учителями вообще въ Пруссіи, можетъ представить интересъ сопоставить врачей съ учителями.

Такого рода сравненія производятся не съ цѣлью получить числа близкія, мало одно отъ другого отличающіяся, но напротивъ въ ожиданіи, что обнаружится нѣкоторое различіе чиселъ, и что въ этомъ отношеніи различныя страны и эпохи дадутъ приблизительно одинъ и тотъ-же результатъ. Такъ напр. старѣйшіе статистики подмѣтили, что смертность городского населенія превышаетъ смертность сельскаго населенія. Такое превышеніе наблюдалось для различныхъ эпохъ и для различныхъ странъ. Именно въ силу такого совпаденія и считали себя въ правѣ говорить, что условія городской жизни вообще неблагопріятнымъ образомъ отзываются на здоровьѣ и долговѣчности населенія.

Или возьмемъ другой примѣръ: смертность по возрастнымъ группамъ. Коэффиціентъ смертности опредѣляется здѣсь отдѣльно для каждой возрастной группы, и полученныя численныя значенія сравниваются между собой. Оказывается, что смертность, высокая въ періодѣ ранняго дѣтства, постоянно

убываетъ, достигаетъ минимума въ возрастѣ 13—14 л. и затѣмъ начинаетъ возрастать сначала медленно, затѣмъ все быстрѣе до самыхъ преклонныхъ возрастовъ. Такая картина получается для всѣхъ странъ, городовъ, вообще для всякихъ группъ населенія. Говорятъ поэтому, что между смертностью и возрастомъ существуетъ опредѣленная зависимость общаго характера, подобно тому, какъ аналогичная зависимость существуетъ между тою-же смертностью и принадлежностью къ городскому или сельскому населенію. Этого рода зависимости представляютъ собой особый, болѣе сложный видъ статистической закономѣрности.

Я позволю себѣ привести еще примѣръ изъ области хозяйственной (аграрной) статистики. Для Штиріи установлено, что цѣна гектара земли, регистрируемая при переходѣ участковъ изъ рукъ въ руки, измѣняется въ зависимости отъ того, происходитъ ли этотъ переходъ: 1) посредствомъ продажи съ вольной руки или съ аукціона, 2) путемъ наслѣдованія или 3) между живыми но не посредствомъ продажи. Третій случай имѣется на лицо, главнымъ образомъ, при передачѣ земельныхъ участковъ отцомъ сыну еще при жизни отца за его старостью или неспособностью къ труду. Средняя цѣна гектара составляетъ соотвѣтственно 230, 172 и 70 гульденовъ. Ближайшее выясненіе причинъ этихъ различій завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Повидимому, тутъ немаловажную роль играетъ то обстоятельство, что во второмъ, а въ особенности въ третьемъ случаѣ прежній владѣлецъ, т. е. глава семьи или вся семья сообща склонны, такъ сказать, оказывать покровительство члену семьи, вступающему во владѣніе недвижимостью, что и выражается въ сравнительно низкой оцѣнкѣ. Какъ бы то ни было, разница въ числахъ не носитъ характера случайнаго, а указываетъ на зависимость, существующую между нормами, принимаемыми для оцѣнки земельныхъ участковъ, и тѣмъ поводомъ, по которому производится такая оцѣнка.

Еще примѣръ. Расходъ на пищу составляетъ различный процентъ общей суммы расходовъ, смотря прежде всего по тому, съ какимъ классомъ населенія мы имѣемъ дѣло, но

также напр. и въ зависимости отъ состава семейства. Въ послѣднемъ отношеніи для малоимущихъ классовъ населенія Берлина, путемъ наблюденія опредѣленнаго числа хозяйствъ, установлено, что этотъ процентъ въ зависимости отъ числа лицъ, изъ которыхъ состоитъ хозяйство, составляетъ соотвѣтственно:

При числѣ лицъ въ хозяйствѣ	% расходовъ на пищу	При числѣ лицъ въ хозяйствѣ	% расходовъ на пищу
1	45	8	58
2	44	9	53
3	47	10	61
4	50	11	63
5	51	12	66
6	53	13	63
7	55		

Какъ видно, доля расходовъ, приходящихся на пищу, вообще говоря, повышается при переходѣ отъ малосемейныхъ къ многосемейнымъ хозяйствамъ. Пониженіе съ 45% на 44%, надо полагать, вполнѣ закономѣрно и объясняется оно тѣмъ, что лица одинокія, холостыя или вдовыя, преимущественно питаясь въ трактирахъ и ресторанахъ, переплачиваютъ по сравненію съ людьми семейными. Процентныя-же отношенія, получившіяся для хозяйствъ въ 9 и 13 человѣкъ, представляютъ неправильности, навѣрное вызванныя недостаточностью числа наблюденій.

Это послѣднее замѣчаніе подлежитъ обобщенію. Всякія зависимости подобнаго рода, выражающіяся въ томъ, что какая-нибудь статистическая величина измѣняется подъ вліяніемъ опредѣленнаго фактора, обнаруживаются лишь при томъ условіи, чтобы число единичныхъ фактовъ, которые легли въ основаніе наблюденія, было достаточно великимъ. Это вытекаетъ непосредственно изъ извѣстнаго намъ положенія, въ силу котораго относительныя числа статистики, сами по себѣ взятыя, подвержены случайнымъ уклоненіямъ, обусловливаемымъ ограниченностью числа наблюденій. Отсюда ясно, что и на взаимоотношеніи между различными

относительными числами, изъ которыхъ каждое находится въ этихъ условіяхъ, малочисленность наблюденій должна будетъ отражаться подобнымъ-же образомъ.

Это можно пояснить на примѣрѣ двухъ урнъ, въ которыхъ бѣлые и черные шары содержатся въ различныхъ пропорціяхъ. Пусть въ одной урнѣ бѣлые шары составляютъ $^1/_3$, а въ другой $^1/_4$ общаго числа шаровъ. Если произвести извѣстное число вынниманій изъ первой и изъ второй урны, то слѣдуетъ ожидать, что изъ первой чаще, чѣмъ изъ второй, вынется бѣлый шаръ, при очень большомъ числѣ вынниманій приблизительно во столько разъ чаще, во сколько $^1/_3$ превосходитъ $^1/_4$, или во сколько 4 превосходитъ 3. Но если произвести всего, напр., 10 или 20 вынниманій изъ каждой урны, то легко можетъ получиться, что изъ первой урны бѣлый шаръ вынется рѣже, чѣмъ изъ второй. Было бы, слѣдовательно, неправильно утверждать, что при испытаніяхъ съ первой урной чаще, чѣмъ при испытаніяхъ со второй урной появляется бѣлый шаръ. Можно лишь сказать, что данныя условія *благопріятствуютъ* тому, что первая урна даетъ въ результатѣ больше бѣлыхъ шаровъ, чѣмъ вторая.

Также точно и статистическія зависимости, о которыхъ мы говоримъ теперь, представляютъ собой *отношенія благопріятствованія* (а не причинной связи). Такъ напр., если статистикой установлено, что на 100 или 1000 лицъ холостыхъ приходится больше преступныхъ дѣяній, чѣмъ на 100 или 1000 лицъ женатыхъ, то это не даетъ права утверждать, что холостое состояніе является *причиной* болѣе частаго совершенія преступленій, такъ какъ съ понятіемъ причинной связи соединяется понятіе о связи неизмѣнной, между тѣмъ какъ въ данномъ примѣрѣ легко можетъ случиться, что нѣкоторая группа холостыхъ лицъ, состоящая, напр. изъ 5 или 10 человѣкъ, совершитъ въ одинаковый періодъ времени меньше преступныхъ дѣяній, чѣмъ группа женатыхъ равной численности.

Тутъ можно предвидѣть такое возраженіе: соглашаясь съ тѣмъ, что для единичныхъ случаевъ или для малочисленныхъ группъ случаевъ гражданское состояніе не стоитъ въ причин-

ной связи съ преступностью, можно думать, однако, что эта связь для общества, для соціальной группы въ цѣломъ заслуживаетъ названіе причинной.

Но это возраженіе не выдерживаетъ критики, и притомъ по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, умѣстно было бы спросить, съ какого числа, по мнѣнію возражающаго, отношеніе благопріятствованія переходитъ къ отношеніе причинности. Очевидно, что самое стремленіе точно опредѣлить это число, служащее гранью, уже заключало бы въ себѣ логическое противорѣчіе. Во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что статистикѣ, объектомъ коей являются массовыя общественныя явленія, по существу совершенно чужды тѣ пріемы синтеза, которые позволяютъ высказывать объ обществѣ положенія, не примѣнимыя къ индивидамъ, составляющимъ это общество. Статистика никогда не сходитъ съ той точки зрѣнія, что изучаемыя ею общественныя явленія суть не болѣе, какъ массы индивидуальныхъ явленій.

Можно́ еще и съ другой стороны усомниться въ томъ, что факторы и признаки, которые обусловливаютъ тѣ или иныя различія въ численныхъ значеніяхъ какихъ-нибудь статистическихъ величинъ, заслуживаютъ названія причинъ. Скорѣе можно сказать, что эти признаки и факторы, имѣющіе характеръ чего-то внѣшняго, лежащаго, такъ сказать, на поверхности явленій, лишь указываютъ, намекаютъ на дѣйствительныя причины явленій. Что такое, напр., возрастъ человѣка, этотъ признакъ, играющій столь видную роль во всѣхъ изысканіяхъ статистики населенія и нравственной статистики, какъ не симптомъ извѣстнаго сочетанія физіологическихъ и психическихъ свойствъ человѣка, подверженныхъ вліянію времени?

Или возьмемъ, напр., признакъ принадлежности къ сельскому или городскому населенію. Какъ извѣстно, статистика съ успѣхомъ изучаетъ вліяніе также и этого признака на различныя стороны человѣческой жизни. Разумѣется само собой, что вліянія, констатируемыя въ этомъ отношеніи статистикой, имѣютъ характеръ далеко не непосредственный, что принадлежность къ сельскому или городскому населенію

не сама по себѣ дѣлаетъ человѣка болѣе склоннымъ къ совершенію тѣхъ или иныхъ поступковъ или болѣе подверженнымъ тѣмъ или инымъ явленіямъ, въ родѣ, напр., различныхъ болѣзней, а лишь постольку, поскольку съ даннымъ признакомъ связаны нѣкоторыя другія болѣе сокровенныя, а потому и недоступныя статистической регистраціи, условія и притомъ связаны не неизмѣнно и необходимо, а только „преимущественно“ или въ большинствѣ случаевъ.

Отсюда получается *симптоматическій или производный характеръ статистическихъ правильностей*, который, совершенно независимо отъ неточности, вызываемой ограниченностью сферы наблюденія, лишаетъ эти правильности свойства всеобщности и незыблемости.

Укажу на одинъ особенно поучительный и сравнительно новый примѣръ того, что даже такія правильности статистики, которыя имѣютъ репутацію вполнѣ прочно-установленныхъ, могутъ въ иныхъ случаяхъ допускать исключенія. Этотъ примѣръ касается зависимости между смертностью и возрастомъ. Оказывается, что тотъ несчетное число разъ наблюдавшійся фактъ, что коэффиціентъ смертности, начиная съ нѣкотораго возраста, близкаго къ 13—15 годамъ, постепенно возрастаетъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ наблюденіяхъ надъ смертностью лицъ неспособныхъ къ труду. Если статистическій матеріалъ, относящійся къ этимъ лицамъ, разбить на возрастныя группы, то получится совершенно неожиданный результатъ: начиная съ возраста 20—25 лѣтъ и вплоть до 60—65 коэффиціентъ смертности тутъ постепенно понижается и лишь въ періодѣ старости, на склонѣ человѣческой жизни, начинаетъ обнаруживать тенденцію къ повышенію. Этотъ замѣчательный статистическій результатъ, подтвердившійся, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ на данныхъ объ инвалидахъ труда въ Германіи, получающихъ пенсіи на основаніи закона о страхованіи рабочихъ на случай неспособности къ труду и старости, можетъ быть, повидимому, на основаніи тѣхъ же данныхъ, объясненъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ возрастѣ сравнительно молодомъ неспособность къ труду вызывается по преимуществу такими болѣзнями, какъ напр.

чахоткой, которыя сильно сокращаютъ продолжительность жизни—ускоряютъ наступленіе смерти, между тѣмъ какъ въ болѣе высокихъ возрастахъ въ ряду причинъ инвалидности эти болѣзни играютъ относительно меньшую роль. Но и такое объясненіе, если предположить его правильнымъ, не лишаетъ той особенности смертности инвалидовъ, въ силу коей коэффиціентъ смертности для нихъ на протяженіи отъ 20 до 60 или 65 лѣтъ понижается вмѣсто того, чтобы возрастать, характера *исключенія* изъ правила, считавшагося всеобщимъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлались извѣстны результаты спеціальныхъ изслѣдованій о смертности инвалидовъ.

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, что факторъ, именуемый возрастомъ, имѣющій, вообще говоря, преобладающее вліяніе на смертность, въ большинствѣ случаевъ выступаетъ въ *такомъ* сочетаніи съ многообразными вліяющими на смертность условіями, которое даетъ въ итогѣ тѣмъ бо́льшую смертность, чѣмъ возрастъ выше. Но въ одномъ, особенномъ, случаѣ тотъ же факторъ сочетается съ извѣстными условіями совсѣмъ иначе, благодаря чему конечный результатъ получается уже прямо противоположный.

Въ подобнаго рода примѣрахъ нѣтъ недостатка. Такъ, положеніе, что городское населеніе подвержено высшей сравнительно съ сельскимъ смертности, считалось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій незыблемымъ, не терпящимъ никакихъ исключеній. Между тѣмъ въ настоящее время, благодаря санитарнымъ успѣхамъ городовъ, оказывается возможнымъ спорить объ общепримѣнимости этого положенія.

Не иначе обстоитъ дѣло съ зависимостью преступленій противъ собственности отъ цѣнъ на хлѣбъ, выражавшеюся прежде въ томъ, что съ повышеніемъ этихъ цѣнъ и преступность увеличивалась, и обратно. Для послѣднихъ десятилѣтій, по даннымъ германской статистики, такой зависимости больше не замѣчается. Это объясняется, повидимому, усложненіемъ жизни, тѣмъ, что получили преобладаніе другіе экономическіе факторы, затемняющіе или парализующіе вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ, которыя на болѣе примитивной ступени экономическаго развитія играли преобладающую роль.

Итакъ, мы можемъ сказать, что подмѣчаемыя статистикой зависимости между какимъ нибудь факторомъ и численнымъ значеніемъ той или другой статистической величины, имѣютъ характеръ относительный, а не абсолютный. Эти зависимости или правильности ограничены предѣлами времени и мѣста.

При этомъ, такое свойство статистическихъ правильностей характеризуетъ ихъ *по существу*. Нельзя полагаться въ этомъ отношеніи на успѣхи статистической науки и разсчитывать, что въ будущемъ, при болѣе совершенныхъ методахъ разработки статистическихъ данныхъ, удастся найти зависимости самаго общаго характера, примѣнимыя ко всѣмъ странамъ и эпохамъ. Я говорю: это немыслимо, такъ какъ мы видѣли, что относительность статистическихъ правильностей вытекаетъ изъ ихъ симптоматическаго, производнаго и сложнаго характера. А этотъ характеръ они сохранятъ навсегда. Во-первыхъ, потому, что статистика никогда не будетъ въ состояніи описывать явленія иначе, какъ съ внѣшней стороны. Во-вторыхъ, статистическое изслѣдованіе не въ силахъ изолировать какой нибудь одинъ факторъ и въ чистомъ видѣ наблюдать его дѣйствіе. Если мы сравниваемъ между собой двѣ статистическія группы, изъ которыхъ каждой соотвѣтствуетъ опредѣленное сочетаніе признаковъ, причемъ всѣ признаки у нихъ общіе кромѣ одного, то разница въ численныхъ показаніяхъ, получающихся для первой и для второй группы, отнюдь не выражаетъ собой характеръ и мѣру дѣйствія этого одного признака, самого по себѣ взятаго, внѣ связи съ другими признаками. И тутъ слѣдуетъ помнить, что тожество наименованія или обозначенія не есть еще дѣйствительное тожество условій, которыя скрываются за этими обозначеніями. Никакимъ дробленіемъ статистическаго матеріала установить такого тожества всѣхъ прочихъ условій, кромѣ одного, вліяніе коего изучается, невозможно. Слѣдовательно, никакіе успѣхи статистики никогда не приведутъ къ обобщеніямъ въ родѣ тѣхъ, которыя составляютъ достояніе точныхъ наукъ. Относительный и условный характеръ статистическихъ правильностей присущъ имъ по необходимости и сохранится за ними навсегда.

Въ заключеніе умѣстно будетъ спросить себя, не лишаетъ ли статистическія правильности ихъ относительность и условность практическаго значенія. Возможно-ли основывать какія бы то ни было законодательныя или административныя мѣропріятія на статистическихъ обобщеніяхъ, если эти обобщенія сохраняютъ свою силу лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ вникнуть въ существо тѣхъ задачъ, которыя возникаютъ въ сферѣ законодательства и управленія. Задачи эти или относятся къ области такъ называемыхъ принципіальныхъ вопросовъ, при разрѣшеніи которыхъ нѣтъ мѣста статистикѣ, или же онѣ сводятся къ изысканію наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ достиженія опредѣленной цѣли. Въ послѣднемъ случаѣ, когда именно очень часто и выступаетъ на сцену статистика, законы и административныя распоряженія являются строго пріуроченными къ даннымъ условіямъ, къ данной странѣ, къ данной эпохѣ. Поэтому законодатель и администраторъ можетъ вполнѣ довѣриться и такимъ показаніямъ статистическаго опыта, которыя завѣдомо лишены характера всеобщности. Если напр. статистикой установлено, что работа въ рудникахъ, скажемъ, при извѣстной температурѣ сокращаетъ среднюю жизнь и повышаетъ заболѣваемость среди рабочихъ испытывающихъ на себѣ вліяніе повышенной температуры, то будетъ вполнѣ логично положить этотъ статистическій результатъ въ основу соотвѣтствующаго закона, запрещающаго или ограничивающаго работу въ такихъ условіяхъ. Да, это будетъ логично и въ томъ случаѣ, если законъ предполагается издать для Россіи, а статистическое показаніе относится къ Германіи, такъ какъ есть основаніе думать, что чрезмѣрно высокая температура оказываетъ приблизительно такое-же вліяніе на русскаго горнорабочаго, что и на нѣмецкаго.

Въ другихъ вопросахъ, въ особенности экономическаго характера, связанныхъ не столько съ физіологическими, какъ съ нравственными свойствами человѣка, съ его образомъ мыслей, воззрѣніями и т. д., такого рода перенесеніе результатовъ, полученныхъ для одной страны, на другую страну или, выра-

жаясь общѣе, для одной соціальной группы, на другую группу, можетъ, разумѣется, оказаться недопустимымъ. Тутъ слѣдуетъ руководствоваться извѣстнымъ тактомъ и помнить, что, вообще говоря, совпаденія результатовъ можно ожидать лишь при томъ условіи, что данныя группы представляются между собой въ достаточной мѣрѣ сходными.

Въ томъ же случаѣ, когда законодатель или администраторъ прибѣгаетъ къ отечественной статистикѣ, условіе сходства подлежащихъ группъ, т. е. группы, для которой найденъ извѣстный статистическій результатъ, и той группы, на которую имѣетъ быть распространена извѣстная законодательная мѣра, будетъ, очевидно, лучше всего обезпечено тогда, когда эти обѣ группы не отдѣлены одна отъ другой слишкомъ большимъ промежуткомъ времени, такъ какъ условія жизни, вообще говоря, измѣняются медленно. Это равносильно требованію, чтобы при всякихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ пользоваться для обоснованія ихъ, по возможности, новыми, а не устарѣвшими данными.

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что неопредѣленность статистическихъ правильностей касается чаще всего *мѣры* вліянія, а не направленія вліянія извѣстнаго фактора. Такъ напр. незаконныя дѣти повсемѣстно подвержены болѣе высокой смертности, чѣмъ законныя. Но въ однихъ государствахъ, въ одно время это превышеніе больше, въ другихъ государствахъ и въ другое время меньше. Если теперь принимаются мѣры къ защитѣ жизни и здоровья незаконныхъ дѣтей и при этомъ ссылаются на статистику, то, очевидно, размѣръ сказаннаго превышенія большой роли не играетъ; достаточно, чтобы такое превышеніе, сколько-нибудь значительное, было налицо. Также точно относительно проектируемой мѣры защиты достаточно знать, что эта мѣра способна вообще понизить смертность, все равно на 20 или на 40%.

Общимъ образомъ мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что условность, относительность и неопредѣленность статистическихъ обобщеній принципіально не можетъ служить помѣ-

хой тому, чтобы эти обобщенія полагать въ основу извѣстныхъ мѣропріятій законодательнаго и административнаго характера, поскольку эти мѣропріятія преслѣдуютъ цѣли, пріуроченныя къ опредѣленнымъ условіямъ пространства, времени и среды и вмѣстѣ съ тѣмъ не втиснутыя въ рамки строгихъ количественныхъ опредѣленій.

Проф. В. Борткевичъ.

Важнѣйшія опечатки

въ статьѣ В. І. Борткевича.

(№ 8).

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
125	10 сверху	явленія	явленій
„	6 снизу	(peup)	(рентъ)
126	16 „	наблоденія	наблоденій
„	11 „	effectious	effectibus
„	7 „	смертностей	смертности
127	6 сверху	Fortpflanzunge	Fortpflanzung
„	10 „	неточности	наивности
„	20 „	цѣлей	цѣлой
„	10 снизу	опускать	упускать
„	2 „	on	ou
128	16—15 „	Du Systeme etc.	Du Système social et des lois qui le régissent
„	11 „	ciréonspection	circonspection
„	1 „	a	но
129	2 сверху	провинціи, государства	провинціи государства.
„	5 „	выплачивается	уплачивается
„	7 „	выяснить	вычислить
„	20 „	le raffache	se rattache
„	23 „	членъ	часть
130	1 „	sie fast	die Zahl
„	10 снизу	„законъ	законъ
131	1—2 сверху	Sesctzmäffegkeit и т. д.	Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen
„	4 „	кетлеризмъ не замедлилъ	кетлетизмъ не замедлилъ
152	15 снизу	этихъ изученій	этой устойчивости
„	11 „	Bienaymê	Bienaymé
153	2 сверху	въ схемахъ высшее	въ этихъ схемахъ вполнѣ
„	2 „	этой	той
„	3 „	Боколь	Бокль
„	13 снизу	ожиданіемъ	ожиданіями
„	12 „	случаевъ	случая

154	2	сверху	вѣроятности	вѣроятностей
„	7	„	на представителей	на одного изъ представителей
„	„	„	направленія, того	направленія, на того
132	1	снизу	важныя	общія
135	9	сверху	an crimie	au crime
„	2	снизу	абстрагирующихъ	абстрагирующимъ
136	3	сверху	тоже	Кетле
4	4	„	способствовали	способствовалъ
138	8	снизу	того, вѣдь	того, что, вѣдь,
139	17	снизу	отличающихся	отличающійся
141	2	сверху	отдѣльными изданіями	отдѣльнымъ изданіемъ
142	2	сверху	находится, къ общему	находится къ общему
„	7	„	25%	250
„	1	снизу	чиселъ	числа
143	1	сверху	повторенія	повтореній
„	7	„	событій	событія
„	15	снизу	повторенія событій	повтореній событія
„	4	„	вѣроятности	вѣроятностью
„	4	„	приближенно	приближенное
144	7	сверху	которымъ	которыми
147	13	снизу	299	199
148	21	„	статистики	статистическихъ
„	7	„	съ умершими дѣвочками	къ умершимъ дѣвочкамъ
149	13	„	преступленій	преступленія
„	11	„	присуща и отдѣльному	присуща отдѣльному
150	14	сверху	спеціальныя	соціальныя
„	15	„	безгласныя	безличныя
„	17	„	спеціальныхъ	соціальныхъ
„	14	снизу	сводили	сводимъ
„	1	„	непостоянство	не постоянство

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ И НАРОДНОЕ ПРАВОСОЗНАНІЕ.

I.

Общій хоръ голосовъ Комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ 1903 году высказался за безусловную необходимость скорѣйшаго въ томъ или иномъ видѣ надѣленія крестьянъ землей изъ того или иного источника. Мнѣніе это вполнѣ совпадаетъ и съ господствующимъ въ литературѣ предмета взглядомъ о наиболѣе цѣлесообразномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Самые крайніе представители этой литературы не останавливаются передъ провозглашеніемъ необходимости немедленной націонализаціи земли и упраздненія института частной земельной собственности; болѣе умѣренные—полагаютъ возможнымъ ограничиться частичной экспропріаціей частно-владѣльческой земли, за недостаточностью государственнаго земельнаго фонда, и дополнительнымъ надѣленіемъ крестьянъ на началахъ выкупной операціи.

Къ сожалѣнію, всѣ предлагавшіеся до послѣдняго времени радикальные способы разрѣшенія аграрнаго вопроса представляются лишь болѣе или менѣе удачными построеніями на политической почвѣ и требуютъ непосредственнаго вмѣшательства государственной власти во имя одной гуманности безъ какого-либо правового основанія. Очевидно, что популяризація идей Генри Джорджа, исходящихъ изъ отрицанія правового основанія въ институтѣ земельной собствен-

ности, и не могла получить другого проявленія. Однако, въ отсутствіи правовыхъ основаній къ политическимъ построеніямъ въ области аграрнаго вопроса и заключается ихъ слабая сторона, тормозящая проведеніе въ жизнь даже самыхъ симпатичныхъ въ этомъ направленіи проектовъ, и вотъ, за самое послѣднее время, въ литературу вопроса замѣтно проникаетъ сознаніе недопустимости даже политическихъ реформъ, неопирающихся на правовое сознаніе. Это сознаніе заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей подводить юридическій фундаментъ подъ выставляемый ими требованія націонализаціи земли и экспропріаціи частной земельной собственности, въ видѣ того или иного народнаго правосознанія.

Уже Пѣшехоновъ констатируетъ вполнѣ опредѣленно, хотя и въ умѣренной формѣ, наличность у русскаго народа понятія о „трудовой собственности“. Тѣ же мысли въ дальнѣйшемъ развитіи мы встрѣчаемъ и со стороны другихъ авторовъ. Такъ, въ третьей книжкѣ журнала „Народное Хозяйство“ за прошлый годъ помѣщена статья г. Вихляева, въ которой націонализація земли признается уже не только необходимостью въ силу сложившихся политическихъ условій, но даже институтомъ, прямо вытекающимъ изъ русскаго народнаго правосознанія, которому якобы совершенно чуждо понятіе о земельной собственности.

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на аргументаціи г. Вихляева, такъ какъ его статья представляется наиболѣе сжатой компиляціей цѣлаго направленія въ литературѣ аграрнаго вопроса.

II.

Указавъ на проявленіе аграрныхъ безпорядковъ, особенно выражающихся въ массовыхъ порубкахъ и увозѣ крестьянами помѣщичьяго лѣса, и отнеся это проявленіе къ народному сознанію, что „лѣсъ—Божій“,—г. Вихляевъ дѣлаетъ краткое изслѣдованіе развитія у крестьянъ института частной земельной собственности, сложившейся прочно лишь по осво-

божденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, и, повторивъ указанія на извѣстное положеніе аграрнаго вопроса, замѣчаетъ: „Институтъ частной земельной собственности встаетъ страшнымъ соціальнымъ барьеромъ и только въ условіяхъ коренной реформы этого института народно-хозяйственная жизнь страны можетъ вступить на путь мирнаго развитія. Съ этимъ институтомъ, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ настоящее время, не мирится народное правосознаніе... Источники жизни русскаго народа, идущіе отъ земли, должны быть регулируемы не нормами права, выработаннаго римской рабовладѣльческой общиной, а нормами, внесенными въ народное правосознаніе вѣковымъ мартирологомъ русской исторіи (?). Всѣ группы русскаго общества въ настоящее время охвачены однимъ стремленіемъ—устроить русскую жизнь на началахъ права. Эти начала не могутъ получить полнаго осуществленія, если ими не будетъ проникнута и область экономическихъ отношеній. Но всякое право прочно только при наличности общаго признанія, при соотвѣтствіи писанныхъ нормъ народному правосознанію (!).. Если отдѣлить отъ общины историческія наслоенія фискальнаго и административно-полицейскаго свойства и разсматривать общину исключительно, какъ форму землепользованія, то въ ней наглядно проявляется основной принципъ—право на землю всякаго члена общины, осуществляемый уравнительными передѣлами... Право на землю—вотъ тотъ принципъ, который долженъ быть положенъ въ основу новой русской гражданственности... Какъ слѣдствіе подобнаго правового отношенія должно возникнуть право уравнительнаго передѣла, въ которой пускаются всѣ земли, не исключая частно-владѣльческихъ“ [1]).

Установивъ, такимъ образомъ, правовое основаніе въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, г. Вихляевъ переходитъ къ обрисовкѣ деталей своего проекта и требуетъ опредѣленія „нормальнаго надѣла“ при дѣятельномъ участіи въ этомъ опредѣленіи гигіенистовъ и т. п. представителей точной науки.

---

[1]) „Народное Хозяйство“ 1905 г., кн. 3, стр. 18—19—20.

Нормами этого надѣла г. Вихляевъ и обусловливаетъ предѣлъ нарушенія межъ частнаго владѣнія—нарушенія, производимаго, къ счастью, по мысли г. Вихляева, посредствомъ выкупа, расходы по которому „должны пасть на все общество, которое становится фактическимъ собственникомъ выкупаемыхъ земель". „Выкупная операція"—заключаетъ г. Вихляевъ—„должна войти въ государственный бюджетъ. Другой вопросъ, какъ опредѣлить выкупную стоимость земли. Необходимо учесть весь тотъ спекулятивный приростъ цѣнности земли, который не оправдывается фактической чистой доходностью, получаемой при обычномъ для данной мѣстности способѣ веденія хозяйства. Вознаграждено должно быть только право владѣнія, но не право эксплоатаціи народной нужды" [1]).

Оставляя въ сторонѣ политическія мечтанія г. Вихляева, я позволю себѣ нисколько не согласиться съ тѣмъ выводомъ о народномъ правосознаніи, который имъ сдѣланъ изъ краткаго историческаго изслѣдованія. Признавая безусловно настоятельную необходимость мобилизаціи крестьянскаго земельнаго фонда и только правовымъ, а не какимъ-либо другимъ порядкомъ, я попытаюсь доказать, во 1-хъ, что именно *идея націонализаціи земли ничего общаго съ русскимъ народнымъ правосознаніемъ не имѣетъ*, и, во 2-хъ, что въ націонализаціи земли при разрѣшеніи аграрнаго вопроса въ Россіи, ни съ правовой, ни съ политической точекъ зрѣнія никакой необходимости нѣтъ. Необходимо будетъ лишь допустить частичную экспропріацію частно-владѣльческой земли въ исключительныхъ случаяхъ, при чемъ эта мѣра, являясь хотя и политическимъ актомъ, не будетъ противорѣчить и основаніямъ нашего правопорядка.

III.

Неосновательность юридической конструкціи теоріи г. Вихляева и его единомышленниковъ обнаруживается прежде всего въ томъ, что *опредѣленіе обще-народнаго правосознанія* въ отношеніи института земельной собственности дѣлается ими

---

[1]) Ibid. стр. 25.

на основаніи отношенія къ этой собственности и своей надѣльной землѣ *части крестьянскаго населенія*, проживающей въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землепользованіемъ.

Но едва ли допустимо установленіе и такого института, который, соотвѣтствуя правосознанію хотя бы большинства населенія, не соотвѣтствуетъ, однако, условіямъ общаго благосостоянія. Нельзя, напр., возстановить на Кавказѣ институтъ кровной мести только потому, что онъ соотвѣтствуетъ правосознанію большинства кавказскаго населенія. Врядъ ли, поэтому, имѣла бы юридическое основаніе идея полнаго упраздненія въ Россіи частной земельной собственности и установленія коллективизма даже въ томъ случаѣ, если бы послѣдній соотвѣтствовалъ правосознанію даже дѣйствительно *всего* крестьянскаго населенія.

Не подлежитъ, наконецъ, никакому сомнѣнію, что всякій правовой институтъ долженъ опираться именно на *положительный признакъ наличности даннаго правосознанія* въ той или иной группѣ населенія, *а не на отрицательный признакъ отсутствія* или недостатка сознанія того или иного права въ данной группѣ. Между тѣмъ идея націонализаціи земли въ Россіи конструируется ея защитниками какъ разъ на этомъ отрицательномъ признакѣ. Такъ, г. Пѣшехоновъ, въ статьѣ „Земельныя нужды деревни“ замѣчаетъ: „мы живемъ въ странѣ съ далеко неполнымъ еще господствомъ личной собственности на землю, съ далеко не отжившими еще въ народномъ сознаніи трудовыми воззрѣніями на нее“ [1]). Такимъ образомъ, онъ, проповѣдуя націонализацію земли, признаетъ „отживаніе“ понятія трудовой собственности и нарожденіе сознанія права частной земельной собственности. Но г. Вихляевъ, въ своемъ правовомъ обоснованіи необходимости націонализаціи земли, пытается отрицать даже эти положенія. По поводу массовыхъ порубокъ крестьянами въ лѣсахъ помѣщиковъ онъ восклицаетъ: „Подобныя явленія, какъ массовыя порубки, можно объяснить себѣ только обостреннымъ сознательнымъ проявленіемъ народнаго право-

---

[1]) А. Пѣшехоновъ. Сборн. „Нужды деревни“, стр. 60.

сознанія. „Лѣсъ—Божій“—слѣдовательно, ничей, его никто не сажалъ и не растилъ, а срубленное дерево становится собственностью того, кто впервые приложилъ свой трудъ при рубкѣ, превращающей это Божье благо въ пригодную для употребленія вещь. Въ лѣсныхъ порубкахъ крестьяне, быть можетъ, въ наибольшей степени сознавали правоту своихъ дѣйствій. Все это показываетъ на неугасимо тлѣющее въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ трудовомъ началѣ собственности“ [1]). Въ подтвержденіе этого вывода г. Вихляевъ, *желая доказать отсутствіе* въ русскомъ народѣ представленія о правѣ частной земельной собственности, *приводитъ историческую справку о постепенномъ наростаніи* этого представленія въ крестьянскомъ сознаніи. „Институтъ частной поземельной собственности, заключаетъ г. Вихляевъ свою справку,—сложился въ Россіи на прочныхъ основаніяхъ лишь при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда окончательно разграничилась крестьянская и частновладѣльческая земля, и крестьяне были переведены на выкупъ на правахъ земельныхъ собственниковъ. Но тѣ условія, при которыхъ произошло надѣленіе крестьянъ землею и которыми оно было обставлено, далеко не были подходящими къ тому, чтобы воспитать въ нихъ міровоззрѣніе, достойное вновь народившихся поземельныхъ собственниковъ“ [2]).

Совершенно вѣрно. Но давно или недавно, прочными корнями или молодыми всходами,—а институтъ частной земельной собственности въ Россіи установился. Намъ необходимо, слѣдовательно, лишь опредѣлить: не представляется ли онъ искусственнымъ насажденіемъ, противнымъ самому духу русскаго правосознанія, и не слѣдуетъ ли, поэтому, способствовать освобожденію народа отъ навязаннаго ему института?

Не только на основаніи исторіи русской земельной собственности, но и на основаніи массы фактическаго матеріала изъ современной дѣйствительности, я возьму на себя

---

[1]) „Народн. хозяйство“ кн. 3, стр. 8.
[2]) Ibid. ср. 9.

смѣлость утверждать, что понятіе о частной земельной собственности нисколько не чуждо русскому крестьянскому правосознанію. Напротивъ того, каждый *русскій крестьянинъ только и мечтаетъ сдѣлаться именно собственникомъ*, а приписываемое ему представленіе о лѣсѣ и землѣ, какъ о „Божіихъ благахъ“, въ смыслѣ равной ихъ принадлежности всѣмъ,—является самымъ роковымъ и вреднымъ для науки нашего права заблужденіемъ.

IV.

Я не буду вдаваться въ подробное изслѣдованіе юридической природы института частной земельной собственности и въ доказательства разумности его правового основанія. Достаточно указать, что институтъ права собственности на землю существуетъ повсемѣстно во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и что развитіе этого института слѣдуетъ параллельно съ развитіемъ цивилизаціи. Несомнѣнно, что существующій нынѣ институтъ земельной собственности возникъ изъ понятія о собственности трудовой, и, признавая денежные знаки въ принципѣ результатомъ того же трудового процесса,—правосознаніе всего міра надѣляетъ имъ пріобрѣтательнымъ свойствомъ. Изъ того же понятія о трудовой собственности происходитъ и представленіе о свободѣ распоряженія пріобрѣтателя пріобрѣтеннымъ. Этихъ положеній не отвергаютъ и защитники націонализаціи земли, какъ не отвергаютъ они и того, что институтъ частной земельной собственности соотвѣтствуетъ вполнѣ правосознанію западноевропейскихъ народовъ, воспитанныхъ на догмѣ римскаго права. Но эти защитники настаиваютъ на полной самобытности русскаго народа въ области гражданскаго права. Подобная точка зрѣнія представляется уже совершенно неправильной и противорѣчащей даннымъ сравнительнаго изученія нашего и римскаго права.

По наиболѣе распространенной гипотезѣ эволюціи права

собственности въ древнемъ Римѣ, самой мелкой единицей, какъ субъектъ права, въ древне-римскомъ обществѣ была семья, и собственность, поэтому, принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а семьямъ, со всѣми послѣдствіями семейственной организаціи въ сферѣ гражданскаго права. Выдѣляя издревле въ особую категорію то имущество, которое не подлежало произвольному распоряженію главы семьи, какъ собственность всего семейства, римское право создало различіе между res mancipiu res nec mancipi, при чемъ къ первымъ отнесло землю, постройки, сервитуты, крупныхъ домашнихъ животныхъ, земледѣльческія орудія и т. п. Если сравнить, теперь, это положеніе съ нашимъ крестьянскимъ законодательствомъ и бытовой организаціей крестьянскаго „двора“, мы увидимъ, что конструкція этого „двора“ вполнѣ соотвѣтствуетъ семейственной организаціи права собственности въ древнемъ Римѣ, и что res mancipi представляются именно тѣми предметами, которые по нашему законодательству составляютъ обезпеченіе всей крестьянской семьи.

Такимъ образомъ, первоначальная ячейка, которая въ римскомъ правѣ являлась носительницей права собственности,—тождественна съ нашей крестьянской, какъ тождественны и ихъ отношенія къ объектамъ собственности. Одинаково, какъ въ этихъ отношеніяхъ, такъ и въ самой себѣ, и наша ячейка подвергается уже замѣтной эволюціи, но въ какую сторону?.. Конечно не въ сторону коллективизма!

V.

Въ отношеніи эволюціи у насъ права собственности, необходимо, прежде всего строго различать мѣстности съ общиннымъ землепользованіемъ отъ мѣстностей съ землевладѣніемъ подворнымъ. Несомнѣнно, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, крѣпостное состояніе сильно затормозило развитіе сознанія права земельной собственности, но нельзя сказать, чтобы оно совершенно уничтожило самые зачатки этого сознанія. Зачатки эти все-таки получили свое развитіе,

хотя и въ разной степени, сообразно условіямъ землевладѣнія.

Крайне интересная практика волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, выражающаяся преимущественно въ разрѣшеніи земельныхъ споровъ крестьянъ, показываетъ, что, напр., въ сѣверо-западномъ краѣ, до введенія судебно-административныхъ учрежденій (1 октября 1901 г.), т. е. когда волостные суды были совершенно самостоятельны,—раздѣлы земельныхъ участковъ съ присужденіемъ разныхъ частей отдѣльнымъ членамъ двора въ собственность были обычнымъ явленіемъ. При постоянныхъ спорахъ въ отношеніи наслѣдованія земли эти рѣшенія играли выдающуюся роль, вслѣдствіе чего земельные участки фактически дробились до чрезвычайности. Эти доли земельныхъ участковъ какъ покупались и продавались на правахъ полной собственности до закона 1893 года, такъ продолжаютъ продаваться негласно и до настоящаго времени, и убѣдить крестьянъ въ незаконности подобныхъ сдѣлокъ не представляется возможнымъ. Такимъ образомъ законъ 1893 года о недробимости и неотчуждаемости надѣльныхъ участковъ оказался несоотвѣтствующимъ развившемуся въ крестьянствѣ сознанію индивидуальной собственности. Далѣе. Если по рѣшеніямъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ доли земельныхъ участковъ присуждались только въ пользованіе отдѣльнымъ членамъ семьи, то рѣшенія эти принимались крестьянами все же какъ утвержденіе правъ собственности, и въ настоящее время предъявляется масса исковъ о наслѣдствѣ и т. п. на основаніи подобныхъ рѣшеній. Существуетъ не мало волостныхъ судовъ, въ которыхъ въ настоящее время удовлетворяются иски членовъ семьи къ домохозяну-родителю о выдѣлѣ земельныхъ участковъ въ ихъ собственность при жизни еще послѣдняго. Введеннымъ въ 1901 году въ сѣверо-западномъ краѣ земскимъ начальникамъ, прежде всего, пришлось бороться съ практикой волостныхъ судовъ, дѣлившихъ и присуждавшихъ въ собственность земельные участки, вопреки закону 1893 года, и съ практикой волостныхъ правленій, утверждавшихъ сдѣлки о продажѣ земельныхъ участ-

ковъ въ раздробь. Можно утвердительно сказать, что если эта практика въ настоящее время почти и прекратилась, то только на бумагѣ, гдѣ слово „въ собственность“ замѣняется словомъ „въ пользованіе“, но на дѣлѣ крестьяне продолжаютъ считать присужденіе въ пользованіе равносильнымъ укрѣпленію права собственности. Явленіе это присуще не одному только сѣверо-западному краю, но и всѣмъ мѣстностямъ съ подворнымъ владѣніемъ землей. На всѣ пріобрѣтенныя тѣмъ или инымъ способомъ земли крестьянинъ-пріобрѣтатель смотритъ какъ на свою неотъемлемую собственность и старается всѣми мѣрами обходить стѣсняющія его свободу распоряженія рамки закона.

Такимъ образомъ, по отношенію къ землѣ, крестьяне—подворные владѣльцы—являютъ уже всѣ черты полнаго усвоенія понятія о правѣ собственности, и собственности нетрудовой, а именно пріобрѣтенной по юридическому титулу. Не менѣе того проявляютъ эти черты и земельныя общества въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землепользованіемъ. Очевидно, что сознаніе индивидуальной собственности въ этихъ мѣстахъ слабѣе, чѣмъ въ первыхъ,—но склонность къ индивидуализму уже значительно сказывается и здѣсь. Склонность эта имѣетъ возможность, конечно, выражаться лишь въ распоряженіи *правомъ* на земельный участокъ, но и это *право* котируется на биржѣ крестьянскихъ отношеній, какъ вполнѣ реальная цѣнность. Въ отношеніи же своихъ усадебныхъ мѣстъ крестьяне-общинники, какъ показываетъ практика изъ волостныхъ судовъ, повторяютъ всѣ тѣ же примѣры, которые приведены мною изъ практики волостныхъ судовъ мѣстностей съ подворнымъ землевладѣніемъ. А стоитъ крестьянину-общиннику пріобрѣсти въ собственность земельный участокъ, какъ инстинкты собственника проявляются въ немъ уже съ величайшей интенсивностью.

Всѣ эти данныя совершенно не позволяютъ согласиться съ утвержденіемъ, будто крестьянское правосознаніе не мирится съ понятіемъ о частной земельной собственности. Напротивъ, я полагаю, что они явно свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи этого правосознанія даже тѣмъ рамкамъ закона,

которыя удерживаютъ крестянство на уровнѣ отжившаго коллективизма, въ то время какъ оно стремится къ установленію индивидуальной собственности.

Чѣмъ же объяснить массовые захваты крестьянами помѣщичьей земли и, главнымъ образомъ, помѣщичьяго лѣса? . . Я нарочно подчеркиваю слово „помѣщичьяго“, такъ какъ самоуправство крестьянъ проявляется почти исключительно противъ дворянской земельной собственности и это явленіе особенно характерно и знаменательно въ аграрныхъ правонарушеніяхъ. Это явленіе даетъ и ключъ къ рѣшенію задачи.

VI.

Историческая сущность нашего аграрнаго вопроса заключается въ томъ, что возникшая въ редакціонныхъ коммисіяхъ 57—60 г.г. борьба двухъ теченій, изъ которыхъ одно было за полное надѣліе крестьянъ землей сообразно ихъ потребностямъ, а другое за освобожденіе безъ земли,—закончилась принятіемъ средняго направленія, а именно: надѣленіемъ крестьянъ землею въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они пользовались до освобожденія, когда размѣры крестьянскаго хозяйства опредѣлялись степенью свободы отъ барщины. Такимъ образомъ, даже въ лучшемъ случаѣ крестьяне получили надѣлы, не достаточные для использованія на нихъ своихъ рабочихъ силъ, и очутились, по выраженію Пѣшехонова, „въ двусмысленномъ положеніи не то самостоятельнаго хозяина, не то подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора“. *Кромѣ того, крестьяне были лишены права пасти скотъ на помѣщичьихъ земляхъ и пользоваться помѣщичьимъ лѣсомъ.*

Въ сознаніи крестьянствомъ этой совершенной надъ нимъ исторической несправедливости; въ сознаніи того, что ему не дали сдѣлаться равноправнымъ со всѣми собственникомъ и что, въ силу обособленности своего правового положенія, оно таковымъ никогда сдѣлаться не можетъ,—въ этомъ именно сознаніи и кроется правовая сущность нашего аграрнаго вопроса. Этотъ порядокъ и способъ надѣленія крестьянъ

землею въ 1861 году оставилъ въ крестьянахъ убѣжденіе, что они не получили всего того, что имъ слѣдовало „по праву“. И вотъ, стремленіе добиться осуществленія своихъ правъ, добиться полнаго, по ихъ внутреннему правосознанію надѣленія землей, подкрѣпляемое отчаяннымъ малоземельемъ, заставляетъ крестьянъ прибѣгать къ самоуправству главнымъ образомъ противъ дворянской земельной собственности. Это *самоуправство выражается преимущественно въ самовольной пастьбѣ скота на помѣщичьихъ земляхъ и въ порубкахъ помѣщичьяго лѣса именно потому, что съ паденіемъ крѣпостного права крестьяне этого вида пользованія помѣщичьими угодіями, бывшаго дополнительнымъ къ скудости ихъ земледѣлія, совершенно лишились.* Такимъ образомъ, этотъ видъ аграрныхъ правонарушеній, какъ наиболѣе, съ точки зрѣнія крестьянъ, прямой способъ возстановленія своихъ утраченныхъ правъ, становится вполнѣ понятнымъ.

Совершая самоуправства, крестьяне отлично понимаютъ, что поступаютъ противъ дѣйствующаго закона; но въ ихъ представленіи твердо укоренилась мысль о какай то утаенной въ прежнее время помѣщиками „золотой грамотѣ“, по которой Царь представлялъ имъ полные надѣлы со всѣми необходимыми угодіями, и въ силу этого, съ точки зрѣнія ихъ правосознанія, нападенія на помѣщичью землю имѣютъ смыслъ выполненія спеціальной царской воли, неполучившей своевременно осуществленія, благодаря проискамъ помѣстнаго класса. Такимъ образомъ, *въ аграрныхъ правонарушеніяхъ крестьяне домогаются возстановленія своихъ правъ опять таки во имя юридическаго титула, а не по принципу трудовой собственности.*

Справедливость этого заключенія можно подтвердить и маленькимъ доказательствомъ отъ противнаго: если бы аграрныя правонарушенія проистекали изъ народнаго правосознанія о трудовой собственности,—эти правонарушенія прежде всего направлялись бы на казенную земельную собственность какъ представляющую по самому своему существу болѣе признаковъ общаго достоянія и наиболѣе удобную для примѣненія juris primo occupandi. Однако, крайняя незначительность

аграрныхъ проступковъ противъ казенныхъ земельныхъ имуществъ, по сравненію съ таковыми же противъ помѣщичьихъ угодій, доказываютъ совершенно противное. Многіе, правда, усматриваютъ въ этомъ явленіи лишь послѣдствіе болѣе строгой репрессіи за правонарушенія противъ казенныхъ имуществъ и ея неуклонной послѣдовательности. Отчасти это можетъ быть и справедливо, но только во всякомъ случаѣ не въ одной репрессіи кроется причина сравнительной неприкосновенности у насъ казенной земельной собственности.

Итакъ, аграрныя правонарушенія являются не только способомъ восполненія крестьянами скудости своихъ земельныхъ надѣловъ, но и местью помѣщичьему классу за „обиду“ въ 1861 г. въ связи съ востановленіемъ своихъ „правъ“ на счетъ законнаго, по крестьянскому представленію, отвѣтчика. Что же касается ходячаго выраженія о землѣ и лѣсѣ, какъ о „Божьихъ благахъ“, то таковое является ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ доисторическаго народнаго правосознанія, которымъ, вмѣстѣ съ другими пословицами, крестьяне прикрываютъ прекрасно сознаваемую ими нелегальность своихъ поступковъ.

Изъ судебной практики разныхъ судовъ Имперіи не трудно замѣтить, что этотъ щитъ выставляется крестьянами неуклонно лишь въ отношеніи ихъ аггресивныхъ стремленій на помѣщичью земельную собственность и не имѣетъ никакого значенія въ проступкахъ противъ землевладѣнія крестьянскаго. Въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ дѣла о лѣсопорубкахъ на крестьянскихъ участкахъ далеко не представляются исключеніемъ, равно какъ и иски крестьянъ о возстановленіи нарушеннаго у нихъ владѣнія; а исками о потравахъ, возбуждаемыми крестьянами, волостные суды прямо завалены. Послѣднія обстоятельства, правда, сами по себѣ не говорятъ противъ наличности у крестьянъ понятія о трудовой собственности; но, если сопоставить ихъ съ тѣмъ, что крестьяне не понимаютъ исковъ о возстановленіи владѣнія въ томъ смыслѣ, какъ они поставлены въ уставѣ гражд. судопроизводства,—мнѣ кажется, что эти факты представляются лучшимъ доказательствомъ моихъ положеній. Въ самомъ

дѣлѣ,—если бы понятіе о трудовой собственности было господствующмъ въ крестьянствѣ, то иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія наиболѣе соотвѣтствовали бы народному правосознанію, какъ охрана факта владѣнія, факта примѣненія къ землѣ того или иного труда. Однако, крестьяне никогда не удовлетворяются этими исками и требуютъ обсужденія самаго основанія владѣнія и возстановленія правъ на него, *защищаются же противъ владѣльческихъ исковъ всегда тѣмъ или инымъ титуломъ на право владѣнія.* Вслѣдствіе этого въ производствахъ волостныхъ судовъ оцѣнка факта владѣнія и правъ на него не раздѣляется и по закону.

Слѣдовательно, самое большее, что мы можемъ допустить, это то, что понятіе о правѣ частной земельной собственности еще не достаточно полно развилось у крестьянъ-общинниковъ. Между тѣмъ по данныхъ послѣдней переписи крестьянское населеніе составляетъ у насъ 77% общаго, т. е. не много болѣе $^3/_4$; изъ этого числа около $^1/_3$ владѣетъ землей подворно и, такимъ образомъ, крестьяне-общинники составляютъ почти ровно половину всего состава населенія Имперіи. Почему же необходимо отдавать предпочтеніе правосознанію менѣе культурной въ правовомъ отношеніи половинѣ населенія передъ болѣе культурной?... Какъ я уже сказалъ, необходимость соотвѣтствія извѣстныхъ институтовъ гражданскаго права народному правосознанію зиждется на положительномъ признакѣ этого правосознанія, т. е. институты гражданскаго права должны равняться по наиболѣе сознательной, наиболѣе мыслящей части народа, и, если одна часть такового доросла до извѣстнаго правосознанія, а другая еще не доросла, то лишать первую извѣстныхъ правъ въ пользу правосознанія второй было бы величайшей несправедливостью.

Въ историческомъ пути, переживаемомъ каждымъ народомъ, появляются въ извѣстные, подобные настоящему, періоды отдѣльныя личности, которыя подъ вліяніемъ отвлеченныхъ идей болѣе соприкасающихся съ областью морали, чѣмъ съ требованіями дѣйствительной жизни,—поднимаютъ голосъ за всеобщее идеальное равенство и въ массѣ бичуемыхъ ими

институтовъ требуютъ уничтоженія и института права собственности. Подобныя требованія обыкновенно отражаются на положительномъ законодательствѣ нѣкоторымъ смягченіемъ строгости тѣхъ или иныхъ индивидуальныхъ правъ, но никогда не приводятъ къ совершенному ихъ уничтоженію. Болѣе того, если проповѣдникамъ этихъ симпатичныхъ идей и удавалась иногда полная побѣда, въ смыслѣ ихъ безусловнаго проведенія въ положительное законодательство, то сама жизнь съ теченіемъ времени мало по-малу возстановляла прежній правопорядокъ. Объясненіе этого явленія кроется въ томъ, что дѣйствительнымъ противообщественнымъ началомъ представляются не столько тѣ или иныя гражданскія права членовъ даннаго общества, сколько злоупотребленіе этими правами.

Конечно, поскольку всякая юридическая норма, охраняющая то или иное право, является, по существу, общеобязательнымъ компромиссомъ между требованіями современной морали и условіями дѣйствительной жизни, постольку и существующій въ каждомъ данномъ государствѣ положительный правопорядокъ всегда является отраженіемъ господствующихъ требованій морали въ ихъ примѣненіи къ условіямъ дѣйствительной жизни. Обычное неполное соотвѣтствіе этихъ требованій съ этими условіями и создаетъ нѣкоторую разницу внутренняго правосознанія всякаго даннаго народа съ его положительнымъ законодательствомъ. Но насколько слишкомъ консервативное законодательство подвергается опасности насильственной сломки, настолько же положительное право не можетъ создаваться искусственно, навязывая народу чуждые его правосознанію институты, хотя бы таковые являлись самымъ чистымъ выраженіемъ самой абсолютной морали. Неминуемая реакція, и реакція снизу, въ самомъ скоромъ времени явится показателемъ чрезмѣрной прогрессивности подобнаго законодательства. А такъ какъ мы видѣли, что институтъ частной земельной собственности вполнѣ свойственъ русскому народному правосознанію, я полагаю, можно съ утвердительностью сказать, что націонализація земли не можетъ расчитывать на прочное укорененіе въ Россіи.

VII.

Было бы крупнымъ заблужденіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждать, что однимъ устраненіемъ неравномѣрности въ распредѣленіи земли, или надѣленіемъ каждаго крестьянина и всякаго желающаго заниматься земледѣліемъ соотвѣтствующимъ участкомъ,—аграрный вопросъ можетъ быть окончательно разрѣшенъ. Съ одной стороны, правовыя основанія аграрнаго вопроса выходятъ далеко за предѣлы крестьянскаго надѣла, а съ другой—разрѣшеніе вопроса съ государственной точки зрѣнія требуетъ, чтобы принимаемыя мѣры не только не парализовали сельскохозяйственной культуры, но, наоборотъ, служили къ ея преуспѣянію.

„Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе“,—говоритъ Императрица Екатерина II въ своемъ Наказѣ,—„ни твердо основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачительно производство. Не можетъ земледѣліе процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“. Не можетъ процвѣтать страна, „гдѣ люди не для чего иного убоги, какъ только что живутъ подъ тяжелыми законами, а земли свои почитаютъ не столько за основеніе къ поддержанію своему, какъ за предлогъ къ удрученію“... Эти слова Великой Императрицы сохранили свою свѣжесть до настоящаго времени, и едва ли не равное съ малоземельемъ мѣсто въ аграрномъ вопросѣ занимаетъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и лишеніе ихъ свободы въ избраніи рода занятій и образа жизни, а главное—свободы распоряженія своимъ имуществомъ. Еще мастистый министръ финансовъ—экономистъ Н. Х. Бунге указывалъ, что ограниченіе права свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ, принадлежа къ наибольшимъ стѣсненіямъ общегражданскихъ правъ, лишаетъ крестьянъ не только побужденія къ пріобрѣтенію имущества, но и къ пріобрѣтенію необходимыхъ для того средствъ.

Индивидуализація личности и свобода распоряженія своимъ имуществомъ и самимъ собою достаточно признаны какъ два самыхъ главныхъ фактора политическаго и экономическаго прогресса; кромѣ того мы видѣли, что эти факторы

вполнѣ усвоены и правосознаніемъ русскаго народа, а между тѣмъ теорія націонализаціи земли и періодическихъ ея передѣловъ съ этими то факторами и не сообразуется.

Но можетъ быть свобода распоряженія земельной собственностью угрожаетъ крестьянству окончательной ликвидаціей его землевладѣнія, вслѣдствіе наклонности русскаго земельнаго фонда къ мобилизаціи въ немногихъ частныхъ рукахъ?... Подобная наклонность и выставляется главнымъ основаніемъ въ западно-европейской теоріи націонализаціи земли.

Въ очень обстоятельной статьѣ „Экономическій строй Россіи“ проф. М. М. Ковалевскій указываетъ, что хотя, съ одной стороны, крупное дворянское землевладѣніе и обнаруживаетъ у насъ очевидную склонность къ совершенному уничтоженію, но, съ другой стороны, большая часть дворянскихъ имѣній, поступающихъ на рынокъ, переходитъ опять-таки въ руки лицъ, стремящихся къ округленію своихъ владѣній. Однако, въ той же статьѣ проф. Ковалевскаго мы находимъ и указанія какъ на равно значительную мобилизацію земельнаго фонда въ рукахъ крестьянъ, такъ и на причины ускользанія отъ послѣднихъ нѣкоторой части этого фонда. Эти причины кроются, во 1-хъ, въ общихъ условіяхъ кредита въ Россіи, а, во 2-хъ, въ особо тяжелыхъ условіяхъ такового для крестьяхъ, вынужденныхъ вслѣдствіе отсутствія свободы распоряженія своей собственностью, довольствоваться почти исключительно кредитомъ государственнымъ, т. е. помощью крестьянскаго банка. Нельзя не прибавить къ этому и еще одного обстоятельства, о которомъ не упоминаетъ проф. Ковалевскій,—а именно: приравненіе земель, купленныхъ крестьянами съ помощью крестьянскаго банка, въ отношеніи мірскихъ и другихъ повинностей къ землямъ надѣльнымъ, не мало способствуетъ зачастую обнаруживающейся несостоятельности покупщиковъ къ уплатѣ полученной ссуды и поступленію, затѣмъ, пріобрѣтенныхъ ими земель снова на рынокъ для продажи.

Очевидно, что всѣ эти причины могутъ быть устранены и безъ націонализаціи земли.

VIII.

Послѣднимъ, наконецъ, устоемъ теоріи націонализаціи земли на русской почвѣ является убѣжденіе представителей этой теоріи въ необходимости мобилизаціи земельнаго фонда по количеству *всего* наличнаго сельскаго населенія въ странѣ.

Нельзя, однако, согласиться и съ этимъ положеніемъ. Сельско-хозяйственная культура такъ же невозможна безъ наемныхъ рабочихъ, какъ и обрабатывающая промышленность. Конечно, введеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ въ обработку и уборку полей значительно сократитъ потребность въ рабочихъ рукахъ съ поднятіемъ на послѣднія цѣнъ; но, за всѣмъ тѣмъ, въ странѣ безусловно долженъ остаться извѣстный контингентъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Можно съ увѣренностью сказать, что этотъ контингентъ и сохранится даже въ томъ случаѣ, если бы наличнаго земельнаго фонда было совершенно достаточно для обращенія каждаго желающаго въ самостоятельнаго хозяина. Поэтому то и невозможно предпринимать искусственную мобилизацію земельнаго фонда, подъ опасеніемъ совершенно непроизводительнаго изъятія изъ частнаго владѣнія земель, заранѣе обреченныхъ на пребываніи въ безкультурномъ запасѣ. Если-же предположить, что *все* крестьянское населеніе дѣйствительно обратится къ земледѣлію на началахъ трудовой собственности,—то и въ этомъ случаѣ націонализація земли не поможетъ разрѣшенію аграрнаго вопроса, такъ какъ простое вычисленіе на основаніи статистическихъ данныхъ показываетъ, что для равномѣрнаго надѣленія всѣхъ крестьянъ землей придется во многихъ мѣстахъ уменьшать даже существующій нынѣ крестьянскій надѣлъ, т. е. отбирать часть отъ крестьянъ же, чего послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не допустятъ.

Не трудно также предвидѣть, что свободное предоставленіе каждому желающему возможности обладать земельнымъ участкомъ для опыта примѣненія своего труда къ земледѣлію отразится рѣзкимъ паденіемъ общаго уровня сельскохозяйственной культуры и истощеніемъ почвы отъ ея эксплуатаціи

не менѣе, чѣмъ отъ нынѣшняго „продовольственнаго“ отношенія крестьянъ къ своей надѣльной собственности.

Я не буду уже говорить про совершенное несоотвѣтствіе теоріи націонализаціи земли разнообразнымъ этическимъ потребностямъ населенія. Ея цѣль—обращеніе страны въ сельскохозяйственную мастерскую и этическія потребности игнорируются ея представителями вполнѣ сознательно. Но, мнѣ кажется, что несоотвѣтствіе этой теоріи даже потребностямъ подобной мастерской слишкомъ очевидно изъ всего вышеизложеннаго.

Повторяю: въ сферѣ гражданскаго правооборота никакая искусственность не можетъ быть терпима и не достигаетъ своей цѣли, и разъ мы признали, что націонализація земли нисколько не вытекаетъ изъ народного правосознанія, мы должны признать не только ея совершенную практическую неосуществимость, но даже и вредность проведенія ея въ жизнь искусственно-законодательнымъ путемъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что аграрный вопросъ долженъ быть предоставленъ своему собственному теченію и что правовое его разрѣшеніе возможно лишь въ смыслѣ интенсификаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства. Не слѣдуетъ забывать, что, какъ правильно говоритъ И. И. Петрункевичъ, „для интенсификаціи хозяйства требуются капиталы и знанія, которыми крестьяне не располагаютъ; что требуется болѣе высокій уровень умственнаго и духовнаго развитія; что необходима организація мелкаго и меліоративнаго кредита, различныхъ видовъ кооперації; что необходимымъ предварительнымъ условіемъ являются во многихъ случаяхъ меліораціи, обнимающія обширныя площади, производство которыхъ не подъ силу не только отдѣльнымъ крестьянамъ, но и общинамъ, что необходима предварительная выработка техники меліораціи въ примѣненіи къ крестьянскому хозяйству; что необходимы предварительныя огромныя культурныя затраты, производимыя на счетъ государства; что для болѣе раціональнаго использованія рабочей силы и приспособленія къ условіямъ измѣняющагося рынка требуется самодѣятельность, которая не могла развиться при наличности опутывающей всѣ дѣй-

ствія крестьянъ административной опеки,—словомъ, что для этого требуется цѣлый рядъ условій, которыхъ у насъ нѣтъ и которыя могутъ быть осуществлены лишь съ теченіемъ времени". Кромѣ того „нынѣ существующіе надѣлы во многихъ мѣстностяхъ такъ незначительны, что сами по себѣ являются препятствіемъ къ переходу къ болѣе интенсивному хозяйству" [1]).

Несомнѣнно, что радикальное разрѣшеніе аграрнаго вопроса безотложно необходимо въ смыслѣ значительнаго увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія за счетъ государственныхъ земельныхъ запасовъ и даже частнаго землевладѣнія,—но, въ отношеніи послѣдняго, правовой путь къ этому лишь одинъ: законодательное содѣйствіе къ поступленію излишковъ частной земельной собственности на рынокъ съ параллельнымъ поднятіемъ платежной способности земледѣльцевъ. *Въ соотвѣтствіи съ русскимъ народнымъ правосознаніемъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса возможно лишь путемъ укрѣпленія, а никакъ не разрушенія, въ странѣ понятія о правѣ собственности законодательнымъ облегченіемъ каждому возможности сдѣлаться именно собственникомъ земли.*

IX.

Какъ этого достигнуть—пусть рѣшатъ представители земли. Проектовъ было много. Я укажу лишь на то, что одной коренной реформой крестьянскаго управленія, въ смыслѣ упраздненія волостной организаціи съ волостнымъ судомъ и установленія имъ на смѣну участковаго всесословнаго управленія и мелкой земской единицы,—освободится сразу 20 милліоновъ ежегодныхъ мірскихъ расходовъ, упадающихъ нынѣ на волостныя нужды. Затѣмъ, съ отмѣной выкупныхъ платежей у населенія непосредственно освободится еще около 70 милліоновъ ежегоднаго расхода наличными деньгами, не говоря уже про вліяніе этой мѣры на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ крестьяне не будутъ теперь принуждены

---

[1]) Сб. Аграрный вопросъ. И. И. Петрункевичъ—Введеніе.

во что бы то ни стало выбрасывать на рынокъ свой хлѣбъ для уплаты выкупныхъ платежей и податей, а получатъ возможность выжидать благопріятнаго для продажи момента. А если это послѣднее обстоятельство учесть на пріобрѣтательную способность крестьянъ хотя бы въ скромной цифрѣ 10 милліоновъ, то мы получимъ уже полныхъ 100 милліоновъ ежегоднаго народнаго дохода, могущаго быть направленнымъ на пріобрѣтеніе земли. Далѣе, земли казенныя, удѣльныя и т. п. подлежатъ, конечно, обращенію въ земельный фондъ для надѣленія крестьянъ на льготныхъ условіяхъ. Параллельно съ этими мѣрами поднятія платежной способности населенія должны итти законодательныя мѣры содѣйствія къ поступленію излишковъ частной земельной собственности на рынокъ для продажи. И, вотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, не смотря на тѣ или иныя мѣры, земли частнаго владѣнія въ данной мѣстности все таки не выйдутъ на рынокъ для продажи, или пріобрѣніе ихъ окажется для окрестныхъ крестьянъ не подъ силу, а земель государственнаго фонда вблизи тоже не будетъ, землевладѣніе же данныхъ крестьянъ по историческимъ условіямъ представляется крайне стѣсненнымъ,—въ этихъ случаяхъ государство, очевидно, въ правѣ проявить свое вмѣшательство изданіемъ политическаго акта объ экспропріаціи частновладѣльческой собственности для дополнительнаго надѣленія ею крестьянъ. Подобная экспропріація явится лишь законнымъ продолженіемъ акта 19 февраля 1861 года, не расходящимся съ правосознаніемъ сподствующихъ классовъ и удовлетворяющимъ домогательства класса земледѣльческаго. Но необходимо, конечно, строгое констатированіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ именно историческаго происхожденія вызывающихъ данное малоземелье причинъ, такъ какъ надѣленіе новою землей такихъ обществъ, истощеніе почвы которыхъ произошло не отъ скудости первоначальнаго надѣленія, а въ силу собственной нерачительности, было бы съ государственной точки зрѣнія совершенно нерацiонально. Опытъ показываетъ, что не всякое крестьянское хозяйство, достигшее извѣстной степени оскудѣнія, можетъ быть поднято однимъ увеличеніемъ служа-

щаго его обезпеченіемъ надѣла, но только такое, корень оскуденія котораго лежитъ въ общихъ историческихъ причинахъ, а не въ нравственныхъ качествахъ семьи. Кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что достигшую уровня пролетаріата земледѣльческую массу почти невозможно вывести изъ этого состоянія однѣми непосредственными мѣрами восполненія ея хозяйственныхъ средствъ, и поднятіе ея до нормальнаго уровня достижимо лишь съ совмѣстнымъ правовымъ перевоспитаніемъ. Вслѣдствіе этого всѣ государственныя мѣропріятія въ отношеніи земельнаго пролетаріата должны имѣть цѣлью лишь возможное ограниченіе его развитія и созданіе такой правовой атмосферы, при которой бѣдствующая масса могла бы подниматься сама, путемъ личной самодѣятельности.

Такимъ образомъ, выкупная операція съ частновладѣльческой землей должна явиться послѣднимъ средствомъ поднятія благосостоянія крестьянъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ коррективъ къ остальнымъ государственнымъ мѣрамъ.

А. фонъ-Бринкманъ.

О ЧАСТНОМЪ ГОРНОМЪ ПРОМЫСЛѢ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, ВЪ МАІОРАТНЫХЪ ИМѢНІЯХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

По дѣйствующему въ Царствѣ Польскомъ гражданскому кодексу (ст. 552) минеральныя богатства, по общему правилу, составляютъ собственность того, въ нѣдрахъ земли котораго они заключаются, обрѣтаются.

Этотъ принципъ, освященный уже правомъ римскимъ (cuius est solum, huius est usque ad coelum et usque ad inferos), какъ извѣстно, принятъ и нашими законами гражданскими въ ст. 424 (т. X ч. 1 св. зак.), а также выраженъ въ ст. 193 устава горнаго (т. VII св. зак.).

Противоположное начало горной свободы, которое пытался ввести у насъ Петръ Великій, убѣжденный въ томъ, что „отъ рудокопныхъ заводовъ и прилежнаго устроенія оныхъ земля обогатѣетъ и процвѣтетъ, и пустыя и безплодныя мѣста многолюдствомъ населятся“, а потому не должно ставить горный промыслъ въ зависимость всецѣло отъ воли землевладѣльцевъ, часто непредпріимчивыхъ по косности, лѣни, бѣдности или невѣжеству,—до сего времени сохранилось и примѣняется лишь на земляхъ казенныхъ, а также на земляхъ казачьихъ войсковыхъ (ст. 255, 298, 306, 1011 уст. горн.).

Равнымъ образомъ и въ губерніяхъ Царства Польскаго, на горномъ законодательствѣ котораго явственно отразилось вліяніе французскаго горнаго права,—въ отношеніи важнѣй-

шихъ ископаемыхъ, поименованныхъ въ ст. 336 устава горнаго, сохранено или вѣрнѣе возстановлено горнымъ закономъ 16 іюня 1870 г. особое исключительное положеніе, въ уваженіе государственныхъ и общественныхъ интересовъ, связанныхъ съ горнымъ промысломъ.

Именно: согласно точному смыслу статей 336, 353, 354, 357, 363, 367, 374 уст. горн., развѣдки и добыча желѣзныхъ, цинковыхъ и свинцовыхъ рудъ, а также ископаемыхъ углей предоставляются свободному горному промыслу, и право на таковой промыслъ признается правительствомъ за первымъ открывателемъ кореннаго мѣсторожденія ископаемыхъ; такъ что собственникъ земли, по особому изъятію изъ ст. 552 гражданскаго кодекса Царства Польскаго, можетъ разрабатывать указанныя залежи на своей землѣ *не въ силу своего права собственности на землю*, а лишь по особому, по происхожденію своему, *публичному* праву горнаго промысла, пріобрѣтенному на основаніи сдѣланнаго имъ перваго открытія и отвода ему казеннымъ вѣдомствомъ, въ установленномъ административномъ порядкѣ, соотвѣтствующей площади для разработки заявленныхъ ископаемыхъ.

При всемъ томъ, однако, уставъ горный, въ случаѣ отвода нѣдръ для разработки постороннему лицу, возлагаетъ на этого горнопромышленника обязанность вознаграждать собственника „за нѣдра отведенной площади“ (ст. 370, 377, 382 и 385) или, какъ выражается законъ еще иначе, „за пользованіе нѣдрами“ (ст. 384), „за добытыя ископаемыя“ (ст. 404).

Изложенныя узаконенія безъ всякихъ изъятій распространяются и на маіоратныя имѣнія, причемъ ст. 385 уст. горн., при отводѣ нѣдръ маіоратнаго имѣнія для разработки упомянутыхъ ископаемыхъ постороннему лицу, предоставляетъ вышеуказанное вознагражденіе за нѣдра *маіоратному владѣльцу*, а не предписываетъ обращать это вознагражденіе, подобно вознагражденію за отчужденную поверхность земли, въ неприкосновенный капиталъ, входящій въ составъ маіоратнаго имѣнія.

Здѣсь, очевидно, ст. 385 устава горнаго совершенно послѣ-

довательно проводитъ и въ отношеніи упомянутыхъ въ ст. 336 ископаемыхъ основную точку зрѣнія нашего законодательства относительно эксплоатаціи ископаемыхъ въ маіоратныхъ имѣніяхъ, ясно выраженную въ ст. 501 т. X ч. 1.

Какъ извѣстно, ст. 501 вполнѣ предоставляетъ маіоратному владѣльцу право ,,добывать руду", не обязуя его при этомъ вносить въ неприкосновенный капиталъ маіоратнаго имѣнія извѣстную денежную сумму, выражающую ту или другую стоимость ископаемыхъ, и, слѣдовательно, не относитъ вообще таковыя къ основному составу маіоратнаго имѣнія, но подводитъ эксплоатацію этихъ ископаемыхъ подъ общее понятіе *доходовъ* съ маіоратнаго имѣнія, поступающихъ въ исключительное пользованіе маіоратнаго владѣльца, подобно всякой другой доходной статьѣ въ имѣніи.

Въ виду выраженнаго въ нашихъ законахъ положенія объ эксплоатаціи руды въ маіоратныхъ имѣніяхъ, собственно *de lege lata* не можетъ и возникать вопросъ о томъ, кому именно по дѣйствующимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго узаконеніямъ предназначается ,,вознагражденіе за нѣдра" маіоратнаго имѣнія,—владѣльцу ли послѣдняго, какъ ,,вознагражденіе за пользованіе нѣдрами", или—въ пользу цѣлаго рода, какъ ,,вознагражденіе за добытыя ископаемыя", какъ денежный капиталъ, входящій въ составъ маіоратнаго имѣнія вмѣсто извлеченныхъ залежей; ибо во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни толковали вышеприведенныя разныя выраженія закона, по прямому указанію сего послѣдняго (и объяснительной запискѣ къ нему) ,,вознагражденіе" отъ горнопромышленника должно поступать всецѣло въ пользу маіоратнаго владѣльца и вообще подлежитъ уплатѣ только въ то время, когда владѣльцами отводной площади и маіоратнаго имѣнія окажется не одно и то же лицо.

Наоборотъ, если поставить вопросъ *de lege ferenda*, если не руководствоваться въ разсматриваемомъ отношеніи ст. 385 устава горнаго, но признать желательнымъ измѣненіе выраженнаго въ нихъ положенія объ эксплоатаціи руды въ маіоратныхъ имѣніяхъ, то толкованіе употребленныхъ въ горномъ уставѣ выраженій о вознагражденіи:—,,за нѣдра", „за пользованіе

нѣдрами", „за добытыя ископаемыя"—получаетъ свое важное практическое значеніе и даетъ основаніе къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ принципіальнаго характера.

Такъ, съ одной стороны, основываясь на томъ, что по ст. 399 (также ст. 404) устава горнаго, если горнопромышленникъ, получившій отводъ въ одной и той же рудничной площади съ другимъ лицомъ, при добычѣ предоставленнаго ему ископаемаго будетъ попутно добывать ископаемое, принадлежащее другому, то *лишь по требованію* [1]) *послѣдняго* онъ обязанъ уступить ему безмездно все добытое попутно, чужое ископаемое, но самъ собственникъ недвижимаго имѣнія не имѣетъ права требовать его выдачи,—возможно, хотя и было бы ошибочно, принять за исходную ту точку зрѣнія, что ископаемыя, поименованныя въ ст. 336 устава горнаго, признаются по дѣйствующему нашему праву *вещами никому не принадлежащими*, кои поступаютъ непосредственно въ собственность ихъ перваго добывателя, надлежаще испросившаго отводъ соотвѣтствующей площади найденныхъ имъ залежей, и съ перваго поверхностнаго взгляда кажется послѣдовательнымъ признавать подходящимъ толкованіе упомянутаго вознагражденія за нѣдра лишь въ тѣсномъ смыслѣ простаго извлеченія дохода изъ недвижимаго имѣнія, именно: какъ „вознагражденія за пользованіе нѣдрами", совершенно безотносительно къ ископаемымъ, подобно вознагражденію за пользованіе поверхностью отведеннаго для добыванія руды участка.

Толкованіе это, сверхъ того, повидимому, находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ ст. 384 уст. горн., по которой, если въ площадь отвода входятъ земли нѣсколькихъ собственниковъ, то вознагражденіе за пользованіе нѣдрами распредѣляется между ними *соразмѣрно пространству* принадлежащаго каждому участка, хотя бы въ нѣдрахъ того или другого участка въ дѣйствительности не производилось добычи, значитъ, казалось бы: вознагражденіе, по прямому указанію закона, полагается собственно за отводъ нѣдръ въ пользова-

---

[1]) Юридическое значеніе этого постановленія разъяснено ниже.

ніе горнопромышленника, а не за самыя ископаемыя, пріобрѣтаемыя первымъ добывателемъ безмездно.

Тѣмъ не менѣе, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вышеприведенная точка зрѣнія, строго говоря, вовсе не согласима съ принятымъ въ горномъ законодательствѣ, дѣйствующимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, началомъ, по которому отводъ площадей для добычи поименованныхъ въ ст. 336 устава горнаго ископаемыхъ, при отсутствіи соглашенія между собственникомъ и предпринимателемъ, а также въ маіоратныхъ имѣніяхъ, хотя бы съ согласія ихъ владѣльцевъ, производится не иначе, какъ порядкомъ, установленнымъ для *принудительнаго отчужденія* недвижимыхъ имуществъ на государственную или общественную пользу, съ примѣненіемъ относительно опредѣленія вознагражденія землевладѣльцевъ, при отсутствіи добровольнаго соглашенія сторонъ, особыхъ правилъ (ст. 367 уст. горн.).

Мало того и независимо отъ этой заимствованной [1]) уставомъ горнымъ изъ французскаго горнаго закона 1810 г. идеи экспропріаціи, установленное въ уставѣ горномъ вознагражденіе за нѣдра, само по себѣ, дѣлаетъ непріемлемою отвергаемую нами точку зрѣнія безхозяйныхъ вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, если за собственникомъ недвижимаго имѣнія вовсе не признается, само по себѣ, безъ концессіи отъ государства, право разработки въ отношеніи указанныхъ въ ст. 366 устава горнаго ископаемыхъ, какъ res nullius, то собственникъ, очевидно, не вправѣ былъ бы требовать какого либо вознагражденія отъ горнопромышленника собственно за разработку въ нѣдрахъ означенныхъ залежей, такъ какъ, съ одной

---

[1]) Какъ извѣстно, Наполеонъ I, принимавшій особенное участіе въ проведеніи горнаго закона 21 апрѣля 1810 г. и старавшійся избѣгнуть явнаго нарушенія древней формулы гражданскаго кодекса (art. 552; ср. ст. 424 т. X ч. I и ст. 193—194, 200, 206—207, 213 и 424 уст. горн.), гласившей, что поземельная собственность заключаетъ въ себѣ „la propriété du dessus et du dessous“,—ухватился за идею экспропріаціи, которая получила свое отраженіе и въ нашемъ законѣ, въ ст. 367 уст. горн.,—мысль остроумная и даже имѣющая свои историческія основанія (см. Häberlin, Die Lehre von der Zwangsenteignung oder Expropriation, Archiv für civilistische Praxis, 39 Bd., стр. 7 и слѣд.), но теоретически не выдерживающая строгой критики.

стороны, право эксплоатаціи таковыхъ пріобрѣтается въ публичноправовомъ порядкѣ, независимо и даже противъ согласія собственника (ст. 336, 354 и 367 уст. горн.), непосредственно отъ правительства первымъ ихъ открывателемъ, испросившимъ отводъ;—съ другой стороны, самое извлеченіе невозможно безъ производства въ нѣдрахъ соотвѣтствующихъ горныхъ работъ. Слѣдовательно, уже самое предоставленіе нашимъ закономъ вознагражденія за нѣдра собственнику устраняетъ возможность взгляда на перечисленныя въ ст. 336 устава горнаго ископаемыя, какъ на вещи никому не принадлежащія, въ отношеніи коихъ за собственникомъ земли не сохранено никакихъ, хотя бы весьма умаленныхъ правъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, остается единственно вѣрною другая точка зрѣнія, основывающаяся на томъ общеизвѣстномъ правилѣ, что всякое исключеніе изъ общаго закона слѣдуетъ толковать ограничительно.

Поэтому и въ постановленіяхъ устава горнаго относительно поименованныхъ въ ст. 336 ископаемыхъ слѣдуетъ усматривать лишь *ограниченіе* признаннаго ст. 552 гражданскаго кодекса за собственникомъ права собственности на нѣдра принадлежащей ему земли, причемъ оставленное за нѣдровладѣльцемъ право, въ случаѣ пріобрѣтенія права эксплоатаціи этихъ ископаемыхъ постороннимъ лицомъ, въ сущности сводится лишь къ праву на полученіе отъ горнопромышленника, такъ называемаго, вознагражденія за нѣдра отведенной площади, которое логически представляется возможнымъ толковать только въ смыслѣ *вознагражденія „за добытыя ископаемыя“*, въ видѣ возмѣщенія *долевой* цѣнности ихъ.

Послѣднее толкованіе находитъ подтвержденіе въ уставѣ горномъ и въ томъ, что по ст. 384 вознагражденіе это опредѣляется по соглашенію сторонъ, а при отсутствіи таковаго—самимъ закономъ (1% добычи для каменнаго угля и цинковой руды и $^1/_2$% для свинцовой и желѣзной рудъ). Послѣдній способъ опредѣленія, производимый притомъ въ административномъ порядкѣ, слѣдуетъ признать единственнымъ, въ отношеніи маіоратныхъ имѣній, ибо у этихъ имѣній стороны, какъ пред-

ставителя всей полноты правъ рода, которому предоставлено маіоратное владѣніе, не имѣется.

Такое толкованіе подкрѣпляется также и соображеніями о томъ, что при эксплоатаціи нѣдръ земли не можетъ быть, конечно, и рѣчи о сохраненіи стоимости самого эксплоатируемаго имущества, ибо здѣсь происходитъ не пользованіе нѣдрами, но ихъ *обезцѣненіе* посредствомъ извлеченія ископаемыхъ, которыя и органически отнюдь не составляютъ плода, продукта, производимаго землею, но являются *составнымъ ея элементомъ* въ данныхъ почвенныхъ условіяхъ, такъ что извлеченіе ископаемаго навсегда лишаетъ землю этого почвеннаго элемента, пластовыхъ залежей. Поэтому и вознагражденіе за нѣдра въ сущности является *возмѣщеніемъ* извѣстной суммы, выражающей ту или другую долю стоимости ископаемыхъ, но отнюдь *не* можетъ считаться собственно *доходомъ* съ нѣдръ, понятію коего противорѣчатъ: уменьшеніе капитальной цѣнности имѣнія по мѣрѣ извлеченія ископаемыхъ, въ природѣ вновь не возобновляющихся, и, въ зависимости отъ сего,—срочность самаго дохода.

Едва ли здѣсь нужно особо останавливаться на томъ, что въ основаніи нашего взгляда лежитъ тотъ юридическо-экономическій смыслъ понятія о плодахъ, разработанный классическими и новѣйшими [1]) юристами, по которому понятіе плода означаетъ не особую категорію вещей, но особое отношеніе между лицомъ и хозяйственными благами,—тѣ постоянно повторяющіяся прибыли, которыя даются производительнымъ употребленіемъ плодоприносящей вещи или капитала при ихъ сохраненіи (salva rei substantia).

---

[1]) Проф. Л. І. Петражицкій, Die Lehre vom Einkommen, т. I и II (1893—1895 г.), *Его-же*, Bona fides въ гражд. правѣ; ср. А. Н. Гейне, О пріобрѣтеніи плодовъ добросовѣстнымъ владѣльцемъ по т. X ч. I, Вѣстникъ Права, октябрь, 1900 г. (Въ этой *моей* статьѣ вкрались досадныя опечатки, которыя пользуюсь случаемъ исправить. Такъ, на стр. 138, въ строкѣ 11 слѣдуетъ читать: „между лицомъ и хозяйственными благами"; на стр. 139, въ строкѣ 9:—„неправости владѣнія"; на стр. 140, въ строкѣ 8:—„совершенно излишнимъ"; на стр. 141, въ строкѣ 4 сверху:—„ст. 634", въ строкѣ 9 снизу:—„не *разъясняется*"; на стр. 142, въ строкѣ 11:—„*не* непогрѣшимой", въ строкѣ 13:—„hinaus", въ строкѣ 20: вмѣсто „и избъ" слѣдуетъ читать: „*и проч.*": на стр. 145, въ строкѣ 6:—„переходитъ *къ* добросовѣстному").

Поддерживаемая нами точка зрѣнія вполнѣ подтверждается и другими дѣйствующими узаконеніями устава горнаго. Такъ, по ст. 382 этого устава даже при пріобрѣтеніи горнопромышленникомъ, по требованію собственника, участка земли, потерявшаго для послѣдняго вслѣдствіе горныхъ работъ прежнее свое значеніе, бывшій собственникъ тѣмъ не менѣе „сохраняетъ право на вознагражденіе за нѣдра отчужденнаго участка“, каковое, слѣдовательно, по прямому указанію закона, является именно вознагражденіемъ *за ископаемыя*, а не вознагражденіемъ за пользованіе нѣдрами, ибо въ послѣднемъ случаѣ вознагражденіе это не могло бы быть сохранено за прежнимъ собственникомъ.

Равнымъ образомъ можно сослаться и на ст. 404 устава горнаго, которая хотя и имѣетъ въ виду случаи, когда ископаемыя добыты горнопромышленникомъ внѣ предѣловъ отвода, на свободной мѣстности или на площади чужаго отвода, однако слова „горнопромышленникъ обязанъ вознаградить собственника земли *за добытыя ископаемыя*“ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ значеніи этихъ словъ для выясненія смысла выраженій: „вознагражденіе за нѣдра“ и проч. Что же касается ст. 484 устава горнаго, то въ виду только что изъясненныхъ статей значеніе ея совершенно парализуется, тѣмъ болѣе, что она, повидимому, основана главнѣйше на соображеніяхъ техническаго удобства, а не принципіальныхъ.

Если усматривать, такимъ образомъ, въ вознагражденіи за нѣдра *долевое возмѣщеніе* собственнику нѣдръ цѣнности ихъ ископаемыхъ, то послѣдовательно надлежало бы и въ маіоратныхъ имѣніяхъ это вознагражденіе всецѣло предоставить собственнику сего имѣнія, но отнюдь не тому или другому отдѣльному маіоратному владѣльцу, который имѣетъ лишь временное, пожизненное право владѣнія, право *хозяйственнаго* пользованія маіоратнымъ имѣніемъ, ограниченное статьями 17, 20—24 Высочайшаго указа 4—16 октября 1835 г. (Дневникъ законовъ Царства Польскаго, т. XVII, стр. 322 и слѣд.) объ образованіи маіоратовъ изъ казенныхъ имѣній (сравн. статьи 494, 499, 500, 502—505 и особенно 506—512 т. X ч. I).

Едва ли по существу—если не смущаться неточной терминологіей нашего законодательства, вообще безразлично употребляющаго растяжимый у насъ терминъ „собственникъ“ взамѣнъ отвлеченныхъ терминовъ: субъектъ, хозяинъ, правообладатель (ср. ст. 1706 т. X ч. I), если non verba legum tenere, sed vim ac potestatem,—правильно было бы спорить противъ того, что собственникомъ маіоратнаго (казеннаго) имѣнія, по смыслу указанныхъ статей, является, буде не казна (какъ почти очевидно по X тому св. зак.), въ вѣдомство которой въ концѣ концовъ маіоратное имѣніе безповоротно отбирается по прекращеніи того рода, во владѣніе коему казенное имѣніе пожаловано подъ этимъ отмѣнительнымъ (резолютивнымъ) условіемъ на правѣ маіоратовъ, то во всякомъ случаѣ—не маіоратный владѣлецъ, а только *весь* родъ, *все* поколѣніе послѣдняго грекороссійской вѣры, пока оно вовсе не прекратится (ст. 23 Высоч. указа 1835 г.). Въ интересахъ этого рода прежде всего и установлено безусловное ограниченіе маіоратовладѣльца въ свободномъ распоряженіи и владѣніи имѣніемъ, для предупрежденія раздробленія и отчужденія послѣдняго.

Поэтому и вознагражденіе за нѣдра, точнѣе за ископаемыя, какъ долевое возмѣщеніе убывающей, по мѣрѣ ихъ эксплоатаціи, цѣнности маіоратнаго имѣнія, слѣдовало бы признать подлежащимъ внесенію въ Государственный Банкъ въ видѣ неприкосновеннаго капитала, входящаго въ составъ маіоратнаго имѣнія, съ предоставленіемъ, само собою разумѣется, наличному владѣльцу названнаго имѣнія лишь права на полученіе съ указаннаго капитала процентовъ (ср. ст. 509 т. X ч. 1).

Итакъ, если владѣлецъ маіоратнаго имѣнія по тѣмъ или другимъ причинамъ не предупредилъ (ст. 353, 363 уст. горн.) постороннихъ предпринимателей развѣдками и подачею просьбы объ отводѣ ему необходимой рудничной площади для добычи упомянутыхъ въ ст. 336 устава горнаго ископаемыхъ, находящихся на его землѣ, то, не будучи собственникомъ таковой и не пріобрѣтя никакихъ правъ въ отношеніи этихъ ископаемыхъ, онъ и не можетъ лично притязать на какое

либо вознагражденіе собственно за то, что посторонній горнопромышленникъ, въ силу пріобрѣтеннаго имъ по закону права горнаго промысла, разрабатываетъ въ нѣдрахъ маіоратнаго имѣнія открытыя имъ залежи.

Единственно справедливымъ представляется, конечно, предоставить маіоратному владѣльцу, сверхъ полагающихся ему по закону вознагражденія за пользованіе поверхностью земли и прочимъ его имуществомъ и возмѣщенія причиненныхъ ему горною разработкою вреда и убытковъ, посколько однако таковые не уменьшаютъ капитальной стоимости самаго имѣнія (ст. 385 уст. горн.), ибо въ послѣднемъ случаѣ вознагражденіе, очевидно, должно быть обращаемо въ капиталъ имѣнія,— также еще, примѣнительно къ общему смыслу ст. 509 т. X ч. 1, пользованіе процентами съ образуемаго изъ ежегоднаго вознагражденія за нѣдра отведеннаго участка капитала, входящаго въ составъ маіоратнаго имѣнія.

Съ другой стороны, если маіоратовладѣлецъ самъ пріобрѣлъ право на рудныя мѣсторожденія въ своемъ маіоратномъ имѣніи общимъ установленнымъ въ горномъ уставѣ порядкомъ, то, согласно вышеизложенному, онъ въ свой чередъ обязанъ вносить въ Государственный Банкъ, въ видѣ неприкосновеннаго денежнаго капитала, принадлежащаго маіоратному имѣнію, вознагражденіе за нѣдра въ полномъ причитающемся по закону размѣрѣ, который поэтому, кстати замѣтить, надлежало бы опредѣлять въ отводномъ актѣ во всѣхъ случаяхъ, хотя бы владѣльцемъ отвода являлся самъ землевладѣлецъ.

Въ послѣднее время поступаютъ въ значительномъ количествѣ ходатайства объ отводѣ площадей для добычи открытыхъ просителями ископаемыхъ изъ состава маіоратныхъ имѣній. Поэтому нынѣ ощущается особенная необходимость въ скорѣйшей разработкѣ такого порядка для опредѣленія вознагражденія за убытки, причиняемые горными работами, а равно за пользованіе нѣдрами и поверхностью въ маіоратныхъ имѣніяхъ, который бы вполнѣ ограждалъ стоимость и доходность этихъ имѣній во всѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ отводятся площади для добычи ископаемыхъ какъ постороннимъ лицамъ, такъ и самимъ маіоратнымъ владѣльцамъ.

Поэтому при предстоящемъ въ законодательномъ порядкѣ устраненіи неполноты дѣйствующихъ постановленій горнаго устава въ примѣненіи къ маіоратнымъ имѣніямъ представляется во всякомъ случаѣ неотложнымъ особо остановиться на послѣдовательномъ разрѣшеніи нижеслѣдующихъ вопросовъ:

1) Не слѣдуетъ ли въ интересахъ цѣлаго рода— всѣхъ будущихъ владѣльцевъ маіората—и казеннаго вѣдомства, въ особенности, признать подлежащимъ измѣненію то положеніе о горномъ промыслѣ въ маіоратныхъ имѣніяхъ, по которому „вознагражденіе за нѣдра“ въ отношеніи поименованныхъ въ ст. 336 устава горнаго ископаемыхъ предоставляется *наличному владѣльцу* маіората; тогда какъ по соображеніямъ вышеизложеннымъ нельзя не придти къ тому убѣжденію, что „вознагражденіе за нѣдра“ всецѣло должно было бы составить неприкосновенный капиталъ маіоратнаго имѣнія.

2) Не представляется ли необходимымъ устранить несогласованность тѣхъ статей устава горнаго между собою, въ коихъ сказывается вліяніе двухъ разныхъ иноземныхъ правоисточниковъ: съ одной стороны—стараго горнаго права и въ частности французскаго закона 21 апрѣля 1810 г., въ отдѣльныхъ постановленіяхъ котораго проводится наиболѣе подходящее къ нашему праву [1]) начало, что минеральныя залежи, какъ составная часть земли—pars fundi, состоятъ въ собственности землевладѣльца до тѣхъ поръ, пока они не извлечены въ установленномъ порядкѣ уполномоченнымъ на ихъ эксплоатацію горнопромышленникомъ (ст. 367, 371, 382 и др. уст. горн.), и поэтому собственнику предоставляется долевое вознагражденіе за ископаемыя; съ другой стороны—новѣйшихъ законовъ, а также прусскаго горнаго закона 24 іюня 1865 г., по которому право собственности землевладѣльца не распространяется на особо въ законѣ по-

---

[1]) Здѣсь любопытно отмѣтить взглядъ К. Неволина, который полагалъ, что въ отношеніи русскаго права не можетъ быть рѣчи о первообразномъ пріобрѣтеніи вещей посредствомъ добыванія минераловъ, ибо у насъ права землевладѣльца распространены на внутренность земли, а земли, никому въ частности не принадлежащія, издавна считаются собственностью казны (Исторія росс. гражданскихъ законовъ, т. II, § 372).

именованныя ископаемыя (такъ наз. freie Fossilien) и слѣдовательно таковыя признаются вещами, никому не принадлежащими и подлежащими освоенію путемъ ихъ добыванія управомоченнымъ на то горнопромышленникомъ (ст. 399, 404 уст. горн.).

3) Равнымъ образомъ надлежало бы объединить терминологію горнаго устава, замѣнивъ неопредѣленныя выраженія закона: „вознагражденіе за нѣдра, за пользованіе нѣдрами“ болѣе точнымъ терминомъ „вознагражденіе за добытыя ископаемыя“, правильно употребленнымъ уже въ ст. 404 того же устава.

Наконецъ, 4) кстати замѣтимъ, не пора ли отмѣнить въ уставѣ горномъ (ст. 371) постановленіе о томъ, что въ силу акта объ отводѣ изъ отводной площади образуется новая, отдѣльная отъ поверхности земли, недвижимая собственность. Внѣ всякаго сомнѣнія неправильно говорить о собственности въ истинномъ смыслѣ этого слова въ томъ случаѣ, когда управомоченному предоставляется не вообще право распоряженія отведеннымъ участкомъ, но только право присвоенія, въ предѣлахъ этого участка, означенныхъ въ отводномъ актѣ ископаемыхъ и соотвѣтственное, посколько для добыванія таковыхъ необходимо, право производства надлежащихъ работъ въ отведенныхъ для сего нѣдрахъ, словомъ лишь особаго рода временное и притомъ ограниченное *право пользованія*, право разработки (эксплоатаціи) рудничной площади въ отношеніи предоставленныхъ ископаемыхъ.

Такимъ образомъ, землевладѣлецъ не только сохраняетъ право собственности на всю свою землю и въ частности на нѣдра отведеннаго участка, какъ то подтверждается статьями 382 и 388 устава горнаго, согласно коимъ отчужденіе самаго участка можетъ послѣдовать лишь въ особыхъ случаяхъ, а также статьей 386, по которой занятые участки по миновапіи надобности должны быть возвращаемы собственнику земли; а вмѣстѣ съ тѣмъ—сохраняетъ право пользованія и въ отношеніи нѣдръ отведеннаго участка, посколько оно конечно не ограпичивается правомъ горной разработки, предоставленнымъ горнопромышленнику: такъ, напр., всѣ находя-

щіяся въ нѣдрахъ отведенной рудничной площади ископаемыя, не поименованныя въ ст. 336 устава горнаго, какъ то: глина, камни и др., поступаютъ въ распоряженіе собственника земли, за удовлетвореніемъ надобностей разработки управомоченнаго горнопромышленника (ст. 398); но, мало того, по буквальному смыслу статей 364 и 399 устава горнаго, въ одной и той же мѣстности могутъ быть отводимы площади разнымъ лицамъ для добычи разныхъ ископаемыхъ, хотя бы эти площади покрывались взаимно. Съ другой стороны и управомоченный горнопромышленникъ имѣетъ право эксплоатаціи отведенной ему рудничной площади только въ цѣляхъ *добыванія заявленнаго имъ ископаемаго*, а не въ какихъ либо иныхъ.

Да и вообще право на разработку нѣдръ земли разсматривается дѣйствующими законами (уставы горный и о золотопромышленности) именно какъ временное право пользованія отведеннымъ мѣсторожденіемъ ископаемыхъ *для* и *до* выработки таковыхъ. Такъ, напр., относительно золотыхъ пріисковъ въ ст. 427 устава горнаго прямо указывается, что золотосодержащіе пріиски, на земляхъ казенныхъ и Кабинета Его Величества, предоставляются частнымъ золотопромышленникамъ „не въ собственность, но во временное пользованіе, впредь до выработки въ нихъ золота“.

Не составляя такимъ образомъ права недвижимой собственности, вышеформулированное право присвоенія означенныхъ въ отводномъ актѣ ископаемыхъ, тяготѣющее непосредственно на самомъ имѣніи, независимо отъ перемѣны въ лицѣ маіоратовладѣльца, является *правомъ вещнымъ*, какъ это съ очевидностью усматривается и изъ цитированныхъ уже нами статей 399 и 404 устава горнаго, предоставляющихъ управомоченному право требовать выдачи и тѣхъ ископаемыхъ, добываніе коихъ, хотя и предоставлено отводнымъ актомъ именно ему, но было произведено другимъ горнопромышленникомъ, управомоченнымъ или въ рудничной площади смежной или въ той же, но на другое ископаемое: такое право требовать именно выдачи „добытаго попутно ископаемаго“ можетъ быть присуще лишь праву вещному.

Итакъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ особымъ видомъ обла-

данія и вещнаго притязанія къ извѣстному способу эксплоатаціи въ отношеніи заявленныхъ ископаемыхъ, причемъ этотъ правообъектъ въ интересахъ гражданскаго оборота подлежитъ ипотечной записи[1]).

При этомъ, въ виду того обстоятельства, что по силѣ статей 360, 366, 371 прим. 1 самъ землевладѣлецъ долженъ особо пріобрѣтать право разработки нѣдръ въ отношеніи указанныхъ въ ст. 336 устава горнаго ископаемыхъ, отмѣтимъ также неправильность опредѣленія этого права для *всѣхъ* случаевъ какъ права на *чужую* вещь.

Приватъ доцентъ Алексѣй Гейне.

---

[1]) Otto Gierke въ только что вышедшемъ *второмъ* томѣ своего нѣмецкаго учебника не относитъ такъ наз. „Bergwerkseigentum“ къ вещнымъ ограниченіямъ, обременяющимъ поземельную собственность, но усматриваетъ въ немъ внѣ послѣдней стоящее право господства (Herrschaftsrecht) надъ особымъ объектомъ, совершенно выдѣленнымъ изъ состава поземельной собственности; для осуществленія этого правомочія необходимо однако установленіе, сверхъ того, придаточныхъ, ограниченныхъ вещныхъ правъ пользованія на ту землю, въ нѣдрахъ которой находятся ископаемыя (Deutsches Privatrecht, Bd. II, 1905 г., стр. 629—630).— Сравн. рѣшеніе Прав. Сената (Сборн. 1902 г. № 36) и подробный разборъ этого рѣшенія въ статьѣ сенатора П. Н. Гуссаковскаго (Журн. Мин. Юст., 1903 г., № 3, Мартъ).

О НЕВМѢНЯЕМОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТДѢЛОМЪ „О ВМѢНЯЕМОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ“ УЛОЖЕНІЯ 22-ГО МАРТА 1903 ГОДА.

Вмѣняемость и невмѣняемость, преступность и безнаказанность представляются намъ одними изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ уголовнаго права.

Здѣсь приходится строить свои выводы, устанавливать исходныя точки на основаніи изученія человѣческаго духа, далеко еще не разгаданнаго, на основаніи нашего довольно скуднаго знанія человѣческаго *я*, съ его внутренней опредѣляемостью и внѣшней проявляемостью.

Здѣсь же сталкиваются два метода изслѣдованія фактовъ и явленій. Съ одной стороны выступаетъ юристъ, искусившійся въ анализѣ человѣческихъ взаимоотношеній, созданныхъ пребываніемъ людей въ обществѣ себѣ подобныхъ, съ другой принимаетъ участіе экспертъ-врачъ, привыкшій разбираться въ самомъ человѣкѣ, въ его больной душѣ, проявляющейся въ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Конечно, невмѣняемость, какъ отрицаніе виновности того, кто по объективной связи явленій виновникъ дѣянія, имѣющаго преступный характеръ,—понятіе чисто юридическое. Она—въ своемъ содержаніи—опредѣляется юристами и проводится въ жизни черезъ юристовъ. Но въ то же время должно заявить, что каждый отдѣльный „невмѣняемый“ можетъ быть понятъ какъ таковой, лишь при помощи спеціалиста.

Юристъ-судья, подобно кормчему, ведетъ свой корабль среди подводныхъ камней и неожиданныхъ мелей; врачъ-экспертъ, подобно звѣздѣ яркой или компасу и картѣ, указываетъ путь, единственно вѣрный и единственно безопасный отъ ошибокъ и незнанія.

Правда, не всѣ случаи невмѣняемости требуютъ помощи спеціалиста, но лишь тѣ, гдѣ невмѣняемость обусловливается причинами, лежащими въ невмѣняемомъ, а эти случаи, въ сущности, самые сложные и запутанные. Нерѣдко, однако, невмѣненіе лежитъ во внѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ дѣятельности человѣка.

Но спрашивается, всѣ ли признаютъ одинаково необходимымъ въ уголовномъ правѣ самое понятіе невмѣняемости, а въ современныхъ кодексахъ самое раздѣленіе на „невмѣняемыхъ и вмѣняемыхъ“? На этотъ вопросъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ.

Теорія фатализма или нецессаріанизма выдвигаетъ на первый планъ роковую необходимость человѣческихъ дѣйствій. Она вполнѣ отождествляетъ человѣка съ природой. Она считаетъ явленія людскаго порядка равнозначущими съ феноменами органическаго міра. Для нея—злоумышленникъ то же, что и лишенный разума или дикій звѣрь или грозная молнія. Таганцевъ различаетъ нецессаріанизмъ субъективный, доказывающій необходимость человѣческихъ дѣйствій, основываясь на свойствахъ человѣческой организаціи и—объективный, основывающійся на наблюденіяхъ цѣлаго общества и его историческихъ судебъ. Къ первому оттѣнку (т. е. субъективный нецессаріанизмъ) нужно отнести прежде всего „сенсуализмъ“ Гоммеля, писавшаго подъ псевдонимомъ Іоха (XVIII в.).

Гоммель въ своей книгѣ „о наградахъ и наказаніяхъ по турецкимъ законамъ“ развиваетъ мысль, что наша воля не болѣе какъ атомъ среди прочихъ міровыхъ явленій. „Въ волѣ“, говоритъ онъ, „не можетъ быть ничего, чего нѣтъ въ разсудкѣ, въ разсудкѣ ничего, чего нѣтъ въ чувствахъ, душа человѣка это—tabula rasa, на которой содержаніе вписывается исключительно природой“.

„Если я хочу чего нибудь, то я хочу не только въ силу достаточной къ тому причины, но и въ силу того, что мое хотѣніе также неизбѣжно, какъ паденіе тѣла на землю; оно предопредѣлено заранѣе“.

Даже наши этическія представленія, наша мораль—все продуктъ воздѣйствующихъ на насъ внѣшнихъ силъ. По Гоммелю нѣтъ большой разницы между кровожадностью блохи, жестокостью звѣря или инстинктами убійцы. „Конечно, говоритъ онъ, человѣкъ не блоха и не волкъ, но они сходны въ одномъ: ихъ поступки не могутъ быть имъ вмѣняемы, т. е. не могутъ быть признаны продуктами ихъ свободной воли“.

Френолого-краніологическая школа, въ свою очередь, считаетъ преступленіе продуктомъ анатомической аномаліи. „Она, говоритъ Таганцевъ, отрицаетъ всякое значеніе личныхъ психическихъ силъ человѣка“. Наказаніе, по ихъ мнѣнію лишь, „ортопедическая мѣра“. Нельзя, однако, не отмѣтить, что Галль, основатель школы френологовъ, не отрицалъ вопроса о вмѣняемости и отвѣтственности и даже признавалъ свободу воли.

Къ категоріи субъективнаго нецессаріанизма нужно отнести также и „психіатрическую“ школу, во многомъ предвосхитившую идеи антропологовъ-криминалистовъ.

Психіатрическая школа видитъ въ преступникѣ психически больного человѣка. „Анализируя психологическія состоянія преступниковъ“, говоритъ Деспинъ, „мы легко можемъ усмотрѣть ихъ ненормальность, она выражается въ той легкости, съ которой преступникъ уступаетъ побужденіямъ, долженствующимъ возбудить неодолимое отвращеніе во всякомъ нравственномъ человѣкѣ“. Пороки существуютъ у всѣхъ людей, но нравственно-здоровые люди умѣютъ преобороть свои безнравственныя желанія. Преступники же не могутъ ихъ преобороть.

Психіатрамъ (школы) толка Деспина преступники представляются нравственными идіотами, не свободными морально. То же полагаетъ и Томсонъ, расходясь лишь въ объясненіяхъ причинъ, а именно, полагая, что преступленіе продуктъ психическаго вырожденія.

„При такомъ взглядѣ“, совершенно справедливо замѣчаетъ Таганцевъ, „устраняется различіе вмѣняемости и невмѣняемости, а всѣ поступки добрые и злые, преступные и непреступные представляются также подчиненными закону необходимости, какъ симптомы какого либо тифа, падучей болѣзни и пр.“.

Оставляя болѣе подробныя возраженія противъ положеній психіатрической школы до совмѣстнаго обсужденія воззрѣній антропологическаго направленія въ уголовномъ правѣ, съ которымъ у нея очень много общаго, мы въ нѣсколькихъ словахъ попытаемся опровергнуть сенсуалистовъ и френологовъ. Прежде всего нужно указать, что современная физіологія и опытная психологія признаютъ основныя воззрѣнія нецессаріанцевъ научно несостоятельными. Психика человѣка такой же элементъ вполнѣ самостоятельный и самоцѣльный въ цѣпи причинъ, обусловливающихъ человѣческую дѣятельность, какъ и внѣшнія условія бытія, какъ и условія органическаго существованія. Если бы наша психика была лишь tabula rasa, а внѣшніе феномены опредѣляли всецѣло ея содержаніе, то какъ можно было бы объяснить многоразличіе человѣческихъ поступковъ, хотя бы и нормальныхъ, съ точки зрѣнія самаго Гоммеля. Наконецъ самыя наши сужденія, въ томъ числѣ и идеи сенсуалистовъ, не болѣе какъ случайный разговоръ, не болѣе какъ измѣнчивый и капризный изгибъ мысли, навѣянный непостоянствомъ самихъ окружающихъ обстоятельствъ и явленій.

Остановимся теперь на школѣ антропологической, посмотримъ, насколько основательны ея доводы противъ самаго понятія невмѣняемости, принимаемой въ противоположность вмѣняемости и наказуемости.

Среди антропологовъ-криминалистовъ имѣются два главныхъ теченія. Ломброзо и ученые его толка выдвигаютъ на первый планъ органическія аномаліи въ преступномъ типѣ. Гарофало и его ученики усматриваютъ въ виновникѣ „естественнаго преступленія“ психическія аномаліи, а именно недостатокъ коренныхъ нравственныхъ чувствъ—состраданія и честности, вмѣстѣ или порознь взятыхъ въ средней мѣрѣ

ихъ развитія въ культурномъ обществѣ современности. Но оба направленія сходятся въ одномъ выводѣ—они отрицаютъ нравственную отвѣтственность, замѣняя ее цѣликомъ—общественной. По ихъ мнѣнію принципъ нравственной отвѣтственности несостоятеленъ съ утилитарной точки зрѣнія, такъ какъ оставляетъ худшихъ преступниковъ безнаказанными, считая ихъ невластными надъ своими инстинктами и импульсами. Единственнымъ основаніемъ вмѣненія должно служить сознаніе, что данное лицо является причиной перемѣны во внѣшнемъ мірѣ. Такое сознаніе считаетъ психическіе процессы въ насъ пропсходящіе за особеннаго вида нервный рефлексъ, какъ, въ свою очередь, карательную мѣру дѣятельности государства признаетъ за рефлексъ коллективнаго организма.

Въ обществѣ, по мнѣнію антропологической школы, господствуетъ космическій законъ борьбы за существованіе. Поэтому не должно быть наказанія по степени вины, а необходимо покараніе по степени опасности преступника для общества. Гарофало прямо говоритъ, что наказаніе должно соразмѣряться единственно только со степенью опасности и развращенности дѣятеля (его temibilità—нарушеніе минимума нравственной приспособляемости человѣка къ обществу).

Можно ли, однако, согласиться съ метафизической предвзятостью приведенныхъ положеній? Можно ли признать, что преступленіе столь же естественно ведетъ къ наказанію, какъ рожденіе къ смерти или что преступникъ столь же виноватъ, что онъ золъ, какъ и общество, что оно заботится о своей безопасности.

Даже современный намъ дарвинизмъ, источникъ эволюціоннаго метода въ обществознаніи, не доводитъ своихъ выводовъ до такой односторонней послѣдовательности. Кромѣ того вѣдь идея борьбы за существованіе въ царствѣ растеній и животныхъ явленіе чисто біологическое, чуждое правового момента. Расширеніе біологическаго закона до соціологическаго принципа, принятіе борьбы за право-высшимъ проявленіемъ космическаго закона борьбы за существованіе—не означаетъ ли грубое смѣшеніе органическихъ законовъ бытія съ

законами человѣческаго сосуществованія. Поэтому и самый взглядъ на наказаніе съ точки зрѣнія одной самообороны едва ли можетъ нами быть принятъ. Отрицательное отношеніе антропологовъ-криминалистовъ къ вопросу о невмѣненіи происходитъ отъ ихъ опредѣленія самаго понятія невмѣняемости, одновременно очень широко и узко. Съ ихъ точки зрѣнія очень мало преступниковъ вмѣняемыхъ, въ то же время очень много преступниковъ, которыхъ слѣдуетъ наказать, имѣя въ виду интересы общества.

Но и самыя исходныя точки антропологовъ допускаютъ сомнѣніе въ ихъ правильности. Возьмемъ хотя-бы ихъ классификацію. Она сваливаетъ въ одну кучу душевно-больныхъ, рецидивистовъ и преступниковъ „по страсти“. Но сами же антропологи признаютъ, что признаки такъ называемаго преступнаго типа встрѣчаются лишь у 40% преступниковъ. Марро, провѣрявшій Ломброзо, указываетъ, что эти признаки большею частью пріобрѣтенные, а не врожденные, а Топинаръ находилъ эти признаки (антропологическіе), составляющіе этническія особенности человѣка, у людей вполнѣ нормальныхъ.

Не нужно смѣшивать прирожденнаго преступника съ профессіональнымъ, носящимъ на себѣ отпечатокъ своихъ обычныхъ занятій. Вотъ профессіональный типъ—явленіе безъ сомнѣнія соціальное и даже, какъ таковое, не требуетъ, вопреки антропологической школы, непремѣннаго устраненія себя во что-бы то ни стало, наоборотъ, нерѣдко онъ допускаетъ путемъ наказанія приспособить себя къ общественному укладу.

Сближеніе прирожденнаго преступника съ дегенератомъ не имѣетъ подъ собой почвы. Вырожденіе встрѣчается всего чаще среди нищихъ и бродягъ, способныхъ обычно на мелкія преступленія. Тардъ прямо говоритъ, что наиболѣе важные преступники отмѣчены наименѣе признаками дегенераціи. Но что сказать о сопоставленіи и смѣшеніи прирожденной преступности съ дикостью и съ нравственнымъ помѣшательствомъ?

„Одичаніе—своего рода нравственное помѣшательство“,

говоритъ Ломброзо, „общее прирожденнымъ преступникамъ, дѣтямъ и нравственно помѣшаннымъ“. Однако дѣтство и дикость—состоянія допускаютъ прогрессивное развитіе, представляя зачатокъ, зародышъ, нравственное же помѣшательство есть не болѣе какъ состояніе упадка. Дикари кромѣ того, какъ замѣчено, весьма рѣдко заболѣваютъ психически. Отрицать невмѣняемость въ цѣломъ и признавать, какъ это дѣлаетъ Гарофало, среднюю честность и среднюю сострадательность—не значитъ ли противорѣчить самому себѣ, выдвигая при этомъ весьма несовершенный, растяжимый критерій?

Идея одной общественной самообороны уязвима еще и съ точки зрѣнія моральныхъ понятій общества. Преступникъ, котораго мы считаемъ здоровымъ, въ общемъ строѣ своего *я* повторяетъ каждаго изъ насъ, судящихъ и осуждающихъ его. Это убѣжденіе является отправной точкой уголовной политики, ея отношенія къ преступнику. Только инстинктивное сравненіе съ собой, какъ мѣркой одновременно относительной и безусловной, даетъ возможность безъ зазрѣнія совѣсти въ сознаніи своей правоты творить свой человѣческій судъ. Другое дѣло, когда передъ нами ненормальные или дѣйствующіе въ условіяхъ необычныхъ, исключающихъ предѣлы самоопредѣленія. Ихъ *я* не похоже на наше, струны ихъ души расходятся съ нашими, не находя отзвука въ нашей психикѣ.

Отсюда невозможность при современныхъ этическихъ условіяхъ самаго примѣненія здоровой мѣрки къ анормальному явленію, другими словами невозможность измѣрять неизмѣримое мѣркой измѣримаго (сопоставленіе несоизмѣримыхъ величинъ). Къ сказанному мы не можемъ не прибавить, что требованія общественной безопасности и самообороны приводили нашихъ предковъ къ осужденію животныхъ, такъ, напримѣръ, казнь обезьяны при Михаилѣ Федоровичѣ, забѣжавшей въ церковь и произведшей тамъ безпорядокъ, или даже наказаніе неодушевленныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, случай наказанія кнутомъ и ссылки въ Тобольскъ въ 1543 г. колокола изъ Углича. Есть, однако, нѣкоторая разница

между антропологами-криминалистами и нашими предками. Эти послѣдніе допускали исправленіе и приспособленіе,—другой колоколъ (Лизекъ Capot VIX), сосланный въ Сибирь за оскорбленіе Величества, былъ впослѣдствіи помилованъ и возвращенъ, хотя и не возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о взглядѣ на невмѣняемость Ф. фонъ-Листа, высказанномъ въ его статьѣ Die strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit. Листъ, высказывая мысль, что вмѣняемость есть способность опредѣляться наказаніемъ, предлагаетъ сохранить ее для преступниковъ случайныхъ, какъ способныхъ мотивироваться закономъ.

Пока государство, наказывая, исправляетъ и устрашаетъ, для него имѣетъ значеніе отличіе вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ субъектовъ, но если оно въ наказаніи видитъ мѣру обезпеченія, то самый вопросъ о вмѣняемости утрачиваетъ значеніе. Различіе между охранительнымъ наказаніемъ по отношенію къ неисправимымъ преступникамъ и мѣрами охраны общеопасныхъ душевныхъ больныхъ не только практически недостижимо, но и принципіально не состоятельно. Но самъ Листъ въ своемъ отзывѣ на постановленія новаго уложенія категорически и убѣдительно доказываетъ невозможность дать научное опредѣленіе понятія вмѣняемости. Кромѣ того, онъ на стр. 82 той же своей работы (Die straf. Zurech.) признаетъ, что однохарактерныя „мѣры охраны“ нельзя согласовать съ народными воззрѣніями, съ каковыми законодатель пока долженъ считаться. Ошибка Листа заключается въ неправильности исходной точки. Вмѣняемость подразумѣваетъ способность быть преступникомъ, а не способность осуществлять цѣли, поставленныя государствомъ для наказанія. О вмѣняемости поднимается вопросъ при самомъ привлеченіи къ отвѣтственности, а не при опредѣленіи наказанія. Да какія данныя, что неисправимый преступникъ не имѣлъ въ виду наказанія, ему грозившаго, при совершеніи своего преступленія? Не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ не исправимымъ, а съ прирожденнымъ преступникомъ? Въ этомъ случаѣ намъ остается повторить соображенія, высказанныя по поводу ученія антропологической школы.

Итакъ, разсмотрѣніе многоразличныхъ теорій и взглядовъ, отрицающихъ самую необходимость понятія невмѣняемости въ уголовномъ правѣ, привело насъ къ противоположному выводу, т. е. къ безусловной надобности въ кодексѣ и въ наукѣ отдѣла о невмѣняемости. Перейдемъ теперь къ разбору положительно-относящихся къ интересующему насъ вопросу ученій и законодательствъ. Нашъ дальнѣйшій планъ будетъ заключаться въ подробномъ изложеніи и анализѣ постановленій нашего улож. 1903 г. 22 марта, помѣщенныхъ въ отдѣленіи IV подъ заглавіемъ „объ условіяхъ вмѣненія и преступности дѣяній". Попутно, знакомя, такъ сказать, съ частнымъ, мы будемъ обращаться къ положеніямъ общимъ и къ сравненіямъ съ другими уголовными кодексами, такъ какъ только путемъ сравненія и иллюстраціи въ частномъ—цѣлаго, на особенномъ—общаго, мы можемъ надѣяться возможно всестороннѣе освѣтить вопросъ, тѣмъ болѣе, что конечной цѣлью нашего труда является обнаруженіе достоинствъ и недостатковъ отдѣла о невмѣняемости нашего новаго уложенія.

Опредѣленіе понятія невмѣняемости, поскольку она обусловливается причинами внутренними, законодательствами разныхъ странъ дается неодинаковое. Разница заключается въ томъ, что одни кодексы стремятся дать описаніе причины, другіе еще кромѣ того и основаніе невмѣненія; другими словами, первыя уложенія считаютъ достаточнымъ руководствоваться только опредѣленіемъ невмѣняемости, вторые—центръ тяжести переносятъ на опредѣленіе способности вмѣненія. Теорія распредѣляетъ свои ученыя силы по тому же плану. Во главѣ первой группы законодательствъ нужно поставить по возрасту, но не по существу, французское право. Оно даетъ перечень причинъ невмѣняемости, однако очень неполный: французскій уголовный кодексъ 1810 года такими причинами считаетъ: 1) малолѣтство (art. 66—72) 2) умственное разстройство—démence (art 64). Подъ словомъ démence понимается не „извращеніе мыслительной дѣятельности", подобно гражданскому закону, а всякое разстройство психической дѣятельности (въ широкомъ смыслѣ). Такое дается толко-

ваніе теоретиками F. Hélie, Ortolan, Lainé, Garraud, а также практикой французскаго кассаціоннаго суда. „Подъ выраженіемъ „en état de démence“ въ виду отсутствія ближайшаго опредѣленія его въ законѣ должно понимать всякое разстройство мыслительной дѣятельности. Такъ что тутъ можетъ быть и идіотизмъ и умопомѣшательство и манія, прирожденная ли она или временная—безразлично. Необходимо лишь органичность пораженія, лишающая дѣятеля различенія добра и зла, а также свободы“. (Lainé, Traité de droit crimin. 1881 г., стр. 139 и слѣд.).

Но невмѣняемость, говоритъ тотъ же авторъ, можетъ явиться не только послѣдствіемъ органическихъ страданій, но и другихъ весьма различныхъ причинъ. Но законъ умалчиваетъ и судьѣ остается въ этихъ случаяхъ руководствоваться положеніемъ естественнаго права. Однако и при распространительномъ толкованіи этой статьи, объемъ ея по необходимости является ограниченнымъ, т. к. она всетаки предполагаетъ болѣзненное психическое разстройство, а потому даже и съ большими натяжками не можетъ быть распространяема на состояніе безпамятства или безсознательности, происходящихъ отъ опьяненія, сна и просонковъ и т. д., такъ что въ этихъ случаяхъ для суда французскаго единственная возможность устранить наказуемость лица, безусловно не сознающаго совершеннаго заключается, какъ справедливо замѣчаетъ Hélie, въ обходѣ закона, въ непризнаніи судьями или присяжными самаго факта преступленія, въ оправданіи обвиняемаго этимъ путемъ: поэтому французская система вызываетъ почти единодушное порицаніе теоретиковъ, въ особенности Ortolan и Garraud. Есть, однако, авторы, подъ démence подводящіе всевозможные случаи, напр. Boitard и Bertauld, но практика разбиваетъ ихъ предположенія, такъ французскій кассаціонный судъ, согласно тексту закона, призналъ безусловно наказуемымъ глухонѣмыхъ. Проектъ французскаго новаго уложенія остался на той же точкѣ зрѣнія. Нова лишь мѣра пресѣченія въ случаѣ признанія невмѣняемымъ. По предложенію прокурора при прекращеніи слѣдствія признанный невмѣняемымъ граждан-

скимъ судомъ можетъ быть помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ.

Той же системы держится бельгійскій законъ 1867 г. съ прибавленіемъ случаевъ глухонѣмоты, при признаніи глухонѣмаго дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія (art. 76).

Наше дѣйствующее уложеніе построено также на принципѣ французскаго уложенія. Но голландскій, швейцарскій кодексы, хотя тоже ограничиваются упоминаніемъ причинъ невмѣненія, отличаются, однако, отъ, напр., французскаго и нашего дѣйствующаго, тѣмъ, что обрисовка причинъ дана обобщенная, болѣе широкая, а потому и сравнительно болѣе исчерпывающая.

Такъ Голландское уложеніе въ статьѣ 37 и 38 формулируетъ состояніе невмѣняемости слѣдующимъ образомъ: „недостаточное развитіе и болѣзненное разстройство умственныхъ способностей совершившаго и малолѣтство“. Еще болѣе послѣдовательно и еще шире разрѣшается вопросъ швейцарскимъ проектомъ. Въ статьѣ II читаемъ: „кто во время совершенія преступнаго дѣянія былъ душевно боленъ или слабоуменъ или въ безсознательномъ состояніи, тотъ не наказуемъ“. Но прежде чѣмъ перейти къ детальному сравненію „обобщенной“ и „перечневой“ системы, мы вернемся къ дѣйствующему уложенію.

Въ ст. 92 и слѣдующихъ уложеніе даетъ перечень различныхъ состояній, устраняющихъ вмѣняемость. Сюда относятся: 1) дѣтство; 2) болѣзни, сопряженныя съ безпамятствомъ и умоизступленіемъ; 3) состояніе безумія; 4) сумашествіе; 5) глухонѣмота и 6) лунатизмъ. Но дѣло въ томъ, что дѣйствующее уложеніе системы своей не выдерживаетъ. Оно дѣлаетъ выпадъ въ сторону школы, признающей необходимость указанія основанія невмѣняемости, ея психологической обрисовки. И нужно сознаться, что самый выпадъ нельзя считать удачнымъ, т. к. психологическій критерій взятъ односторонне и неполно. Въ самомъ дѣлѣ, въ ст. 94, гдѣ говорится о малолѣтствѣ читаемъ: „не имѣющіе достаточнаго о своихъ дѣяніяхъ понятія“, въ ст. 95, гдѣ указывается сумашествіе „если виновные, по состоянію своему въ

то время, не могли имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія, въ ст. 95, касающейся глухонѣмыхъ, „не получившіе никакого понятія объ обязанностяхъ и законѣ“. Во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ выдвигается лишь моментъ сознанія и игнорируется важный моментъ хотѣнія.

Теперь перейдемъ къ сопоставленію „обобщенной и „перечневой“ системѣ.

Недостатокъ „перечневой“ системы заключается въ невозможности перечислить всевозможные признаки, характеризующіе состояніе невмѣняемости. Человѣческая психика слишкомъ сложна, ея проявленіе во внѣшнихъ дѣйствіяхъ слишкомъ измѣнчиво и настолько непостоянно, что стремленіе въ казуистичной регламентаціи исчерпать ее (психику) равносильно борьбѣ съ вѣтряными мельницами.

Конкретность терминологіи ведетъ къ большимъ затрудненіямъ, т. к. въ психіатріи до сихъ поръ нѣтъ вполнѣ твердо установленной и однообразной классификаціи, не говоря уже о томъ, что номенклатура, принятая въ законѣ, можетъ соотвѣтствовать бытовому значенію слова, а не научному его употребленію (напр. сумашествіе по дѣйствующему уложенію).

„Нашъ законъ“, пишетъ А. Ф. Кони по поводу дѣйствующаго ул. (построеннаго на принципѣ перечневомъ) „знаетъ въ настоящее время лишь сумашествіе, безуміе и припадки болѣзни, приводящіе въ умопзступленіе и безпамятство. Но наука опредѣлила и выяснила рядъ другихъ болѣзненныхъ состояній духовнаго строя человѣка. Понятіе о больной душѣ охватило множество ненормальныхъ явленій изъ жизни человѣка, и каждый шагъ культуры и науки открываетъ въ этомъ отношеніи новые горизонты. Отсюда въ высшей степени тяжелое положеніе суда, стѣсненнаго въ рамкахъ узкихъ, поставленныхъ законами о вмѣненіи. По цѣлому ряду безусловныхъ и безспорныхъ душевныхъ состояній, несомнѣнно уничтожающихъ вмѣняемость, судъ не можетъ принять заключенія экспертовъ, заявляющихъ въ порядкѣ ст. 353—355 уст. уг. суд. о томъ, что обвиняемый

боленъ, и это потому лишь, что эксперты не признаютъ въ его состоянiи признаковъ сумашествiя. Дѣло идетъ въ обвинительную камеру, которая предаетъ суду, и передъ судомъ по существу диллема: или продѣлывать совершенно напрасно судебную процедуру при неизбѣжномъ оправданiи явно сумашедшаго, или же рисковать возможностью грубой судебной ошибки при коллизiи т. н. здраваго смысла съ наблюденiями и выводами представителей науки". Редакцiонная комиссiя по составленiю новаго уголовнаго уложенiя съ своей стороны полагаетъ, что система подробнаго и ограниченнаго перечня обстоятельствъ, устраняющихъ вмѣняемость, представляя на первый взглядъ устойчивость и опредѣленность, при ближайшемъ разсмотрѣнiи оказывается не вполнѣ выгодной:

1) При такомъ перечнѣ легко могутъ быть опущены отдѣльныя состоянiя, устраняющiя вмѣняемость, такъ, напримѣръ, наше уложенiе не упоминаетъ о дѣяniяхъ, совершенныхъ во время сна или въ просонкахъ, а французское démence, по буквальному своему тексту, допускаетъ даже вмѣненiе поступковъ, совершенныхъ больными въ припадкѣ горячки или какого-либо остраго страданiя. При такой системѣ практика является вынужденной или подвергать уголовной отвѣтственности лицъ, несомнѣнно психически разстроенныхъ или же придавать постановленiю закона крайне широкое распространительное толкованiе; во 2) при такой перечневой системѣ по поводу каждой отдѣльной причины придется указывать и на основанiе, на которомъ и при которомъ она устраняетъ вмѣняемость.

Приведенныхъ цитатъ и разсужденiй достаточно, чтобы предпочесть „обобщенную" систему—„перечневой", при которой мелочная казуистика, унаслѣдованная отъ средневѣковiя, ставится выше требованiй жизни и велѣнiй науки. Въ частности наше дѣйствующее уложенiе не выдерживаетъ критики вслѣдствiе отсутствiя руководящаго и однохарактернаго принципа, т. к. разныя статьи построены на различныхъ основанiяхъ. Мы уже указывали на голландское уложенiе и на швейцарскiй проектъ, какъ на законодательные памятники, держащiеся обобщенной системы.

На этотъ же путь вступили и другіе новѣйшіе кодексы и среди нихъ норвежскій, германскій 1872 г., венгерскій 1879 г., итальянскій, проектъ австрійскій и наконецъ, наше новое уложеніе 22-го марта 1903 г. Есть, однако, разница между различными новѣйшими кодексами „обобщеннаго“ типа. Центръ разногласія въ присутствіи или отсутствіи психологическаго критерія. Наше уложеніе 1903 г. даетъ въ окончательной формѣ (въ ст. 39) такое опредѣленіе вмѣняемости вслѣдствіе причинъ, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ: „Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, во время его учиненія не могло понимать свойства и значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности или безсознательнаго состоянія или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни“.

„Въ случаяхъ, когда оставленіе такого лица безъ особаго присмотра судъ признаетъ опаснымъ, онъ отдаетъ это лицо подъ отвѣтственный надзоръ родителямъ или другимъ лицамъ, пожелавшимъ принять его на свое попеченіе, или помѣщаетъ его во врачебное заведеніе. Въ случаяхъ же учиненія убійства, весьма тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, изнасилованія, поджога или покушенія на одно изъ сихъ преступныхъ дѣйствій лицо, совершившее такое дѣяніе, обязательно помѣщается во врачебное заведеніе“.

Мы видимъ, что наше новое уложеніе является наиболѣе типичнымъ представителемъ второй системы, о которой мы говорили во вступленіи—оно выдвигаетъ, рядомъ съ причинами невмѣненія, его основаніе—психологическій критерій.

Достоинство всякаго кодекса измѣряется его научностью и его соотвѣтствіемъ такъ называемымъ „народнымъ воззрѣніямъ“. Лучшимъ уложеніемъ нужно считать такое, въ которомъ научные принципы не отданы въ жертву практическимъ соображеніямъ, но въ то же время въ которомъ и жизненныя потребности не пренебрежены ради научнаго доктринерства.

Мы, конечно, предвидимъ, что намъ могутъ возразить,

„да развѣ наука уголовнаго права законченное и стройное зданіе математически-точныхъ дисциплинъ?“ Но такъ называемыя „народныя воззрѣнія“ и „потребности жизни“ еще менѣе объективное мѣрило, ихъ толкователи расходятся между собой настолько, насколько не совпадаютъ и ихъ стремленія. Мы знаемъ, что групповые и классовые интересы кладутъ отпечатокъ на законодательство странъ, но это лишь объясняетъ дѣло, а не служитъ его оцѣнкой.

Возраженія противъ 39 ст. (вышеприведенной) главнымъ образомъ свойства научнаго, соображенія же въ защиту 39 ст. нов. угол. улож. больше житейскаго, бытоваго или практическаго характера.

Битва разыгривается, какъ это и не трудно предвидѣть вокругъ психологическаго критерія, т. е. обрисовки состоянія вмѣняемости, картины нормальнаго.

На проектъ новаго уложенія откликнулись многіе ученые даже иностранные, юридическія и медицинскія общества и практическіе дѣятели. Всѣ высказанныя мнѣнія можно свести къ 4 группамъ. 1 группа вполнѣ одобряетъ ст. 33 проекта (ст. 39 улож.), 2 группа считаетъ психологическій критерій не только излишнимъ, но и вреднымъ, 3 группа предлагаетъ уничтожить признаки невмѣняемости и сохранить одинъ критерій, 4 группа стоитъ за раздѣленіе формулы на 2 части— одну „для душевно-больныхъ и лишенныхъ здраваго смысла“— другую для преступленій, совершенныхъ въ безпамятствѣ или въ безсознательномъ состояніи. При этомъ сторонники раздѣленія расходятся въ вопросѣ, въ какой части удержать критерій.

Обратимся, прежде всего, къ двумъ первымъ группамъ. Психологическій критерій обрисовываетъ лишь состояніе вмѣняемости, между тѣмъ уложеніе имѣетъ конечной цѣлью опредѣлить невмѣняемость и потому безнаказанность преступника. При отсутствіи описанія признаковъ невмѣняемости съ процессуальной стороны станетъ невозможнымъ разрѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ судопроизводствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно будетъ въ этомъ случаѣ

суду знать, когда прибѣгать къ экспертизѣ, врачу-эксперту— доказывать суду наличность ненормальности. Эта послѣдняя задача потребуетъ отъ психіатра, при наличности въ законѣ одного лишь психологическаго критерія, чисто опытнымъ путемъ иллюстрировать передъ судьями отсутствіе сознанія или волеопредѣленія.

Судъ тѣмъ болѣе окажется въ затрудненіи, что въ уголовномъ законѣ и практикѣ принята общая презумпція вмѣняемости.

Сторонникомъ четвертаго мнѣнія, т. е. раздѣленія формулы на двѣ части выступаетъ, съ одной стороны, д-ръ Черемшанскій, съ другой—Л. З. Слонимскій. Однако, согласные раздѣлить, они расходятся въ вопросѣ какъ дѣлить? Г. Черемшанскій считаетъ нужнымъ сохранить психологическій критерій для случаевъ „безумія или слабоумія съ малолѣтства", а г. Слонимскій стоитъ за критерій въ случаяхъ безсознательнаго состоянія. Не служитъ ли несогласіе единомышленниковъ въ начальныхъ вопросахъ указаніемъ, что принципъ раздѣленія формулы произволенъ, безпочвененъ и случаенъ? Г. Слонимскій исходитъ изъ правильнаго воззрѣнія, что психологическій критерій, какъ мѣрило нормальнаго состоянія не покрываетъ ненормальное, а безсознательность онъ считаетъ повидимому однимъ изъ видовъ здороваго состоянія человѣка. Сумасшедшій, говоритъ Слонимскій, достаточно наказывается своимъ сумасшествіемъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ о степени совершеннаго преступленія. Но вѣдь и состояніе безсознательности врачу гораздо легче и проще, не говоримъ уже, что и научнѣе, устанавливать взятую самое по себѣ, чѣмъ при посредствѣ психологическихъ примѣровъ.

Разсужденіе д-ра Черемшанскаго плодъ одного лишь недоразумѣнія, основаннаго на томъ, что, по его мнѣнію, формула уложенія не охватитъ случаевъ слабоумія и безумія. При этомъ онъ вводитъ понятіе разумѣнія, заявляя, что это „не психологическій, а юридическій терминъ". Такимъ образомъ суду придется, слѣдуя д-ру Черемшанскому, уславливаться въ терминологіи. Слабоуміе и безуміе вполнѣ подхо-

дятъ подъ общіе признаки ст. 39 и потому ихъ выдѣленіе ничѣмъ необъяснимая порча въ сторону казуистики.

Итакъ перейдемъ къ мѣсту генеральнаго боя, къ спору сторонниковъ и противниковъ самаго критерія.

Первое и самое важное замѣчаніе на статью о вмѣняемости проекта исходитъ отъ Ф. фонъ-Листа. Ни законодательству, ни наукѣ права не удалось до сихъ поръ опредѣлить вмѣняемость. Задаваясь вопросомъ „почему", талантливый ученый отвѣчаетъ, „потому, что вмѣняемость есть ни что иное, какъ нормальное состояніе духовно-зрѣлаго индивида".

Положительнымъ способомъ понятіе вмѣняемости можетъ быть опредѣлено лишь при помощи весьма опасныхъ описаній, законодательство должно довольствоваться отрицательнымъ способомъ опредѣленія этого понятія, подобно тому, какъ оно поступаетъ, напримѣръ, при опредѣленіи аналогичныхъ съ вмѣняемостью понятій дѣеспособности, способности ко вступленію въ военную службу и т. д. Всякое же положительное опредѣленіе вмѣняемости неясно, и съ недостаточной полнотой передаетъ содержаніе ея понятія. Дѣйствительно съ Листомъ не согласиться нельзя. Спросите врачей, кого они считаютъ здоровымъ? Въ отвѣтъ получите отъ вдумчивыхъ изъ нихъ недоумѣніе, а отъ болѣе легкомысленныхъ многословное, но малосодержательное описаніе. Другое дѣло, кого считать больнымъ. На этотъ вопросъ можно получить отвѣтъ точный, ясный и вполнѣ опредѣленный. Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ въ доступномъ нашему изученію явленіи—въ распознаваніи состояній физическаго здоровья и нездоровья, то тѣмъ болѣе затруднительно, когда приходится коснуться вопроса духовнаго, психическаго здоровья. Удивительно, что редакціонная коммисія, правда очень глухо и вскользь, соглашается съ Листомъ и признаетъ, что вмѣняемость (т. е. критерій) не можетъ быть научно опредѣлена.

Листъ въ частности не отрицаетъ, что обрисовка самаго критерія дана удачная и возможно полная при современномъ состояніи нашихъ психологическихъ знаній. Но онъ настоятельно совѣтуетъ избѣгать критерія, такъ какъ объ „способ-

ности“ — „познавательная и свободнаго дѣйствованія равно ничего не прибавятъ къ самой способности ко вмѣненію, потому что обѣ пріобрѣтаются лишь постепенно и въ различной степени, у одного и того же индивида, онѣ то поднимаются, то опускаются по скалѣ съ весьма многочисленнымъ дѣленіемъ“. И Листъ тѣмъ болѣе правъ, что составители, а въ особенности редакторы ст. 39, въ ея окончательной формѣ, смотрятъ на критерій какъ на абсолютную мѣрку при ненормальныхъ психическихъ состояніяхъ. Листъ указываетъ, что „проектъ счастливо избѣжалъ тяжкой, сдѣланной въ германскомъ уголовномъ уложеніи, ошибки тѣмъ, что равномѣрно указалъ и на моментъ представленія и на моментъ хотѣнія“.

При этомъ характерно, что Листъ сопоставляетъ ст. 39 съ § 51 германскаго уложенія съ его „свободнымъ волеопредѣленіемъ“. Такимъ образомъ наличность критерія, вопреки желанію его авторовъ, далекихъ отъ метафизики и вполнѣ признающихъ, что наша воля одно изъ звеньевъ въ цѣпи причинъ нашихъ дѣйствій, легко ведетъ сторонняго наблюдателя къ отождествленію взглядовъ, совершенно различныхъ по существу, но сходныхъ по своей безотносительной неподвижности. Принять же психологическій критерій, какъ относительную мѣрку примѣнительно къ каждому данному случаю—не значитъ ли просто наказывать болѣзнь?

Въ самомъ дѣлѣ, очень нерѣдко передъ нами душевнонездоровый человѣкъ, относительно котораго, однако, нельзя утверждать, что онъ лишенъ сознанія свойства и значенія своихъ поступковъ или у него нѣтъ способности „руководить“ своими поступками.

„Есть цѣлый рядъ болѣзненныхъ душевныхъ состояній, говоритъ А. Ф. Кони, несомнѣнно признанныхъ наукой, въ которыхъ человѣкъ понимаетъ свойство и значеніе своихъ поступковъ и даже можетъ руководить своими дѣйствіями, обдумывая хитро свое преступленіе, выжидая, избирая удобный моментъ. Въ глубинѣ всего этого лежитъ болѣзненный взглядъ на свои отношенія къ окружающему міру, но только изученіе его соматическаго состоянія въ теченіе извѣстнаго

времени, даетъ возможность увидѣть въ немъ больного". „На вопросъ о пониманіи экспертъ отвѣтитъ положительно, даже на вопросъ о способности управлять своими дѣйствіями въ данный моментъ, можно будетъ добиться положительнаго отвѣта; но на вопросъ—былъ ли психически боленъ обвиняемый и до, и по совершеніи своего дѣянія, экспертъ представитъ яркую картину, научно провѣренную и разработанную, его душевной болѣзни".

Вотъ что говоритъ по этому же поводу д-ръ Черемшанскій. „Попытка установить въ статьѣ закона какой либо психологическій критерій или масштабъ невмѣняемости для состояній душевной болѣзни и безпамятства, выраженный прямымъ указаніемъ на извѣстные психологическіе признаки, будто бы, общіе всѣмъ этимъ состояніямъ и потому обязательно имѣющіе быть доказанными—излишня неудобно выполнима и даже вредна, потому что можетъ повлечь за собой въ конкретныхъ случаяхъ недоразумѣнія, въ ущербъ доказательству истины".

Ясность критерія, его подкупающая опредѣленность, не соотвѣтствуетъ опытнымъ даннымъ, она плодъ діалектики, а не наблюденія и эксперимента. Критерій не научный законъ, а гипотеза, условная и временная. „Нѣчто подобное, напр. совершилось, говоритъ тотъ же д-ръ Черемшанскій, съ гипотезой „свободной воли". Ортодоксальное, нѣкогда въ психологіи, понятіе о безусловно свободной волѣ человѣка превратилось, мало-по-малу, въ понятіе о волѣ, „относительно свободной", которую стали уже искать не только у человѣка, но и у животныхъ. Наконецъ и тутъ произошелъ расколъ и теоріи „относительно свободной воли" вступили въ борьбу съ теоріями отрицанія всякой свободы воли. Совершенно справедливо замѣчаніе автора, что „подсудимаго, подозрѣваемаго въ разстройствѣ умственныхъ способностей, нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за несостоятельность научныхъ теорій, и зала суда не должна служить ареной для состязанія теоретическихъ воззрѣній". Только факты и наблюденія, доступные чувственной провѣркѣ, остаются незыблемыми и неизмѣнными, пока потерпятъ сами въ себѣ перемѣну. Врачъ долженъ об-

ладать техникой познаванія явленій ненормальной души человѣка, судья же можетъ признать и отвергнуть его доказательства. „Воззрѣнія и поступки душевно больныхъ могутъ получать близкое сходство съ обыкновенной нравственной испорченностью. При этомъ можетъ сохраниться и логика въ сужденіяхъ и умѣніи хитро оправдываться въ совершаемыхъ дѣйствіяхъ и хитро направлять эти дѣйствія (напр. „сутяжное сумасшествіе“, „помѣшательство“, какъ первичный симптомъ многихъ болѣзней, резонирующее помѣшательство). На взглядъ не врача, не спеціалиста, таковой человѣкъ можетъ считаться вполнѣ здоровымъ, что, конечно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“.

Не послѣднюю роль при душевныхъ болѣзняхъ, при ихъ распознаваніи, играетъ измѣненіе въ соматической сферѣ, а потому, замѣчаетъ Черемшанскій, „въ видѣ психологическаго критерія, для руководства врачей-экспертовъ, пришлось бы помѣстить въ статьѣ закона подробную инструкцію изслѣдованія и распознаванія душевныхъ болѣзней“. Развѣ это возможно? Само собой разумѣется, невозможно.

Но что же говорятъ защитники критерія въ пользу его научности при опредѣленіи понятія невмѣняемости?

Особеннымъ вниманіемъ редакціонной коммисіи пользуется докторъ Кандинскій. Обратимся и мы къ нему. Онъ приводитъ примѣръ прогрессивнаго паралича въ начальной стадіи своего развитія. Преступникъ слѣдователь. Преступленіе—изнасилованіе. Чѣмъ же объяснить, что юристъ, отлично знающій наказуемость своего дѣянія, все-таки его совершаетъ? „Маніакальнымъ возбужденіемъ“, отвѣчаетъ Кандинскій. И мы вполнѣ можемъ съ нимъ согласиться, требуя лишь научной иллюстраціи этого положенія. Совершенно иное, путанное и противорѣчивое, встрѣчаемъ мы, когда вслѣдъ за Кандинскимъ вступаемъ въ дебри объясненій и догадокъ, въ міръ возможныхъ и даже невозможныхъ перемѣнъ въ психологическомъ отношеніи у слѣдователя. Преступленіе совершено на почвѣ „формальнаго разстройства дѣятельности представленія“, т. е. или представленіе объ актѣ полового сношенія возникло у нашего паралитика при видѣ женщины, имѣя въ

основѣ болѣзненно усиленное половое возбужденіе, заняло сознаніе съ такой силой и такъ всецѣло, что прямо исключило возможность проявленія въ сознаніи другихъ представленій, и въ особенности такихъ, которыя могли бы составить мотивъ дѣйствованія, противоположный первому мотиву; или же представленія появились не въ надлежащій моментъ, пробѣжали слишкомъ быстро и по мимолетности своей не могли быть апперципированы. „Это значитъ, что изъ этихъ задержавшихъ представленій, если даже допустить (можно слѣдовательно и не допустить) возможность ихъ проявленія въ сознаніи непосредственно передъ моментомъ дѣйствія, у нашего субъекта не могло получиться мотива, способнаго уравновѣсить первый мотивъ“. Такимъ образомъ, съ одной стороны, ясное для эксперта и вполнѣ посильное ему для доказательства передъ судьями—„маніакальное состояніе“, съ другой, туманная область догадокъ съ неизмѣннымъ „или-или“, при стремленіи примѣнить психологическій критерій. И Кони правъ, когда говоритъ, что „вопросъ ставится въ узкія рамки, отодвигая на задній планъ психіатрическій отвѣтъ на науку и видя душевную болѣзнь тамъ, гдѣ и для насъ существуютъ ея признаки“.

А что сказать о нравственномъ (moral insanity) помѣшательствѣ, когда моральныя представленія зазубрены, а не прочувствованы и усвоены, когда они напоминаютъ рекламную вывѣску захолустной лавченки, въ которой товаровъ на мѣдный грошъ. Психологическій критерій не примѣнимъ въ этомъ случаѣ, путая своихъ сторонниковъ и возбуждая рознь даже въ ихъ рядахъ. То же должно повторить по поводу такъ назыв. „lucida intervalla“—свѣтлыхъ промежутковъ. „Здѣсь, говоритъ Кандинскій, правиломъ скорѣе является отсутствіе свободнаго волеопредѣленія, чѣмъ его присутствіе“. „Если логически нельзя исключить, что это лицо въ моментъ дѣянія libertas consilii не имѣло, то слѣдуетъ принять, что оно дѣйствительно въ моментъ дѣла не имѣло свободы. Но что значитъ въ устахъ спеціалиста слово „логически“. Не означаетъ ли оно—по здравому смыслу или быть можетъ съ „обывательской точки зрѣнія“. Но въ такомъ случаѣ, въ разсужде-

ніяхъ д-ра Кандинскаго имѣется все, кромѣ науки. Что въ свѣтлый промежутокъ душевно больной въ состояніи анормальномъ—понятно и пріемлемо, но, что логически необходимо умозаключить о его несвободѣ, это зависитъ отъ логики умозаключающихъ. За примѣрами не будемъ далеко ходить, обратимся къ трудамъ редакціонной коммисіи, на этотъ разъ разрывающей свой союзъ съ д-ромъ Кандинскимъ. „Обладаніе этими способностями (т. е. представленія и хотѣнія) должно быть констатировано по отношенію ко времени учиненія обвиняемымъ даннаго преступленія, слѣдовательно указаніе на психическое разстройство, предшествовавшее этому времени или послѣдовавшее за нимъ, само по себѣ взятое не можетъ имѣть никакого вліянія на вмѣненіе даннаго поступка. Такимъ образомъ является возможность привлеченія къ отвѣтственности лица, совершившаго преступное дѣяніе въ эпоху свѣтлаго промежутка". И въ этомъ коммисія не видитъ ничего нелогичнаго, призывая лишь къ осторожности врача-эксперта и судъ. Да и въ другихъ состояніяхъ, допускающихъ разногласіе по поводу наличности или отсутствія признаковъ вмѣненія, среди сторонниковъ критерія не видно того единодушія, какое наблюдалось при настойчивомъ стремленіи ввести его въ законодательство. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ объ аффектѣ и его вліяніи на невмѣняемость.

Шаферъ аффектъ считаетъ причиной, исключающей вмѣняемость; Гельшнеръ, наоборотъ, находитъ, что совершенное въ состояніи аффекта преступное дѣйствіе служитъ доказательствомъ того, что дѣятель, вопреки своему долгу, поддался власти аффекта, а потому лицо останется отвѣтственнымъ за учиненное имъ, даже тогда, когда аффектъ могъ достигнуть необычайной силы, дѣлающей невозможнымъ разсудочное отношеніе къ своимъ дѣйствіямъ. Д-ръ Боткинъ, разбирая Позднышева (Крейцерова сон. Толстого) и Отелло, приходитъ къ заключенію, „что само собой разумѣется съ научной точки зрѣнія преступный аффектъ, будь онъ патологическій или физіологическій, долженъ составлять условіе невмѣняемости, если доказано, что человѣкъ, находившійся въ состояніи аффекта, не могъ руководить своими поступ-

ками“, между тѣмъ тотъ же авторъ, въ своемъ замѣчаніи на ст. 33 проекта (39 ок. ред.) пишетъ „критерій, какъ психологическій, не можетъ обнимать собой всѣхъ аномалій душевной дѣятельности“, и блестяще доказываетъ свою послѣднюю мысль на анализѣ Позднышевскаго душевнаго состоянія. „Въ умоизступленіи поступки могутъ сознаваться съ необычайной яркостью, но самое преступленіе является рефлекторнымъ актомъ; спрашивается, гдѣ-же тутъ мѣсто „руководству своими поступками“? То же разногласіе замѣчается въ вопросѣ „нравственнаго помѣшательства и импульсивнаго“ (первичное помѣшательство).

Д-ръ Рагозинъ, будучи самъ сторонникомъ критерія, говоритъ: „Что же касается тѣхъ формъ душевнаго разстройства, при которыхъ, по общепризнанному въ психіатріи воззрѣнію, признается возможнымъ существованіе пониманія значенія и свойства совершаемаго и способность руководить своими дѣйствіями, то къ нимъ относятся нѣкоторые виды такъ наз. первичнаго помѣшательства, нравственнаго и импульсивнаго. Признаніе пониманія свойства совершаемыхъ поступковъ при первичномъ помѣшательствѣ—это игра словами, чуть не шутка со стороны тѣхъ, кто это утверждаетъ, такъ какъ едва ли можно говорить о пониманіи отвлеченнаго, когда налицо необходимый спутникъ этой болѣзни—ясно выраженный бредъ, относительно даже самыхъ конкретныхъ представленій. Фактически, какъ будто есть это несчастное пониманіе, но оно безусловно только внѣшнее, формальное, которое конечно никого не обманетъ, и само собой понятно, что не такого пониманія требуетъ уголовный законъ“.

Но спрашивается, для чего въ такомъ случаѣ критерій? „Если вспомнить, что психіатры между собой, болѣе чѣмъ въ теченіе полувѣка, съ начала текущаго столѣтія и до настоящихъ дней, не могутъ установить какого либо единства клиническихъ признаковъ для родового отличія этихъ состояній, то можно прямо утверждать, что на судѣ, гдѣ столкнутся люди разныхъ спеціальностей, прійти ко взаимному

пониманію, безъ ясно опредѣленной формулы, не будетъ ни малѣйшей возможности".

Но въ такомъ случаѣ критерій прямо вреденъ, такъ какъ если еще спорна картина клиническая, то недоступенъ анализъ въ области психики такого рода помѣшательствъ.

Мы думаемъ, что разногласія въ установленіи діагноза будутъ во всякомъ случаѣ гораздо меньшія, чѣмъ въ произвольномъ учетѣ экспертомъ наличности или отсутствія признаковъ вмѣненія. И вотъ у Гейба (Lehrbuch des d. Strafrechts, изд. 1862 г., стр. 57) читаемъ: „Мономанія, выражающаяся въ столь сильномъ развитіи инстинктивныхъ влеченій къ совершенію различныхъ преступленій, что больной такъ же, какъ и при mania sine delirios не въ силахъ воздержаться отъ совершенія преступленія, лишена всякаго юридическаго значенія. Все что можно допустить, это признать такіе болѣзненно развитые инстинкты, именуемые мономаніей, основаніемъ уменьшенной вмѣняемости".

Крафтъ-Эбингъ относитъ нравственное помѣшательство къ причинамъ, устраняющимъ вмѣняемость, и прямо въ зависимости отъ клиническаго изслѣдованія. Prins же, наоборотъ, полагаетъ, что, при современномъ состояніи нашихъ знаній, нравственно помѣшанный долженъ быть признанъ виновнымъ и долженъ подлежать наказанію.

Но одинаково ли, по крайней мѣрѣ, понимаютъ самую редакцію закона, дающаго обрисовку состоянія вмѣняемости (редакція психол. крит.), сторонники психологическаго критерія? И на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отрицательный отвѣтъ. Наиболѣе широко толкуетъ выраженіе „свойство" и „значеніе" редакціонная коммисія. Она подводитъ подъ „свойства" физическія условія дѣянія, подъ „значеніе" соціальныя и юридическія. Шаферъ даетъ критерій, который подразумѣваетъ способность составить себѣ правильное понятіе о послѣдствіяхъ дѣйствія, о будущемъ, по величинѣ силъ, дѣйствующихъ въ настоящемъ. „Невмѣняемость, по его мнѣнію, отсутствіе распознаванія истины и внутренней связи явленій". Гельшнеръ (Hälschner) въ своей книгѣ das gemeine D. Strafrecht (стр. 201) требуетъ отъ критерія, чтобы онъ

содержалъ лишь одно „знакомство съ дѣйствующими нормами, коими опредѣляются границы хотѣнія и дѣйствія человѣка, а также способность согласовать волю съ познанной нормой“. Wächter (Вехтеръ) условіями вмѣненія считаетъ: 1) обладаніе волей и 2) способность понимать требованіе правового порядка и дѣлать различіе между правымъ, неправымъ и наказуемымъ неправымъ.

Французскіе авторы даютъ критерію моральную окраску. Словомъ, столько толкованій, сколько мнѣній. Гдѣ-же научность? Только погоней за измѣняющимися требованіями жизни, непостоянной самой по себѣ, а также вслѣдствіе требованій и интересовъ борющихся общественныхъ группъ, можно объяснить такое разномысліе даже среди единомышленниковъ, приверженцевъ психологическаго критерія. Поэтому единственное соображеніе, болѣе или менѣе серьезное, въ пользу критерія—это его опредѣленность, твердость „логической грани“, имъ проводимой, само собою падаетъ. Въ частности къ заслугамъ критерія ст. 39, нужно указать, что онъ не метафизиченъ, подобно германскому, и что онъ полонъ, выдвигая оба момента-представленія и хотѣнія, чего нѣтъ, напр., въ дѣйствующемъ уложеніи. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло, когда мы останавливаемся на критеріи съ точки зрѣнія практическихъ удобствъ, по соображеніямъ процессуальнымъ или подъ девизомъ „требованія жизни“.

Какъ мы уже говорили во вступленіи, невмѣняемость опредѣляется въ конечномъ результатѣ судьей, но ему необходимо разъясненіе эксперта, вооруженнаго спеціальными знаніями, необходимыми для даннаго случая. Возможно представить, что судья не будетъ понимать эксперта, не имѣя возможности разбираться въ чуждой для себя области, или вѣрнѣе ему будетъ трудно провѣрять и анализировать показанія психіатра. Является необходимость перекинуть „мостъ“ между научными познаніями одного и жизненными представленіями другого. Такимъ трансформаторомъ и является критерій. Вульфертъ, членъ бывшаго Московскаго юридическаго общества, говоритъ: „критерій даетъ опору для рѣшенія суда или присяжныхъ во всѣхъ сомнительныхъ, даже для эк-

сперта, случаяхъ, создаетъ раздѣленіе труда между экспертами съ одной и судомъ въ обширномъ смыслѣ съ другой. Но такъ какъ всякое раздѣленіе предполагаетъ его послѣдующее соединеніе, то сочетаніе медицинскаго и юридическаго критеріевъ даетъ фундаментъ, на которомъ экспертъ и судъ могутъ строить вмѣстѣ окончательное рѣшеніе".

Тотъ же авторъ указываетъ, что психологическій критерій „implicite" всегда будетъ фигурировать, какъ существуетъ вопросъ права, вопреки праву, въ вѣдѣніи присяжныхъ засѣдателей, призванныхъ лишь разрѣшать вопросъ факта. Редакціонная коммисія по составленію новаго уголовнаго уложенія, соглашаясь вполнѣ съ фонъ-Листомъ, что научно опредѣлить вмѣняемость невозможно, однако находитъ „болѣе правильнымъ выполнить эту трудную задачу въ законѣ, а не представлять ее произвольному разрѣшенію судебной практики". Но приведенные доводы мало убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, провѣрка и разумное пониманіе словъ эксперта, что и составляетъ обязанность суда, болѣе возможны, когда экспертъ разворачиваетъ, такъ сказать, душу преступника, чѣмъ когда онъ, производя этотъ процессъ про себя мысленно, будетъ дѣлиться готовыми выводами, насколько представленіе и хотѣніе отсутствуютъ у обвиняемаго, не говоря уже о томъ, что и выводъ самый очень часто невозможенъ вслѣдствіе „суженія рамокъ" изслѣдованія.

Мы не разъ подчеркивали, насколько отъ критерія страдаетъ научность, единственно гарантирующая правильность экспертизы, ясно отсюда и насколько будутъ страдать интересы привлекаемыхъ къ суду. А то обстоятельство, что критерій назойливо будетъ вопреки закону всегда и всюду,—нельзя считать соображеніемъ сколько либо серьезнымъ, такъ какъ съ дурными привычками нужно бороться, а не поощрять ихъ. Указывается далѣе, что психіатры слишкомъ щедры на признаніе преступниковъ невмѣняемыми, что они всюду видятъ ненормальныхъ, въ каждомъ преступленіи проявленіе болѣзни. Но вѣдь послѣднее слово за судьями и кто же мѣшаетъ имъ отличить правду отъ преувеличенія, серьезность отъ увлеченія? „И въ самомъ дѣлѣ, говоритъ

д-ръ Чечотъ, подъ общимъ выраженіемъ „помѣшанный“, „душевно-больной“ въ наукѣ подразумѣваются весьма различныя состоянія. Они различны по самому свойству психическаго разстройства, по степени и стадіи своего развитія и проявленія. Съ теоретической точки зрѣнія всѣ они могутъ быть по справедливости отнесены къ той или иной группѣ, приведенной въ ст. 33 (39 ст. оконч. ред.).

На практикѣ же, когда за такимъ теоретическимъ выводомъ будетъ слѣдовать практическое освобожденіе изъ подъ отвѣтственности, такой способъ окажется неправильнымъ или просто неосуществимымъ“.

Таганцевъ приводитъ, кромѣ этой, еще одну мысль: „не надо забывать, что въ прямомъ соотвѣтствіи съ признаніемъ даннаго лица безотвѣтственнымъ за учиненное имъ стоитъ рядъ всевозможныхъ измѣненій въ сферѣ его имущественныхъ правъ, ограниченіе его въ распоряженіи имуществомъ, недѣйствительность заключенныхъ имъ сдѣлокъ, далѣе признаніе даннаго субъекта душевно-больнымъ можетъ повлечь за собой принятіе разнаго рода полицейскихъ, охранительныхъ мѣръ по отношенію къ его личности, можетъ повлечь рядъ измѣненій въ его государственно-служебномъ положеніи, такъ какъ лицо безотвѣтственное за свои поступки, естественно, не можетъ находиться на службѣ государственной или общественной, быть врачемъ, учителемъ и т. п.“. Но запугиваніе послѣдствіями признанія невмѣняемыхъ нельзя считать доводомъ, вѣдь такимъ образомъ можно дойти до требованія совсѣмъ не признавать невмѣняемыми. Затѣмъ указанія на нѣкоторыя права, парализуемыя вслѣдъ за постановленіемъ о безотвѣтственности, и совершенно невѣрны. Такъ гражданскія права по имуществу, по договорамъ и прочія требуютъ особаго производства, независимо отъ уголовнаго закона.

Таганцевъ боится затѣмъ, что за недостаткомъ у насъ врачей спеціалистовъ экспертами нерѣдко будутъ выступать полицейскіе, участковые и городовые врачи, не имѣющіе соотвѣтствующей подготовки. Для этихъ послѣднихъ отсутствіе критерія равносильно отсутствію путеводной звѣзды въ бурливомъ морѣ человѣческихъ страстей. Для нихъ критерій

одновременно и методъ изслѣдованія, какъ предлагаетъ д-ръ Рогозинъ, и почва для заключенія. Но, напримѣръ, Слонимскій думаетъ совершенно обратно, полагая, что легчэ видѣть ненормальность, чѣмъ устанавливать наличность или отсутствіе сознанія или воли. Мы склоняемся скорѣе на сторону Таганцева. Его мысль вѣрна, но она наводитъ на печальныя размышленія. Какъ въ каплѣ моря отражается обликъ солнца, такъ и въ этомъ сравнительно незначительномъ фактѣ малочисленности у насъ спеціалистовъ, въ особенности въ провинціи, сказывается низкій культурный уровень нашей родины.

Нельзя, однако, согласиться съ Таганцевымъ, что отмѣнѣ критерія препятствуетъ новизна психіатрической науки, ея сравнительно малая точность и опредѣленность.

Вѣдь какъ ни уязвима психіатрія, все же она гораздо вѣрнѣе обезпечиваетъ правильность выводовъ, чѣмъ голое мѣсто у неспеціалиста врача, подкрѣпленное психологическимъ критеріемъ. Если утверждать, что психіатрія наука неоперившаяся, на ея выводы нельзя особенно положиться, то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ портить этихъ выводовъ, не слѣдуетъ выщипывать имѣющіяся перья непремѣннымъ предъявленіемъ вопроса о сознаніи и хотѣніи. Совершенно справедливо замѣчаетъ Кони: „ставя вопросъ въ узкія рамки (психологическаго критерія), мы отодвигаемъ на задній планъ психіатрическій отвѣтъ на науку и предпочитаемъ видѣть душевную болѣзнь тамъ, гдѣ и для насъ существуютъ ея признаки. Но гдѣ же основаніе ставить экспертовъ психіатровъ ниже экспертовъ по другимъ спеціальностямъ, отъ которыхъ мы требуемъ научнаго вывода по всей совокупности ихъ наблюденій. Вѣдь не говоримъ же мы судебнымъ врачамъ: „Вы признаете смерть отъ отравленія, если будутъ такіе то и такіе то признаки отравленія, иначе мы вамъ не повѣримъ“. Отдѣлъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ въ дѣйствующемъ уложеніи тѣмъ именно и тяжеловѣсенъ, затруднителенъ въ примѣненіи на практикѣ, что на каждомъ шагу стремится предвосхитить эксперта, требуя основанія его сужденій.

Изъ подробнаго разбора ст. 39 можно, такимъ образомъ, сдѣлать выводъ, что она построена ненаучно. За нее говорятъ практическія соображенія, со многими изъ которыхъ, однако, согласиться невозможно. Красной нитью во всѣхъ замѣчаніяхъ редакціонной коммисіи, защищающей ст. 39, взятую въ цѣломъ, проходитъ недовѣріе, опасливость, страхъ. Повидимому гипнозъ стараго уложенія, проникнутаго скептицизмомъ къ судебной самостоятельности, не чуждъ и составителямъ новаго. Но измѣняющіяся условія нашей жизни даютъ надежду полагать, что въ грядущемъ не будетъ мѣста страху, парализующему согласовать поступки съ требованіями жизни.

Въ окончательной редакціи въ ст. 39 сравнительно съ 33 проекта имѣется нѣкоторое измѣненіе. Такъ въ 39 ст. психологическій критерій поставленъ на первомъ планѣ, выдвинутъ впередъ, что должно считать неудачнымъ въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній, ставящихъ на карту самое существованіе психологическаго критерія.

Выраженіе „по недостаточности умственныхъ способностей“ ст. 33 замѣнено болѣе опредѣленнымъ „вслѣдствіе умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни“. Эту замѣну мы находимъ вполнѣ правильной, такъ какъ въ объяснительныхъ запискахъ находимъ, что подъ недостаточностью умственныхъ способностей понимается: 1) идіотизмъ и 2) глухонѣмота, между тѣмъ съ перваго взгляда кажется и простая глупость и невѣжество и т. д. Знаніе же объяснительныхъ записокъ для суда необязательно, а потому толкованіе можетъ быть дано нежелательно широкое. „Болѣзненное разстройство душевной дѣятельности“ поставлено вмѣсто термина „сумасшествіе“ улож. 1845 г. Законы гражданскіе (т. X ч. 1 ст. 366) даютъ слѣдующее объясненіе: „сумасшедшими почитаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ и, составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ, а потому требуетъ особаго надзора“. Такъ что подъ „сумасшествіемъ“ подводятся всѣ оттѣнки душевныхъ болѣзней, но, какъ совершенно

правильно указываютъ врачи, выраженіе „сумасшествіе“ мало удачно, такъ какъ оно примѣняется обыкновенно въ медицинѣ къ той формѣ психическихъ страданій, которыя проявляются въ видѣ полнаго разстройства умственныхъ способностей. Поэтому „болѣзненное разстройство душевной дѣятельности“ какъ болѣе широкое и общее опредѣленіе, должно быть предпочтено. Подъ „безсознательнымъ состояніемъ“ разумѣютъ „высшую ступень умоизступленія и безпамятства“. Сюда относятся состоянія прекращенія самой психической жизни, а также случаи ея продолженія (спящій и галлицинирующій одновременно). Законъ освобождаетъ отъ наказанія при безсознательности, происходящей какъ отъ физіологическихъ, такъ и патологическихъ причинъ. Если и наказуются нѣкоторые случаи, то въ виду того, что вмѣняется самое нахожденіе въ безпамятствѣ (часовой). Сюда же нужно причислить безсознательность отъ всевозможныхъ органическихъ причинъ, отъ аффектовъ, отъ принятія одуряющихъ веществъ. „Въ частности подъ это же понятіе должно быть конечно отводимо и безсознательное состояніе, происходящее отъ опьяненія“. Совпаденіе умысла, задуманнаго въ трезвомъ видѣ, съ преступленіемъ въ пьяномъ— указываетъ или, что виновный не былъ въ безсознательномъ состояніи или же это чисто случайное совпаденіе.

Къ той же категоріи причинъ, внутренне обусловливающихъ невмѣняемость, относится и дѣтство.

Человѣческое *я* складывается не сразу, а съ извѣстной постепенностью вмѣстѣ съ ростомъ физическаго роста организма. Въ раннемъ дѣтствѣ существуетъ лишь акты рефлекторные, сознаніе же еще не пробудилось. Мало-по-малу, исподволь просыпается область представленій отъ оцѣпеняющей дремоты и ребенокъ начинаетъ понимать самыя простыя явленія — у него начинаетъ развиваться вниманіе и память въ самой простой формѣ: ребенокъ запоминаетъ ближайшія впечатлѣнія, у него образуется запасъ ощущеній. Но еще нѣтъ оцѣнки этихъ впечатлѣній, представленій мало и они не сложны. Побужденія носятъ совершенно импульсивный характеръ—малѣйшее желаніе безъ задержекъ, бурно и рѣ-

шительно прорывается во внѣшній міръ. Позднѣе, когда сознаніе уже развилось въ достаточной степени, когда дитя можетъ нѣсколько разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ, все же у него замѣчается удивительно быстрая, вихревая смѣна впечатлѣній и воспріятій, ихъ безпрепятственное воздѣйствіе на настроеніе и характеръ ребенка, поразительная власть ихъ мимолетнаго непостоянства надъ поступками ребенка. Неусидчивость и подвижность, быстрый переходъ отъ смѣха къ плачу, отъ веселья къ тоскѣ и печали—явленія безъ сомнѣнія физіологическія, присущія душѣ ребенка. Гораздо позже вырабатывается нравственное чутье, складываются нравственныя понятія—ребенокъ начинаетъ различать запрещенное и дозволенное, доброе и злое. Только въ отрочествѣ пріобрѣтается способность управлять своими порывами, регулировать свои поступки. Однако и эта способность достигаетъ вполнѣ развитаго состоянія лишь къ 25 — 27 годамъ, когда вполнѣ заканчиваетъ свое развитіе и весь остальной организмъ человѣка. Въ этомъ отношеніи характеренъ періодъ половой зрѣлости, полового созрѣванія, когда все, подчасъ, подавляется половыми инстинктами, бурно овладѣвающими всѣмъ существомъ отрока.

Жизнь и художественная литература, какъ ея отраженіе, дали много примѣровъ, самыхъ убѣдительныхъ и безспорныхъ. А какую важную роль въ дѣтской и отроческой психикѣ играетъ подражаніе: какъ паръ двигаетъ машину, такъ и стремленіе походить на окружающихъ вызываетъ поступки ребенка. Сколько преступленій были и будутъ результатомъ воспитанія, дурныхъ условій окружающей дѣйствительности, дурныхъ примѣровъ нравственной распущенности ближнихъ или ихъ нравственнаго безразличія. Отсюда ясно, что общая мѣрка уголовнаго закона непримѣнима къ юнымъ преступникамъ, но и отрокъ не переходитъ прямо въ зрѣлый возрастъ. „Между отрочествомъ и зрѣлостью, говоритъ Таганцевъ, какъ теорія такъ и большинство законодательствъ ставятъ еще одну ступень возрастнаго развитія—юность“.

Сообразно духовному развитію нормальной человѣческой личности должна строиться и разумная уголовная политика.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

Отсюда напрашивается раздѣленіе самаго характера отношеній уголовнаго закона сообразно тремъ стадіямъ развитія человѣка, набросокъ котораго мы старались выше представить.

Однако на это не безъ основанія возражаютъ, что самоопредѣленіе личности измѣняется отъ лица къ лицу, оно не одинаково у различныхъ индивидовъ. Поэтому, говорятъ сторонники такого положенія, не можетъ быть точныхъ граней между дѣтствомъ, отрочествомъ и юностью и не должно быть предустановленнаго отношенія законодателя сообразно возрастнымъ группамъ. Въ своемъ сочиненіи „Precis de droit pénal“ (на стр. 124) извѣстный французскій криминалистъ, Гарро, какъ разъ и отстаиваетъ такую точку зрѣнія. Онъ, вполнѣ соглашаясь съ возможностью раздѣленія дѣтскаго возраста на 3 группы, указываетъ, однако, что „провести между этими періодами точную границу не только трудно, но даже невозможно“. „Умственное развитіе, какъ и органическое, представляетъ медленный и непрерывный процессъ при томъ же совершающійся различно въ примѣненіи къ различнымъ лицамъ. При такихъ условіяхъ уголовному закону остается или предоставить судьѣ право изслѣдовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ допускать уголовное преслѣдованіе всякаго индивида, несмотря на его возрастъ, или же установить законныя положенія о невмѣняемости, которыя неизбѣжно должны въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаться ложными“.

Возможно ли, восклицаетъ Гарро, одной общей цифрой опредѣлить дѣтскій возрастъ при рѣзкихъ племенныхъ и климатическихъ различіяхъ, встрѣчающихся въ одной и той же странѣ?

Исходя изъ такихъ соображеній Гарро, естественно, является сторонникомъ системы, недопускающей какой-либо законной регламентаціи возрастныхъ предѣловъ. На практикѣ такая система осуществлена французскимъ уголовнымъ кодексомъ (art. 66—69). Той же системы держится прусское уложеніе 1851 г. (ст. 42—43), баварское 1861 (76—82 ст.) и бельгійское 1867 (ст. 72—77). Всѣ они (кодексы) предоста-

вляютъ прокуратурѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать вопросъ, съ какого возраста можетъ быть привлеченъ малолѣтній къ судебной отвѣтственности.

Французскій законъ не знаетъ возраста безусловной невмѣняемости, онъ устанавливаетъ предѣлъ, 16 лѣтъ, лишь для относительной вмѣняемости. Въ этомъ Гарро не видитъ никакихъ неудобствъ, такъ какъ прокуроръ является, какъ бы коррективомъ, „подвергая преслѣдованію ребенка только въ случаяхъ серьезнаго сомнѣнія въ дѣйствительномъ недостаткѣ разумѣніи или, если привлеченіе его полезно для раскрытія соучастія или же наконецъ, въ видахъ удаленія его (ребенка) изъ среды порочныхъ родителей".

Но оптимизмъ Гарро разбивается о формализмъ и жестокость французскихъ прокуроровъ. Такъ съ 1841 г.—1845 привлечено было 6 л.—4: 7 л.—3: 8 л.—5: 9 и 10 л.—11 и 21 и это на языкѣ почтеннаго ученаго называется „никакихъ злоупотребленій".

Совершенно правильно поэтому Ortolan замѣчаетъ, что французская система оказывается крайне шаткой какъ съ точки зрѣнія судебной практики, такъ и судейскаго произвола. И случаи, приведенные изъ французской практики весьма краснорѣчиво убѣждаютъ, что видимой соблазнительности психологической индивидуализаціи нужно предпочесть твердое раздѣленіе на возрастныя группы. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, можно ребенка 6 л. въ какомъ бы случаѣ ни было, не насилуя логики и жизни, назвать преступникомъ? Можно ли изъ соображеній лучшаго освѣщенія преступленія при соучастіи и пр. посадить на позорную скамью подсудимыхъ невиннаго младенца, еще не тронутаго житейской пошлостью? Онъ въ лучшемъ случаѣ могъ быть орудіемъ въ рукахъ старшихъ. А кто же привлекаетъ къ отвѣтственности ножъ, за нанесенную имъ рану? Наконецъ, для чего ребенка дѣлать подсудимымъ, когда онъ можетъ быть свидѣтелемъ, если руководитъ одно желаніе раскрытія соучастія и соучастниковъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что предварительное заключеніе, судебная процедура, тяжелая и грозная могутъ свить въ душѣ ребенка гнѣзда, гдѣ найдутъ себѣ пріютъ птицы тьмы

и порока. Привлеченіе малолѣтнихъ, профанируя судъ, будетъ ставить дѣтей на ходули, давая возможность осуществленія соблазнительному желанію ребенка быть похожимъ на взрослаго. Возрастныя же группы и подраздѣленія устанавливаются далеко непроизвольно, а на основаніи статистической средней многихъ наблюденій въ конкретныхъ условіяхъ дѣйствительности. Эта средняя во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ тенденціозное усмотрѣніе прокурора. Въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній необходимо рѣшительно стать на сторону системы твердаго подраздѣленія на возрастные предѣлы съ періодомъ безусловной невмѣняемости.

Выборъ предѣльныхъ сроковъ дѣлается на основаніи апріорнаго начала или житейскаго опыта.

Въ медицинѣ временъ Гиппократа существовала система, носящая названіе системы „климактерическихъ періодовъ". Эта послѣдняя полагала, что человѣческій организмъ каждыя семь лѣтъ обновляется какъ физически такъ и нравственно. Эта доктрина отразилась на римскомъ правѣ, на законодательствѣ среднихъ вѣковъ и на кодексѣ новаго времени, въ числѣ которыхъ и наше уложеніе 1845 г., раздѣляющее дѣтскій возрастъ на 3 періода — до 7 л., отъ 7—14 и отъ 14—21 г. Но уже при изданіи уложенія отроческій возрастъ былъ подраздѣленъ на 7—10 и отъ 10—14, а въ уставѣ (Александра II) и юношескій возрастъ расколотъ на двѣ части отъ 14—17 и 17—21 г. Среди защитниковъ климактерической системы въ новѣйшее время мы видимъ и Ортолана.

Новѣйшія ученія, однако, обнаружили всю несостоятельность и фантастичность 7 лѣтнихъ переломовъ и выдвинули принципъ, по которому возрастные предѣлы устанавливаются на основаніи опыта и наблюденія надъ физическимъ, умственнымъ и моральнымъ развитіемъ ребенка, имѣя въ виду, конечно, климатическія, культурныя и этнографическія условія. „Чтобы законодатель отыскалъ среднюю норму, которая въ данной мѣстности, въ данную эпоху опредѣляла бы переходъ отъ одного періода къ другому, необходимо, чтобы онъ бралъ срокъ ранняго и запоздалаго развитія и „между этими двумя

предѣлами выбралъ числовой терминъ, причемъ въ государствахъ, совмѣщающихъ различныя условія климатическія и общественныя, могло бы быть допущено видоизмѣненіе, сообразно съ мѣстными условіями".

Таковъ методъ опытнаго опредѣленія, предлагаемаго Таганцевымъ, для возрастныхъ предѣловъ.

Но не всѣ законодательства, придерживающіяся твердыхъ возрастныхъ группъ, признаютъ трехстепенное дѣленіе. Англійское уложеніе и общегерманское 1871 г. признаютъ періодъ абсолютной и относительной невмѣняемости, не выдвигая періода смягченія наказанія, а австрійскій и саксонскій 1838 г. кодексы „отъ періода безусловной невмѣняемости" (Колоколовъ) „прямо переходятъ къ эпохѣ", „требующей смягченія наказанія".

Самый предѣлъ безусловной невмѣняемости различенъ въ разныхъ законодательствахъ. Германскій, проектъ австрійскаго кодекса принимаютъ 12 лѣтъ, норвежскій законъ и проектъ швейцарскій 14 л., наше уложеніе какъ дѣйствующее, такъ и новое 10 л., итальянское—9 л.—какъ предѣлъ невмѣняемости. Тотъ же 10-лѣтній возрастъ имѣетъ въ виду и улож. 1845 г., такъ какъ по 1 п. ст. 137 положенное наказаніе, отдача въ руки родителей для домашняго исправленія, не составляетъ наказанія (рѣш. угол. кассац. д—та 1871 г. за № 1564 по дѣлу Ломтева, 1873 г. № 613 по дѣлу Вилкова). Какія же соображенія выставляются редакціонной коммисіей въ защиту 10-лѣтняго предѣла? „Редакціонная коммисія, читаемъ въ работахъ ея, положила возвратиться къ предѣлу, установленному еще старымъ нашимъ правомъ (т. е. къ 10-лѣтнему сроку). И хотя въ замѣчаніяхъ на проектъ многіе изъ нашихъ практиковъ и теоретиковъ предложили повысить этотъ предѣлъ до 12, до 15 и даже до 16 л., но коммисія, сознавая крайнюю затруднительность одного общаго предѣльнаго срока для всего пространства Имперіи, съ ея рѣзкими климатическими различіями, полагала бы удержать десятилѣтній предѣлъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) десятилѣтній предѣлъ, по системѣ проекта, означаетъ въ существѣ не границу вмѣняемости и уголовной отвѣтственности,

а предѣлъ, до котораго не можетъ быть возбуждено уголовное производство, такъ какъ о дѣтяхъ, старѣе этого возраста, не только ставится обязательно спеціальный вопросъ о вмѣняемости, но даже, и въ случаѣ признанія таковой, они не подлежатъ уголовной карѣ, а отдаются въ воспитательное заведеніе; 2) устраненіе уголовнаго преслѣдованія малолѣтнихъ по необходимости очень часто влечетъ невозможность обнаруженія участія въ учиненныхъ ими дѣяніяхъ совершеннолѣтнихъ, а между тѣмъ дѣти отъ 10—12 лѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ практика, не рѣдко являются ловкими исполнителями распоряженій начальниковъ различныхъ шаекъ и ассоціацій преступниковъ, такъ что невозбужденіе дѣлъ этого рода можетъ быть весьма невыгодно для общественной безопасности и частныхъ интересовъ; 3) дѣти 11, 12, не говоря уже о юношахъ 14 и 15 л., совершаютъ иногда столь ужасныя злодѣянія, что оставленіе безъ изслѣдованія дѣла, неуясненіе условій и обстоятельствъ, при которыхъ совершилось злодѣяніе, будетъ возмущать общественную совѣсть". Любопытно, что министерство юстиціи въ мотивахъ къ проекту 1897 г. предлагало повысить предѣлъ безусловной невмѣняемости до 14 л., что, однако, было отвергнуто государственнымъ совѣтомъ.

Первый доводъ редакціонной коммисіи противорѣчитъ всѣмъ мыслямъ редакціонной коммисіи, высказываемымъ такъ краснорѣчиво въ защиту періода безусловной невмѣняемости. Очевидно, что „обязательная постановка" вопроса о разумѣніи не представляетъ разрѣшенія вопроса, когда есть весьма серьезныя причины не допускать самаго судоговоренія. Второй доводъ разбивается статистическими данными, прилагаемыми къ проекту 1897 г. министерствомъ юстиціи, о судимости малолѣтнихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что изъ 2078 привлеченныхъ 1898 г. отъ 14—15 л.—было осуждено 1100 ч.; при чемъ 10—11 л. было 91 чел. (привлеченныхъ къ отвѣтственности).

Преступленія малолѣтнихъ обычно очень незначительны, всего болѣе мелкія кражи, а „не сложныя преступленія",

такъ за 3 года за кражу привлеклось 256 ч. отъ 10—11 лѣтъ, 3905 ч. отъ 14—15 лѣтъ.

За мошенничество 2 ч. отъ 10—11 л.
и 8 „ „ 14—15 „
Случаевъ убійства отъ . . . . . 10—11 л. ни одного.
Поджоговъ — 5 чел.
Святотатства — 5 чел.

Возмущаться общественной совѣсти нѣтъ данныхъ, такъ какъ можно, не привлекая малолѣтнихъ, разслѣдовать преступленіе всесторонне.

Подчеркиваніе же рядомъ съ предложеніемъ повысить предѣльный возрастъ до 12 л. подобно германскому кодексу, или до 14 л. подобно швейцарскому, указанія различныхъ ученыхъ на 15—16 л. является не научнымъ доводомъ, а пріемомъ запугиванія воображенія изслѣдователя широкой постановкой безнаказанности.

Остается одно соображеніе, едва ли однако убѣдительное—стародавность традиціи нашей законодательной практики. „Принятіе 10-лѣтняго возраста, какъ срока полной невмѣняемости, не отвѣчаетъ климатическимъ и культурнымъ условіямъ жизни въ Россіи, что доказывается слѣдующими соображеніями. При составленіи уголовнаго кодекса въ Германіи, впервые употребленъ былъ правильный, чисто научный, пріемъ при опредѣленіи того возраста, до котораго дѣйствія человѣка должны быть признаны невмѣняемыми, къ участію въ рѣшеніи этого вопроса были призваны спеціалисты въ медицинѣ, лучшія силы ученой Германіи. Результатомъ дѣятельности коммисіи было опредѣленіе 12-лѣтняго возраста, какъ такового, который наиболѣе соотвѣтствуетъ климатическимъ и общественнымъ условіямъ Германіи“ (Тальбергъ св. III, стр. 105).

„Если въ Германіи и Австріи 12 л. принимается какъ предѣлъ полной невмѣняемости, то гдѣ же основаніе принимать болѣе ранній возрастъ у насъ, въ Россіи, гдѣ и климатъ суровѣе и культурныя условія жизни говорятъ въ пользу наступленія болѣе поздняго развитія въ ребенкѣ способности къ познанію явленій окружающаго міра, во внутренней ихъ

связи, къ ясному пониманію о правомъ и неправомъ, сознательному выбору между зломъ и добромъ".

Прокуроръ харьковской судебной палаты, Хрулевъ, св. III, стр. 120, приходитъ также къ выводу о необходимости повышенія предѣла невмѣняемости до 14 л. на основаніи психологическаго анализа души ребенка при нашихъ условіяхъ жизни.

Мнѣніе Вехтера—„чѣмъ лучше ведется дѣло школьнаго обученія, тѣмъ съ большей увѣренностью государство можетъ устранить уголовную отвѣтственность даже для дѣтей высшаго возраста" относится больше къ вопросу объ исправленіи, чѣмъ къ спору о предѣльномъ возрастѣ.

Итакъ было бы болѣе научно повысить предѣльный возрастъ невмѣненія до 12 лѣтъ по крайней мѣрѣ.

Что же касается переходнаго возраста отъ дѣтства къ юности, когда въ душѣ нѣтъ полной гармоніи сознанія и воли, когда внутренній міръ ребенка словно бурливый потокъ, то постановленія нашего закона по этому вопросу должно считать вполнѣ удовлетворительными.

По отношенію къ этимъ зеленымъ побѣгамъ людского рода принята раціональная система—„относительной вмѣняемости". „Относительно эпохи такъ называемой условной вмѣняемости коммисія остановилась на вопросахъ:

1) До какого возраста долженъ простираться этотъ періодъ?

2) Какими признаками должна быть характерна невмѣняемость малолѣтнихъ"? Было бы болѣе правильно однако, если бы не было совершенно презумпціи вмѣняемости, принятой законодательствомъ всѣхъ странъ. „Но такъ какъ, говоритъ Таганцевъ, у лицъ взрослыхъ отсутствіе вмѣняемости является исключеніемъ, то постановка вопроса о вмѣняемости по каждому уголовному дѣлу было бы совершенно излишней, а потому законъ и допускаетъ выдѣленіе вопроса о виновности только въ томъ случаѣ, когда возбуждено сомнѣніе, что событіе можетъ быть вмѣнено въ вину подсудимому".

Относительно предѣльнаго срока отрочества существуетъ въ различныхъ кодексахъ значительное колебаніе. Германское

уложеніе, австрійскій проектъ опредѣляютъ 18 годами, французскій, бельгійскій, голландскій и венгерскій 16 годами, а итальянскій даже 14. „Нашъ сводъ 1832 г., основываясь на законѣ 1765 г., принялъ срокъ въ 17 л., уложеніе 1845 г. понизило до 14 л., судебные уставы повысили снова до 17 л.“ (ред. ком.), а затѣмъ произведено было согласованіе уложенія и устава такимъ образомъ, что до 14 л. требуется дѣйствованіе съ „разумѣніемъ“, а отъ 14—17 различается возможность „полнаго и неполнаго разумѣнія“. Т. е. по ст. 137 подсудимые отъ 14—17 л., дѣйствовавшіе безъ полнаго разумѣнія, подвергаются или наказанію по 138 ст. наравнѣ съ малолѣтними отъ 10—14 л., дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, или же, по усмотрѣнію суда отдаются въ исправительныя заведенія (Колоколовъ).

Если же будетъ признано, что преступникъ отъ 14—17 лѣтъ дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ, то онъ подвергается наказанію по ст. 139 какъ и преступникъ отъ 17—21 г.

„Такимъ образомъ, замѣчаетъ проф. Колоколовъ, мѣра отвѣтственности подсудимыхъ отъ 14—17 л. зависитъ по нашимъ законамъ отъ того, совершено ли преступленіе съ полнымъ разумѣніемъ или безъ „полнаго разумѣнія“.

Но такой законъ нельзя не признать крайне неудачнымъ. Полное разумѣніе, т. е. ясное сознаніе дѣйствія и его результатовъ есть необходимое условіе вмѣняемости и отсутствіе этого условія должно вести къ смягченію, а не къ полной ненаказуемости преступника. Поэтому вполнѣ своевременнымъ и вполнѣ вѣрнымъ должно считать уничтоженіе термина полнаго разумѣнія и переходнаго возраста отъ 14—17 л. и установленіе одного возрастного термина отъ 10—17, чѣмъ, конечно, въ значительной степени упрощается и производство. Однако въ литературѣ за послѣднее время (Ламмашъ, Листъ и др.) а также на конгрессахъ криминалистовъ (Петерб. и Бернъ) были сдѣланы предложенія совершенно измѣнить постановку вопроса объ условіяхъ отвѣтственности въ зависимости отъ наличности или отсутствія разумѣнія болѣе общимъ признакомъ—необходимостью принятія по отношеніи

ребенка принудительныхъ мѣръ охраны въ видѣ помѣщенія въ воспитательныя учрежденія или въ видѣ отдачи подъ отвѣтственный надзоръ. Изъ новыхъ законодательствъ проводитъ эту точку зрѣнія, хотя и не такъ послѣдовательно, швейцарскій проектъ. До 14 л. имѣется презумпція полной невмѣняемости, хотя прокуратура можетъ черезъ полицію принять мѣры обезпеченія, а школьная коммисія помочь исправить (ст. 6). Отъ 14—18 л. ставится вопросъ о вмѣняемости и при установленіи развитія, соотвѣтствующаго возрасту ниже 14 лѣтъ, поступается согласно ст. 6; при болѣе высшемъ уровнѣ развитія виновный помѣщается въ исправительное заведеніе. Если же въ исправленіи не нуждается, принимаются иныя мѣры вплоть до наказанія.

Противъ выставленныхъ принциповъ Таганцевъ возражаетъ, указывая, что принятіе ихъ не соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ наказуемости.

Онъ говоритъ „по отношеніи малолѣтнихъ преступниковъ этого возраста государство имѣетъ объектомъ своей дѣятельности не порочную или безпризорную личность, а проявленіе этой личности въ воспрещенномъ преступномъ дѣяніи, его виновность“.

Такимъ образомъ защитники новаго взгляда (Листъ, Фойницкій) исходятъ изъ соображенія, что вопросъ вмѣненія вноситъ путаницу, такъ какъ „исправительно-карательное воспитаніе должно имѣть дѣло не съ отдѣльными поступками, а съ личностью, а потому судья долженъ рѣшить лишь одинъ вопросъ, долженъ ли малолѣтній быть подвергнутъ общественной опекѣ въ формѣ принудительнаго воспитанія или нѣтъ“. Сторонники стараго (Таганцевъ ред. ком.) центръ тяжести переносятъ на „виновность, различая въ наказаніи не только моментъ исправленія преступника“ борьбой съ преступностью въ самомъ преступникѣ но и „успокоеніе или охрану общественную“.

Намъ кажется, что по отношенію къ дѣтямъ, которыя, подобно зеленому стволу молодого дерева, гнутся и выпрямляются подъ давленіемъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій, болѣе правильно исходной точкой принять ихъ личность, а не интересы нарушенной нормы. Преступленіе ребенка для насъ симптомъ. Оно заставляетъ насъ обратить вниманіе на

личность маленькаго преступника съ зародышемъ преступности внутри и мы стремимся предупредить возможное развитіе этого зародыша мѣрами исправленія. Такимъ образомъ новое направленіе имѣетъ за собой раціональные доводы, старое же базируется на традиціяхъ прошлаго, отстаивая классическіе принципы. Есть, однако, нѣсколько практическихъ соображеній въ пользу классической школы, а слѣдовательно и въ пользу постановленіи новаго уложенія объ отрочествѣ. „Современнымъ кодексамъ не подъ силу отказаться отъ наказанія преступниковъ отъ 16—18 л.“, такъ какъ идея возмездія, какъ таковая можетъ быть нами отвергаема, но она существуетъ, „а примѣнять наказаніе безъ вопроса о вмѣненіи значитъ лишить несовершеннолѣтнихъ того, что имѣютъ взрослые“.

Да и исправительныхъ заведеній, требующихся въ такомъ обильномъ количествѣ при первой системѣ, у насъ такъ мало, что дѣлается невозможнымъ стать твердо на сторону индивидуальной системы.

Что же касается критерія, то первоначальное предложеніе остаться вѣрнымъ уложенію и уставамъ и оставить опредѣленіе словомъ „разумѣніе“ нельзя считать удачнымъ, такъ какъ самое понятіе „разумѣнія“ односторонне, оно выдвигаетъ моментъ представленія и оставляетъ въ тѣни моментъ хотѣнія, тѣмъ болѣе, что въ ст. 39 дается вполнѣ правильная обрисовка состоянія вмѣняемости. Поэтому можно только привѣтствовать принятіе критерія ст. 39 и для дѣтскаго возраста.

Итакъ анализъ постановленій, касающихся дѣтскаго возраста, насъ проводитъ къ той же мысли, что редакціонная коммисія всегда практическія соображенія предпочитаетъ научнымъ, традиціонныя-раціональнымъ, хотя необходимо признать, что въ общемъ ст. 40 и 41 наиболѣе удачныя въ отдѣлѣ о вмѣняемости.

Перейдемъ теперь къ группѣ причинъ, лежащихъ внѣ насъ, но благодаря стеченію обстоятельствъ и сцѣпленію случайностей, устраняющихъ вмѣняемость.

При этомъ мы будемъ держатся порядка (ст.), принятаго

въ новомъ уложеніи и посему, прежде всего, остановимся на случаѣ, физическомъ принужденіи, ошибкѣ или заблужденіи.

Въ ст.ст. 42 и 43 находимъ:

„42. Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, коего учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить.

43. Невѣдѣніе обстоятельства, коимъ обусловливается преступность дѣянія или которое усиливаетъ отвѣтственность, устраняетъ вмѣненіе въ вину самаго дѣянія или усиливающаго отвѣтственность обстоятельства.

При неосторожныхъ дѣяніяхъ правило сіе не примѣняется, если самое невѣдѣніе было послѣдствіемъ небрежности виновнаго".

Теоретически есть разница между отдѣльными условіями, ведущими къ безотвѣтственности дѣятеля. Такъ незнаніе обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣйствіе, или ошибочное о нихъ представленіе должны считаться субъективными причинами, а присоединеніе къ дѣйствію непредвидѣнныхъ виновнымъ силъ, придающихъ дѣятельности или ея результатамъ преступный характеръ, или полное физическое воздѣйствіе составляютъ объективныя причины.

„Такимъ образомъ, читаемъ въ объяснительной запискѣ ред. ком., ст. 35 проекта (42 и 43 ст.) содержитъ постановленія о трехъ важныхъ институтахъ уголовнаго права, о случаѣ, принужденіи и заблужденіи. Дѣйствія и ихъ послѣдствія можно считать случайными, если ихъ наступленіе виновный не только не предвидѣлъ, но и не могъ предвидѣть при полной внимательности съ его стороны къ своимъ поступкамъ. Самое признаніе случайнымъ какого либо нарушенія закона можетъ имѣть мѣсто лишь при разсмотрѣніи обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, при разсмотрѣніи психическихъ особенностей даннаго индивидуума, условій, въ которыхъ онъ былъ поставленъ и т. п. Въ этомъ отношеніи законъ не въ состояніи указать какой либо объективной мѣрки, отдѣляющей неосторожность отъ случая". Старыя законодательства указывали на безнаказанность случая, но новѣйшія въ томъ числѣ и фр. 1810 г. умалчиваютъ объ этомъ. Въ нашемъ дѣйствующемъ уложеніи мы находимъ

цѣлый рядъ постановленій. Такъ въ ст. 5 говорится, что зло, сдѣланное случайно, но и безъ всякой со стороны учинившаго неосторожности, не считается виной, въ ст. 91 находимъ въ числѣ причинъ невмѣненія—совершенную невиновность того дѣянія, коего случайнымъ и непредвидѣннымъ послѣдствіемъ было сдѣланное зло, въ ст. 93—зло, послѣдовавшее случайно и непредвидѣнно не вмѣняется въ вину; если однако же дѣяніе, отъ коего послѣдовало сіе зло, было само по себѣ противозаконно, то онъ подвергается наказанію, но лишь за то, что былъ намѣренъ учинить. Имѣются постановленія и въ особенной части ст.ст. 1470 и 1495. Въ уставѣ о наказаніяхъ (ст. 10, п. 1) говорится, что поступки, совершенные случайно, не вмѣняются въ вину, а въ уставѣ воинскомъ (ст. 68 изд. 1875 г.) прибавляется „когда со стороны учинившаго оное не было при томъ невнимательности къ обязанностямъ службы, но если окажется такая невнимательность, то онъ отвѣчаетъ только за нее, смотря по обстоятельствамъ къ ней относящимся“. Редакціонная коммисія мотивировала удержаніе статьи 35, (42—43) двумя причинами: 1) тѣмъ, что существующія въ дѣйствующемъ уложеніи неясныя и противорѣчивыя постановленія о значеніи случайныхъ дѣяній могутъ вредно вліять на нашу практику, если не будутъ замѣнены прямыми указаніями новаго уложенія; 2) тѣмъ, что, внося въ проектъ вопреки примѣру другихъ кодексовъ опредѣленія вины умышленной и неосторожной, уложеніе должно очертить какъ ихъ необходимое дополненіе понятія преступныхъ дѣяній, не вмѣняемыхъ учинившему. Спору нѣтъ, что формула новаго уложенія ставитъ вопросъ о случаѣ болѣе опредѣленно, избѣгнувъ казуистичности дѣйствующаго уложенія, пропитаннаго недовѣріемъ къ суду и судебнымъ дѣятелямъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ Листъ, ст. 35 совершенно излишняя, „потому что случай есть всякое невиновное проявленіе какого-либо послѣдствія, такъ что понятіемъ вины необходимо опредѣляется и понятіе случайности“. Повидимому редакціонная комиссія соглашается съ Листомъ, но ее пугаетъ гипнозъ стараго уложенія, которое якобы помимо воли судей будетъ вліять на ихъ волю; но это разсужденіе едва-

ли серьезное, если принять во вниманіе, что молчаніе новаго уложенія въ глазахъ судей не означаетъ согласія со старымъ, дѣйствующимъ уложеніемъ. Скорѣе можно предположить, что дѣйствующее уложеніе гипнотизировало редакціонную комиссію, внушая ей недовѣрчивое отношеніе къ судебнымъ дѣятелямъ. Профессоръ Лукини указываетъ, кромѣ того, на неясность и растяжимость выраженія „могъ предвидѣть или предотвратить“. Сенаторъ Закревскій вполнѣ умѣстно замѣчаетъ, что то, „что учинившій не могъ предвидѣть или предусмотрѣть послѣдствія такого дѣянія, ему не вмѣняется въ вину“ само собою вытекаетъ изъ опредѣленія дѣяній умышленныхъ и неосторожныхъ. Если необходимо въ законѣ имѣть ст. 35 проекта, то, какъ указываетъ Лютце (прокуроръ), слѣдовало бы ее помѣстить вмѣстѣ съ 43 ст., т. к. 35 ст. проекта разъясняетъ и дополняетъ именно эту статью. Въ самомъ дѣлѣ постановленія ст. 35 проекта (39 втор. проект.) не излагаетъ случаевъ невмѣняемости субъекта преступленія или по непреступности дѣянія въ силу особаго постановленія закона, но перечислять нѣкоторые случаи, когда преступное дѣяніе вовсе не можетъ быть признано дѣяніемъ обвиняемаго, какъ совершенное имъ безъ умысла и безъ неосторожности (ст. 43 проек.). „Одно же нежеланіе редакціонной комиссіи не походить на другіе кодексы нельзя считать убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу сохраненія въ уложеніи статьи о случаѣ“.

Второй причиной по ст. 35 проекта (42) является принужденіе. Оно опредѣляется какъ состояніе, „когда учинившій не могъ предотвратить учиненнаго имъ преступнаго дѣянія, когда дѣйствующій, хотя и находился въ моментъ дѣйствія въ полномъ сознаніи, такъ что для него не существовало извиненія невмѣняемостью, но въ тоже время относился къ происшедшему по необходимости пассивно, не имѣя никакой возможности исполнить требованія закона или воспрепятствовать его нарушенію“.

Въ ст. 64 французскаго кодекса мы находимъ постановленіе о force majeure, подъ которымъ разумѣется какъ физическое такъ и психическое принужденіе. Подъ послѣднимъ

понимается угроза зломъ или приказъ лица, имѣющаго надъ виновнымъ власть. Force majeure принимается только при преступленіяхъ и проступкахъ, но практикой также и при нарушеніяхъ. Слатья 71 бельгійскаго уложенія 1867 г. и ст. 40 голландскаго—стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. Германскій кодексъ въ § 52 различаетъ два условія: непреодолимую силу и угрозу; подъ первой разумѣется и физическое принужденіе, хотя Schütze говоритъ, что § 52 имѣетъ въ виду только психическое принужденіе, такъ какъ къ физическому принужденію не примѣнимо „учиненное подъ вліяніемъ“. Наше дѣйствующее уложеніе относительно физическаго принужденія не содержитъ никакихъ особыхъ постановленій, такъ что практика подводитъ физическое принужденіе подъ 100 ст., разсматривая его какъ видъ крайней необходимости. Однако смѣшивать физическое и психическое принужденіе неправильно, такъ какъ по юридической природѣ и по фактической постановкѣ они отличны другъ отъ друга. „Проектъ вполнѣ правильно поступаетъ, говоритъ Листъ, отличая психическое принужденіе отъ физическаго“. Въ самомъ дѣлѣ, психическое принужденіе не исключаетъ выбора при физическомъ—человѣкъ играетъ роль простого орудія; психическое принужденіе извиняетъ человѣка, физическое-же исключаетъ самую возможность вмѣненія. Психическое принужденіе не наказуемо въ зависимости отъ сравнительной цѣнности спасаемаго и приносимаго въ жертву, физическое-же не допускаетъ кары при всякихъ случаяхъ. Поэтому даже Листъ, въ общемъ стоящій за отмѣну 39 ст. (42 проекта вторичнаго) признаетъ, что для физическаго принужденія можно было бы въ кодексѣ имѣть особую статью. Что-же касается ошибки и заблужденія, то было бы болѣе умѣстно ихъ отнести къ ученію объ оттѣнкахъ вины; это признаетъ и редакціонная комиссія, но пресловутая практическая точка зрѣнія и на этотъ разъ заставляетъ комиссію „не смотря на сдѣланныя возраженія счесть болѣе правильнымъ сохраненіе постановленій объ ошибкѣ и заблужденіи въ ст. 35, а не отнесеніе ихъ къ постановленіямъ объ умыслѣ и неосторожности“. Невѣдѣніе заблужденія можетъ касаться какъ

физическихъ, такъ и юридическихъ обстоятельствъ; подъ этими послѣдними можно разумѣть всякое незнаніе правовыхъ отношеній, а также невѣдѣніе постановленій уголовнаго права. Изъ современныхъ кодексовъ нѣкоторые совершенно не упоминаютъ о незнаніи и заблужденіи, таковы французское, бельгійское и итальянское уложенія. Германскій кодексъ упоминаетъ о невѣдѣніи и заблужденіи въ отдѣлѣ объ оттѣнкахъ вины. Венгерскій законъ въ ст. 81 говоритъ, что незнаніе или неправильное пониманіе постановленій уложенія не исключаетъ вмѣненія. Таково содержаніе и австрійскаго кодекса. Въ дѣйствующемъ уложеніи у насъ объ ошибкѣ имѣется ст. 99, причемъ самый характеръ ошибки не имѣетъ значенія. Но ст. 62 основныхъ законовъ не допускаетъ оговорки незнаніемъ законовъ. Новое уложеніе, не отмѣняя ст. 62, допускаетъ, однако, ссылку по обстоятельствамъ дѣла на незнаніе запрещенности учиненнаго (подъ покровомъ случайности). Конечно было бы опасно со стороны закона освящать своимъ авторитетомъ оправданіе незнаніемъ закона, но, какъ справедливо замѣчаетъ Haus презумпція обязательнаго знакомства всѣхъ съ законами, изданными въ установленномъ порядкѣ „не исключаетъ возможности противнаго“. Тѣмъ болѣе умѣстно это у насъ, гдѣ крайнее невѣжество, съ одной стороны, отсутствіе твердой законности, съ другой,—дѣлаютъ для населенія неуловимымъ самое постановленіе закона.

Ст. 36 проекта (44 ул.) гласитъ „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное во исполненіе закона или приказа по службѣ даннаго подлежащей властью, съ соблюденіемъ установленныхъ на то правилъ и не предписывавшаго дѣянія явно преступнаго“.

Такимъ образомъ, статья эта предусматриваетъ два случая невмѣненія въ вину преступнаго дѣянія: 1) Общій случай, во исполненіе закона 2) частный случай—во исполненіе служебнаго приказа служебнымъ лицомъ.

Высказываются мнѣнія, отрицающія самую необходимость статьи 36 проекта въ ея цѣломъ или отдѣльныхъ частяхъ. Такъ профессоръ Листъ прямо утверждаетъ, что постано-

вленія ст. 36 совершенно излишни, они вызываютъ много сомнѣній, т. к. указываютъ на отдѣльные случаи, исключающіе, „противозаконность“ дѣянія, въ то время какъ о другихъ случаяхъ, имѣющихъ такое же значеніе умалчиваютъ, (напр. наказаніе дѣтей, совершеніе врачемъ ампутаціи и пр.). Поэтому возможно допустить, что практика будетъ пользоваться ст. 36 проекта (44 ст.) въ обратномъ направленіи сравнительно съ указанными случаями въ этой статьѣ.

А. А. Марковъ предлагаетъ исключить ту часть закона, гдѣ говорится объ исполненіи приказа, оставивъ только слова: „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное во исполненіе закона“.

По мнѣнію Маркова введеніе въ уложеніе статьи о безнаказанности исполненія приказа, хотя бы и преступнаго, можетъ повести къ злоупотребленіямъ. Наконецъ Сергѣевскій настаиваетъ на исключеніи I части, а именно о невмѣненіи дѣяній, совершаемыхъ въ исполненіе закона, т. к. правомѣрность дѣяній этого рода не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того имѣется принципіальное различіе между дѣяніями—во исполненіе закона и—во исполненіе приказа: первыя правомѣрны по существу своему, вторыя могутъ оставаться противуправовыми, допуская вполнѣ вмѣненіе лицу, давшему обязательный приказъ.

Существуютъ, однако, и защитники статьи 36, (проекта 44 ст.), въ полномъ видѣ, такой, какая она есть.

Редакціонная коммисія, въ свою очередь, основываетъ необходимость особой статьи о безнаказанности исполнителей закона и обязательнаго приказа на существованіи противорѣчій и разногласія по этому вопросу. Но мы думаемъ, что принципіальныя положенія кодекса нельзя выводить на основаніи плебисцита. Всматриваясь внимательнѣе въ дальнѣйшія разсужденія редакціонной коммисіи, мы видимъ снова, что „практическія соображенія“ и на этотъ разъ взяли верхъ и заставили коммисію ввести ст. 36 (44). „Распространеніе отвѣтственности на исполнителей всякаго служебнаго приказа, оказавшагося противозаконнымъ по мнѣнію коммисіи, не соотвѣтствовало бы, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ

выше отзывовъ, еще болѣе распространенному у насъ среди служебныхъ органовъ воззрѣнію на всесильное и обязательное значеніе всякаго приказа". Вотъ одно изъ „практическихъ соображеній". Но съ дурными привычками и неосновательными „воззрѣніями" необходимо бороться, а не освящать ихъ авторитетомъ закона, чтобы избѣжать тѣмъ преступленій, подобныхъ преступленію генерала Ковалева, истязавшаго д-ра Забусова, давъ „обязательный приказъ" избить беззащитнаго врача своимъ подчиненнымъ.

Если бы не было „воззрѣнія", что приказъ начальника не покрываетъ преступленія, то кто знаетъ можетъ быть борьба привычки подчиняться съ угрозой закона сдѣлала бы невозможной реализацію замысловъ генерала?

Странно, кромѣ того, выраженіе „явно преступное". При этомъ редакціонная коммисія предостерегаетъ отъ возможности субъективнаго толкованія этого выраженія. Но какъ обрисовать, какъ опредѣлить объективно понятіе „явно преступное" рядомъ съ преступнымъ? Не послужитъ ли это къ полной и вѣчной безнаказанности всѣхъ исполнителей „обязательнаго приказа"?

У насъ и такъ служивая іерархія ограждена процессуальными законами отъ отвѣтственности за свои беззаконія, прибавлять еще и еще къ этому не означаетъ ли сѣять произволъ?

Статья 45 (37 п. 41 проек.) „Не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное при необходимой оборонѣ противъ незаконнаго посягательства на личныя или имущественныя блага, защищавшаго себя или другихъ лицъ.

Превышеніе предѣловъ обороны наказывается только въ случаяхъ особо закономъ указанныхъ"—поражаетъ своей широтой.

Правомѣрность необходимой обороны основывается на отсутствіи у обороняющагося „злой воли"; на наличности условій, при которыхъ является возможность отразить „посягательство на право", т. е. оборотной во время остановить реализацію преступленія и, наконецъ, на безвозвратности

благъ, которыя можно своевременно сохранить лишь обороной.

Редакціонная коммисія предполагаетъ, что оборона должна быть допустима противъ всякаго нападенія на наши блага или интересы, отъ кого бы оно ни исходило, нападеніе должно быть беззаконно, поэтому не можетъ быть обороны противъ обороны, оборона должна быть необходимой, т. е. противъ немедленно грозящей обрушиться опасности.

Въ вопросѣ, что можно защищать обороной, въ кодексахъ нѣтъ одномыслія. Французское и бельгійское уложенія допускаютъ оборону при посягательствахъ на личныя блага, голандскій кодексъ говоритъ о защитѣ чести, жизни и имущества, германскій же кодексъ прямо указываетъ, что „необходимой обороной называется такая защита, которая необходима для немедленнаго и противозаконнаго нападенія на защищавшагося или на другое лицо“.

Дѣйствующее уложеніе даетъ довольно подробный перечень благъ, защищаемыхъ обороной, такъ въ ст.ст. 101, 102 находимъ—жизнь, здоровье, свобода, цѣломудріе и честь женщины, а также имущественные интересы, насколько посягательство на нихъ сопровождалось нападеніемъ на личность. Такимъ образомъ, новое уложеніе пошло еще дальше, объявивъ правомѣрной „охрану обороной“ и имущества какъ такового.

Относительно превышенія предѣловъ обороны новое уложеніе остается вѣрнымъ системѣ дѣйствующаго уложенія. Западные же кодексы ставятъ вопросъ нѣсколько иначе, такъ германскій кодексъ постановляетъ, что превышеніе предѣловъ обороны не наказуемо, если виновный изъ смущенія, страха или ужаса перешелъ за границу защиты; еще шире ставитъ этотъ вопросъ голандское улож., признавая, что превышеніе границъ необходимой защиты не наказуемо, если оно было послѣдствіемъ сильнаго душевнаго волненія, вызваннаго нападеніемъ. Наше же новое уложеніе выдвигаетъ общее правило, „что превышеніе предѣловъ обороны не наказуемо, за исключеніемъ только случаевъ, особо указанныхъ закономъ“.

Члены коммисіи остались на почвѣ дѣйствующаго уложе-

нія по вопросу о превышеніи предѣловъ обороны на основаніи слѣдующихъ соображеній. 1) Что система улож. 1845 г. не вызвала на практикѣ никакихъ недоразумѣній. 2) Система Западно-Европейская за превышеніе обороны или совершенно не наказываетъ или караетъ, какъ обыкновенное преступленіе, между тѣмъ система новаго уложенія въ случаяхъ даже наказуемыхъ уменьшаетъ наказаніе, 3) и наконецъ, что „едва ли представляется и цѣлесообразнымъ подвергать отвѣтственности за всякій маловажный вредъ, причиненный беззаконно нападающему, хотя бы виновный и превысилъ предѣлы необходимости, такъ какъ особенныя условія естественно не дозволяютъ ни законодателю, ни суду отнестись къ такому лицу, какъ ко всякому нарушителю закона, не вынужденному къ тому".

Такимъ образомъ даже и съ этой стороны постановленія новаго уложенія обрисовываютъ возможно широко состояніе необходимой обороны. Та же тенденція въ ширь заставила редакціонную коммисію ввести въ число охраняемымъ оборонной благъ и имущественныя интересы, хотя, какъ замѣчаетъ Холодовскій (Св. III 238) „имущественный вредъ не можетъ считаться непоправимымъ" и всегда можетъ быть возстановленъ и вознагражденъ путемъ суда и законной расправы". „Необходимая оборона не должна распространяться на защиту исключительно имущественныхъ правъ еще и потому", прибавляетъ Холодовскій, „что нарушенное право должно находиться въ извѣстномъ соотвѣтствіи со средствами отраженія и такъ какъ сущность необходимой обороны заключается именно въ употребленіи извѣстныхъ насильственныхъ дѣйствій противъ личности нападающаго, то и нападеніе въ свою очередь должно грозить личности защищавшейся, нарушеніе же имущественнаго блага во всякомъ случаѣ представляется слишкомъ ничтожнымъ и незначительнымъ сравнительно съ тѣмъ вредомъ, который можетъ быть причиненъ нападающему лицомъ, находящимся въ положеніи необходимой обороны". Такимъ образомъ, обрисовка, данная понятію необходимой обороны ул. 1903 г., наиболѣе распространенная сравнительно съ европейскими кодексами и нынѣшнимъ уложеніемъ (1845 г.).

Въ государствѣ правовомъ, въ государствѣ культурномъ съ высокимъ уровнемъ нравовъ едва ли можно было бы давать такую широкую возможность самозащиты. Но у насъ, гдѣ часто личность не обезпечена въ своихъ элементарныхъ правахъ, имущество ежечасно подвергается безвозвратному хищенію, гдѣ нравы невѣжественны и грубы, такая широкая постановка необходимой обороны, какая дается въ ст. 45, вполнѣ умѣстна и вполнѣ соотвѣтствуетъ насущнымъ потребностямъ жизни.

Что же касается ст. 46 (ст. 38 или 42), гдѣ говорится о крайней необходимости и психическомъ принужденіи („Не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное для спасенія жизни своей или другихъ лицъ отъ происшедшей, вслѣдствіе незаконнаго принужденія или иныхъ причинъ опасности, въ то самое время другими средствами неотвратимой. При тѣхъ же условіяхъ не почитается преступнымъ и дѣяніе, учиненное для спасенія здоровья, свободы, цѣломудрія или иныхъ личныхъ или имущественныхъ благъ, если учинившій имѣлъ достаточное основаніе считать причиняемый вредъ маловажнымъ сравнительно со спасаемымъ благомъ. Постановленія сей статьи не примѣняются, когда самое уклоненіе отъ опасности составляетъ дѣяніе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія"), то такой авторитетъ, какъ проф. Листъ, считаетъ ее вполнѣ удачной и даже образцовой. Хорошо въ статьѣ, по мнѣнію нѣмецкаго криминалиста, какъ соединеніе въ одномъ постановленіи состоянія крайней необходимости въ тѣсномъ смыслѣ и психическаго принужденія, такъ непринятіе требованія, чтобы крайняя необходимость была „невиновная", наконецъ, „въ особенности расширеніе права крайней необходимости дѣяніями, имѣющими цѣлью спасеніе свободы, цѣломудрія и иныхъ правовыхъ благъ, а равно проведеніе различія между двумя видами состоянія крайней необходимости въ 1 и во 2 частяхъ ст. 42" (см. 46). Въ самомъ дѣлѣ, коммисія весьма удачно вышла изъ затрудненія въ весьма спорномъ вопросѣ, какія блага допускаютъ вторженія „въ права третьихъ лицъ" и въ то же время вопреки дѣйствующему уложенію, ограничивающему объемъ такихъ благъ

только жизнью, расширила до защиты всевозможныхъ интересовъ. При этомъ очень остроумно—жизнь—позволила защищать какъ угодно, остальныя же блага въ зависимости: 1) отъ наличности всѣхъ условій, требуемыхъ при крайней необходимости, 2) отъ маловажности жертвы сравнительно съ благомъ защищаемымъ. Статью же 39 проекта „не почитается преступнымъ дѣяніе, направленное на предметъ несуществующій или негодный для учиненія умышленнаго виновнымъ преступнаго дѣянія“ мы полагаемъ болѣе цѣлесообразнымъ отнести въ отдѣлъ о покушеніи, такъ какъ есть ученые, весьма уважаемые, которые оспариваютъ самую безнаказанность въ этихъ случаяхъ (Колоколовъ, Вульфертъ).

Обратимся къ итогамъ.

При составленіи уложенія 22-го марта 1903 года была привлечена масса ученыхъ силъ, въ частности при разработкѣ отдѣла о „вмѣняемости и преступности“ было выслушано мнѣніе врачей-психіаторовъ съ почетной извѣстностью въ своей спеціальности.

Однако отдѣлъ о вмѣняемости блещетъ прежде всего и больше всего игнорированіемъ научныхъ принциповъ новѣйшей криминологіи. На первомъ планѣ—„практическія соображенія“ минуты, диктуемыя интересами правящихъ группъ господствующихъ классовъ.

Гипнозъ дѣйствующаго уложенія (1845 г.), осуждаемаго составителями новаго (1903) очень силенъ: недовѣріе къ суду и судебнымъ дѣятелямъ, нѣкоторая казуистичность, склонность все предвидѣть и все регламентировать проявляется на каждомъ шагу въ разобранномъ нами отдѣлѣ уложенія 1903 г.

Поэтому, нынѣ, когда происходитъ общая переоцѣнка цѣнностей, не будетъ ли своевременно, не вводя уложенія 1903 г. въ жизнь, передѣлать его кореннымъ образомъ или составить совершенно новый кодексъ на истинно научныхъ началахъ и соотвѣтственно новымъ потребностямъ обновляющейся жизни?

М. Аджемовъ.

КРИТИКО-СРАВШИТЕЛЬНЫЙ РАЗБОРЪ УСТАВА ВЕЛИК. КН. ВСЕВОЛОДА О ЦЕРКОВНЫХЪ СУДАХЪ.

(По поводу ссылки на него проекта гражданскаго уложенія въ оправданіе предлагаемаго уравненія наслѣдственныхъ правъ женщинъ и мужчинъ).

Теперь перехожу къ слѣдующему по порядку отдѣлу.

в) *О порученіи епископамъ наблюденія за торговыми мѣрами и вѣсами.*

Въ обширной редакціи Владимірова устава отдѣлъ этотъ изложенъ всплошь, отличаясь явственно отъ предъидущей части устава начальными словами: „Се же искони уставлено и поручено святымъ пискупьямъ“. Въ уставѣ же Всеволода тотъ же отдѣлъ, редактированный нѣсколько обширнѣе, сравнительно съ редакціею устава Владиміра, и снабженный, вдобавокъ, болѣе длиннымъ послѣсловіемъ, не помѣщенъ цѣликомъ въ одномъ мѣстѣ, но образующіе его элементы сложенія разбросаны, въ видѣ отрывочныхъ фразъ, въ различныхъ мѣстахъ нашего документа, будучи скрыты посреди предложеній, не имѣющихъ ничего общаго съ содержаніемъ обсуждаемаго отдѣла, причемъ нѣкоторыя, необходимыя, по смыслу, слова и выраженія совсѣмъ недостаютъ, какъ, очевидно, опущенныя, по ошибкѣ, переписчиками. Поэтому, для возстановленія текста, необходимо разыскать эти отрывки, связать ихъ вмѣстѣ, а пробѣлы дополнить, по догадкѣ, соображаясь съ ходомъ рѣчи и въ особенности съ однородным

постановленіями о мѣрахъ и вѣсахъ, заключающимися въ другихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ. Эти операціи я и произведу. Такъ: 1) въ части Владимірова устава обширной редакціи, содержащей пожалованіе десятины Кіевской церкви св. Богородицы, читается: „и дахъ ей десятину по всей земли Русьтѣй исъ княженія въ сборную церковь“. Уставъ же Всеволода на соотвѣтственномъ мѣстѣ имѣетъ прибавку: „и святѣй Софѣй Кѣевской и святѣй Софѣй Новгороцкой“—прибавку, совершенно здѣсь неумѣстную, ибо Кіевская Богородичная церковь потому и названа Десятинною, что, по преданію, ей, и только ей, а не церкви Св. Софіи, дарована была десятина. Но слова, неумѣстныя въ жалованной грамотѣ, дадутъ смыслъ, если ихъ переставить въ отдѣлъ, гдѣ говорится о мѣрахъ и вѣсахъ.

2) Затѣмъ, обращаясь къ сему послѣднему отдѣлу, наталкиваемся въ самомъ началѣ его на предложеніе, уже неоднократно затронутое мною въ настоящей работѣ, гласящее: „О всѣхъ сихъ, что предписано дѣржахъ за своими бояры, аже они обидять гостей, а гдѣ живуть, тымъ наривять, и княжу душу топять“. Московскій пр. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій объяснилъ это предложеніе такъ: „Прежде, до изданія сего устава, мѣры и вѣсы были поручены надзору княжескихъ бояръ, но эти надсмотрщики дѣйствовали своекорыстно, къ невыгодѣ торговли, норовя тѣмъ, кто имъ давалъ посулы, что̀ (будто бы) и выражено словами: „а гдѣ живутъ тымъ норовять“, т. е. отъ кого они (бояре) наживаются, тѣмъ и норовятъ и душу князя губятъ [1]). Въ такомъ же духѣ истолковалъ это мѣсто и проф. М. Ф. Вл.-Будановъ: „Быть можетъ, говоритъ онъ, слово „предписано“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ „послѣдующаго“, т. е. быть можетъ, наблюденіе за вѣсами и мѣрами Всеволодъ поручалъ когда либо свѣтскимъ властямъ [2]). Но нужно ли разъяснять, что подобныя толкованія, хотя они преподаны съ высоты универ-

---

[1]) „Литограф., съ разрѣш. профессора, лекціи по исторіи русс. права“, изд. Н. Цыганова, М., 1888—1889 акад. года, стр. 68.

[2]) Христоматія, I, стр. 244, прим. 16.

ситетскихъ каѳедръ историками-юристами, обогатившими науку обильными и многоцѣнными вкладами, не выдерживаютъ никакой критики. Между тѣмъ я выше уже указалъ, что означенное предложеніе не поддается вовсе никакому осмысленію по той простой причинѣ, что оно является лишь плетеницею безсвязныхъ фразъ. Однѣ изъ нихъ я уже разсмотрѣлъ и указалъ, изъ какихъ различныхъ частей нашего устава онѣ вырваны и перемѣщены сюда, а теперь изъ этой словесной груды извлекаю сочетаніе: „*тымъ норовять*“, какъ относящееся именно къ обсуждаемому постановленію о мѣрахъ и вѣсахъ. 3) Далѣе, къ этому же постановленію относятся отрывочныя фразы: „а скрывится...; „того казнити“. 4) Сюда же, наконецъ, относится, какъ замѣчено выше, фраза: „отъ закона Божія“, повторяющаяся въ нашемъ уставѣ два раза: одинъ разъ въ предисловіи ко всей установительной части устава [1]), а другой—въ дополнительномъ сегментѣ, начинающемся: „А се правило Собора Никейскаго“, гдѣ она, впрочемъ, является разорванною на два клочка: „отъ закона“ и „Богомъ“, какъ это разъясню потомъ.

По присоединеніи всѣхъ этихъ отрывковъ къ тому, что въ нашемъ отдѣлѣ сказано о мѣрахъ и вѣсахъ, получится такое цѣльное постановленіе:

[Се же] торговыя вся вѣсы, мѣрила и скалвы... (въ уставѣ Владиміра прибавлено: и ставила) и всякая извѣсь отъ Бога (вар.: *отъ закона Божія*) тако искони уставлено есть епископу блюсти безъ пакости и на всякій годъ извѣшивати. А скрывится пудъ вощаный (вар.: медовый) *(лежитъ капъ)* въ Святѣи Софѣи Кѣевъской (вар.: Святѣй Софѣи Новгороцкой), *тымъ норовять* (чит.: *равняти*), *(а кто скрывилъ)*, того казнити“.

Что таково было первоначальное чтеніе приведеннаго мѣста—въ этомъ убѣждаетъ параллельная статья договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Гот-

---

[1]) Въ предложеніи: „Аже кто обидитъ нашъ уставъ, таковымъ не прощеннымъ быти *отъ закона Божія*“.

скимъ берегомъ 1229 г. [1]): „Аще вощный пудъ исказится (по Румянц. списку: аще *капь*, чимь то весятѣ, изльмль на боудьтѣ, а любо льче боудѣть), лежить капь въ сѣти Бѣди на горѣ, а другая въ Нѣмецкой Бѣди, то тымъ пудъ извѣряче, право оучинити (въ Рум. сп.: *обп равняти*)".

Лучшимъ, однако, доказательствомъ основательности моихъ коньектуръ можетъ служить сличеніе нашего правила о церковномъ надзорѣ за мѣрами и вѣсами съ соотвѣтственнымъ постановленіемъ того законодательства, изъ котораго оно заимствовано. По вопросу же о происхожденіи сказаннаго правила ученые расходятся во мнѣніяхъ. *Неволинъ*, а за нимъ проф. *Павловъ*, ссылаясь, главнымъ образомъ, на новеллу 128, гл. 15, полагали, что послѣднее сложилось подъ вліяніемъ византійскихъ государственныхъ законовъ, по которымъ епископы имѣли право участвовать въ выборѣ смотрителей за городскими торговыми вѣсами и мѣрами, и самые эти вѣсы и мѣры хранились въ церквахъ подъ наблюденіемъ епископовъ [2]). Проф. же *Голубинскій*, напротивъ того, высказалъ, что „ни въ Греціи, ни у насъ епископы никогда не завѣдывали торговыми мѣрами и вѣсами, но въ Греціи было узаконено имп. Юстиніаномъ, чтобы образцовые или „казенные" вѣсы и мѣры, по которымъ бы повѣрялись частные вѣсы и мѣры хранились по городамъ въ церквахъ, а у насъ, если не всегда это было, то иногда бывало" [3]). Такого же взгляда держится и проф. *Н. С. Суворовъ*. Полемизируя съ проф. Павловымъ, онъ указывалъ на то, что участіе епископа, наравнѣ съ почетными гражданами, въ выборѣ смотрителя за вѣсами, не означало вовсе завѣдыванія мѣрами и вѣсами,—подобно тому, какъ участіе епископа въ выборѣ намѣстника провинціи не означало управленія провинціею, и что хотя мѣры и вѣсы хранились въ церквахъ, самыя эти мѣры и вѣсы получались отъ гражданскихъ магистратовъ. Съ своей же стороны Н. С.

---

[1]) Русскія Достоп., ч. II, стр. 266.

[2]) См. А. С. Павлова: „Мнимые слѣды католич. вліянія въ др. памят. юго-слав. и рус. церков. права". М. 1892 г.

[3]) Ист. р. ц. 2-е изд. I, стр. 626, прим. 8.

Суворовъ полагаетъ, что постановленіе русскихъ церковныхъ уставовъ о мѣрахъ и вѣсахъ можетъ быть связано только съ западно-католическимъ церковнымъ порядкомъ, по которому наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ, подобно десятинѣ, было обосновано на ветхозавѣтномъ законѣ: ut aequales mensuras et rectas et pondera justa et aequalia omnes habeant..., sicut et *in lege Domini* praeceptum habemus, item in Solomone. [1]).

Я же, въ свою очередь, беру смѣлость прибавить, что ссылка на новеллу 128, гл. 15, не оправдываетъ положенія Неволина и Павлова еще и потому, что въ ней собственно о торговыхъ вѣсахъ и мѣрахъ, употребляемыхъ частными лицами при сдѣлкахъ, заключаемыхъ *между собою*, даже и рѣчи нѣтъ, а говорится лишь, что тѣ, которые производятъ взысканіе *общественныхъ налоговъ*, должны пользоваться вѣрными вѣсами и мѣрами, для того, чтобы подданные государства и въ этомъ отношеніи не были обижаемы [2]).

Но и положеніе, выставленное проф. Н. С. Суворовымъ, не вполнѣ подтверждается приведенными имъ цитатами, ибо въ нихъ говорится только о воспрещеніи Закономъ Божіимъ фальсификаціи мѣръ и вѣсовъ, но не содержится никакого указанія на то, что завѣдываніе мѣрами и вѣсами поручено именно духовной власти, и что это „*отъ Бога искони установлено есть*“, какъ выражено въ нашемъ уставѣ. Между тѣмъ такое указаніе заключается въ древнѣйшихъ (до V в.) источникахъ талмудическаго права. Вотъ относящееся сюда постановленіе Талмуда: „Надзоръ за торговыми мѣрами и вѣсами отнесенъ Богомъ (rachmana—Милосерднымъ) къ обязанности судилища (bethdin, духовнаго суда), ибо сказано (Второз. 25, 15) „гиря полная и правдивая да будетъ у тебя“; это значитъ, что *у тебя* (суда) долженъ быть мужъ, завѣдующій мѣрами и вѣсами, который бы исправлялъ оные,

---

[1]) „Къ вопросу о запад. вліяніи на „древн.-оче. право“. Яросл., 1892 г., стр. 363—4.

[2]) Eos autem, qui publica tributa exigunt, iustis ponderibus et mensuris uti praecipimus, ut neque in hoc nostros tributarios laedant etc.

опечатывалъ ихъ своею печатью, для предупрежденія обмана [1]). Правило это воспроизведено въ кодексѣ Маймонида такъ: „Суды (бетдины) обязаны поставлять въ каждой области и въ каждомъ округѣ надзирателей, которые должны обходить всѣ торговыя заведенія, оправдывать вѣсы и мѣрила и устанавливать нормальныя рыночныя цѣны (на предметы продовольствія и другіе товары необходимой потребности), а если найдутся у кого либо вѣсы и мѣры невѣрные или испорченные (по др. варіанту: искривленные), то предоставляется надзирателямъ подвергать того тѣлесному наказанію, соображаясь съ его здоровьемъ, либо „*казнить*“—подвергать денежному штрафу“ [2]).

Къ этому нужно прибавить, что, въ видахъ предупрежденія со стороны продавцовъ обмана, талмудическіе сборники содержатъ многочисленныя правила, касательно самаго устройства мѣръ и вѣсовъ, способа употребленія ихъ и содержанія въ исправности и, между прочимъ, предписываютъ чистить и вымывать мѣры и вѣсы: мелочному торговцу—чрезъ каждыя двѣ недѣли, оптовому—разъ въ мѣсяцъ, а тому, кто продаетъ изрѣдка, лишь по временамъ,—по крайней мѣрѣ разъ въ годъ.

Съ этими то постановленіями талмудическаго права обсуждаемое правило церковнаго устава представляетъ полное сходство не только по содержанію, но и по формѣ и по одинаковости употребленныхъ терминовъ. Такъ, слово „скалва“, или „скала“ соотвѣтствуетъ талмудическому: *sela*—камень, утесъ, означающее единицу какъ вѣса, такъ и денежнаго счисленія; „капь“—талмудическое „*кар*“ или *кера*—камень; „скрывится“ соотвѣтствуетъ талмудическому: *tewwthin*—отъ глагола aweth—искривлять; „льче боудѣть“—переводъ употребленнаго въ кодексѣ Маймонида *mkulkal*—испорченный, отъ прил. *kal*—легкій; „того казнита“—талмудическое *kansinin* штрафовать отъ *knas* или *kans*—казнь (встрѣчается и каснь),—

---

[1]) Ср. ст. M. Bloch: „Das Mosaisch-Talmudische Polizeirecht“, Budapest, 1879 § 12—13.

[2]) Кодексъ Маймонида, отдѣлъ: „Узаконенія о кражѣ“, гл. 8, § 20.

каковое слово, по объясненію лексикографовъ, усвоено талмудическимъ языкомъ изъ греч. κῆνσος, лат. census. По поводу реченія *казнить* укажу еще на уставную королевскую грамоту жителямъ Витебской земли 1505 года, гдѣ оно употреблено именно въ смыслѣ: карать, облагать штрафомъ за проступки противъ правилъ о мѣрахъ и вѣсахъ: „а коли, который Витеблянинъ у вѣсѣхъ проступитъ, або у локтя ино Витбляномъ самимъ *казнити* виноватаго, по своему праву“ [1]). Остается еще объяснить отсутствующія въ уставѣ Владиміра, но прибавленныя въ уставѣ Всеволода выраженія: „скалвы вощаныя“ или „пудъ вощный“ и „пудъ медовый“. Представляется невѣроятнымъ, чтобы существовали отдѣльные вѣсы, на которыхъ взвѣшивались *исключительно* воскъ и медъ. Я полагаю, поэтому, что слово воскъ, откуда прил. вощный, или вощаный, въ соединеніи съ какимъ либо обозначеніемъ вѣса, напр., пудомъ, берковцемъ, употребляется не въ смыслѣ нѣм. Wachs, латин. viscum, а какъ общее названіе вѣса всякаго рода товара,—происходя отъ реченія *wask* или *wisk*, служащаго у арабовъ для обычнаго обозначенія вѣса тяжести, которую можетъ нести верблюдъ или оселъ—Kameellast, Esellast [2]), такъ что „пудъ вощный“ значитъ: пудъ, которымъ вѣсятъ всякаго рода товары,—подобно выраженію вышеприведенной статьи Мстиславова договора: „Аже кань, *чимь то весять*, излишльна боудѣте“. Выраженіе же „пудъ медовый“, мнѣ кажется—выдумка писца, который, найдя въ подлинникѣ „пудъ вощный“ и полагая, что рѣчь идетъ о воскѣ въ обыкновенномъ значеніи, счелъ себя вправѣ прибавить отъ себя, такъ сказать, для красоты слога, еще и „пудъ медовый“. А что на самомъ дѣлѣ „воскъ“ въ юридическихъ актахъ употребляется нерѣдко въ смыслѣ товара и вообще клади, — въ этомъ, между прочимъ, можно убѣдиться изъ слѣдующаго мѣста упомянутой выше грамоты Витебской землѣ:

---

[1]) „Устав. зем. грамоты лит.-рус. государства“, изслѣд. М. Ясинскаго. К., 1888 г., стр. 122.

[2]) См. Dr. Joseph Perles. Etymologische Studien zur Kunde der rabbinischen Sprache u. Alterthümer. Breslau, 1871, s. 40.

„А въ котораго Витеблянина загудятъ воскъ въ Ризѣ, або индѣ, и пріѣдетъ до Витебска: ино Витбляномъ, самимъ, казнити виноватаго“. Проф. М. Н. Ясинскій [1]) объясняетъ это мѣсто такъ: „Если у какого-либо Витеблянина, воскъ, присланный для продажи въ Ригу или въ иной городъ, будетъ *забракованъ*, найденъ недоброкачественнымъ (подразумѣвается, что эта недоброкачественность воску была извѣстна продавцу), то таковой Витеблянинъ, по возвращеніи своемъ на родину, подвергается суду и наказывается по мѣстному праву“. Но такое толкованіе не можетъ не быть признано совершенно произвольнымъ, ибо, по словарю, *загудѣть* вовсе не значитъ забраковать, а только: стать издавать гулъ, а *загудать*—обвѣтрѣть. Кромѣ того, спрашивается, почему наказанію подлежитъ только продавецъ недоброкачественнаго воска, а не другого какого-либо товара? Развѣ воскъ составлялъ единственный предметъ торговли Витеблянъ? Между тѣмъ стоитъ только, вмѣсто „загудятъ“, читать: „загубятъ“, и тогда смыслъ приведеннаго мѣста будетъ совсѣмъ иной, а именно слѣдующій: Если кто-либо, взявъ у Витеблянина, для продажи въ Ригѣ или другомъ мѣстѣ, *товаръ*, *загубитъ* (утратитъ или растратитъ) таковой, то онъ подлежитъ наказанію, если окажется, что растрата произошла по его небрежности или винѣ. Вѣрность моего объясненія доказывается параллельными мѣстами: статьею 68 Рус. Правды Карам. и ст. 55 Судебника 1497 г. Въ первой сказано: „а кто который купецъ, шедъ гдѣ любо съ чюжими коунами... въ безумии чюжъ товаръ потравитъ (истратитъ), то како любо тѣмъ, чьи то коуны, ждоутъ ли ему, продадоутъ ли его—своя имъ воля“; вторая же статья точно также гласитъ: ....„а кто у кого взявши что въ торговлю, да шедъ, пропіетъ или инымъ какимъ безуміемъ *погубитъ товаръ* свой безъ напрасньства, и того истцю въ гибели выдать головою въ продажу“. Такимъ образомъ мы видимъ, что слову „воскъ“ Витебской грамоты соотвѣтствуетъ въ другихъ памятникахъ слово „*товаръ*“.

---

[1]) Указан. выше изслѣдованіе, стр. 122, прим. 85.

д) *Утвердительная формула отдѣла устава о мѣрахъ и вѣсахъ.*

Подобно предыдущему отдѣлу, и настоящій заканчивается заключительною формулою о точномъ и непремѣнномъ исполненіи епископами возложенной на нихъ уставомъ обязанности подъ угрозою отвѣтственности предъ Богомъ за нарушеніе таковой. Текстъ этой формулы, по присоединеніи къ нему начальныхъ словъ предложенія, помѣщеннаго въ самомъ концѣ нашего устава: „а то все приказахъ епископу управливати“, представится въ такомъ видѣ:

[А то все приказахъ епископу управливати] [безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати]. А печалитиватися ему о томъ управленіи, якоже о душахъ человѣческихъ (Въ Мѣрилѣ Праведномъ прибавлено: За все то ему слово въ здати въ день суда великаго“). А не урядитъ, а мы то съ своей души сводимъ (это повторено еще разъ въ самомъ концѣ устава) Аще же управитъ епископъ сія управленія наша, блаженъ будетъ и небесному царствію наслѣдникъ будетъ“.

е) *О подвѣдомственныхъ церковной власти людяхъ и учрежденіяхъ.*

1) О церковныхъ людяхъ.

Ученые признаютъ неоспоримою ту мысль, что въ христіанской церкви правильная организація клира совершилась въ III стол. по Р. Х. не подъ вліяніемъ римскихъ государственныхъ идей, вызвавшимъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, различеніе клира, какъ ordo, отъ мірянъ, какъ plebs'a, а подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ ветхозавѣтныхъ возрѣній, относящихся къ состоянію и правамъ левитовъ [1]). Если это положеніе вѣрно вообще, то, въ частности, содержащійся въ нашемъ уставѣ перечень лицъ, отнесенныхъ къ составу церковнаго причта, показываетъ, что уставъ въ этомъ отноше-

---

[1]) См. проф. Сокольскаго: „О вліяніи герм. и кельт. права на систему каръ и покаяній западн. церкви“ въ Ж. М. Н. Пр. за 1882 г., Сент., стр. 2—15.—Н. С. Суворова: „Объемъ дисциплинарнаго суда“, Яросл., 1884 г., стр. 72, прим. 2.

ніи руководился именно идеями ветхозавѣтныхъ книгъ. Такъ, въ грамотѣ, данной царемъ персидскимъ Артаксерксомъ Эздрѣ—Священнику, читаемъ: „И даемъ вамъ (казначеямъ) знать, чтобы ни на кого изъ священниковъ, или левитовъ, пѣвцовъ, привратниковъ, *на ѳинеевъ* и служащихъ при этомъ домѣ Божіемъ, не налагать ни подати, ни налога, ни пошлины“ (1 кн. Эздры, гл. VII, ст. 24). Соотвѣтственно этому, къ составу лицъ, подлежащихъ исключительному вѣдѣнію и суду епископовъ и пользовавшихся полнымъ иммунитетомъ, отнесены въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Всеволода: „игуменъ, попъ, діаконъ (въ уставѣ Всев.: „и дѣти ихъ“; въ уставѣ Вл., вмѣсто того: „поповичъ“), а кто на клиросѣ (библейск.: „пѣвцы“), свѣчегасъ, пономарь (такъ въ Лѣтоп. Переяславля Суздальск. =биб. „привратники“), чернецъ, проскурница (вдовица).... *задушный человѣкъ*“. „Послѣднее выраженіе, говоритъ проф. Голубинскій, можетъ быть понимаемо двояко: или въ смыслѣ холопа, челядинца, пожертвованнаго кѣмъ-нибудь въ церковь или монастырь для спасенія души (за душу, pro anima datus), или холопа, вообще, отпущеннаго на волю при смерти“ [1]). Но сопоставленіе съ библ. *натинеями* заставляетъ склоняться въ пользу пониманія задушнаго человѣка въ первомъ значеніи,—въ смыслѣ человѣка, пожертвованнаго въ церковь или монастырь, ибо и натинси (въ подлинникѣ: nethinim), какъ обстоятельно объяснилъ А. Я. Гаркави, означали то самое, что у другихъ народовъ іеродулы—храмовые служители, контингентъ которыхъ пополнялся изъ военноплѣнныхъ, а въ мирныя времена пожертвованіями частныхъ лицъ. И достойно замѣчанія, что такія пожертвованія были чрезвычайно распространены именно среди евреевъ, населявшихъ Воспоръ и другія греческія колоніи въ нынѣшнемъ южно-русскомъ краѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденныя въ Анапѣ, Керчи и Ольвіи еврейскія надписи на греческомъ языкѣ, относящіяся къ первымъ тремъ вѣкамъ христіанской эры и составляющія документы объ освобожденіи рабовъ и рабынь, согласно

[1]) Ист. р. церкви, изд. 2-е, 1, стр. 626, прим. 10.

обѣту, подъ условіемъ, чтобы они посѣщали молитвенные дома и состояли подъ опекою синагоги [1]).

Кромѣ поименованныхъ церковныхъ людей, нашъ уставъ къ числу ихъ относитъ также *пущеника* (въ уст. Влад. *прощеникъ*) и *изгоевъ*. Объ этихъ категоріяхъ лицъ, для объясненія сущности коихъ мнѣ придется затронуть нѣкоторыя, чуждыя содержанію церковныхъ уставовъ, литературныя данныя, я признаю болѣе удобнымъ поговорить ниже особо, а пока продолжаю разборъ настоящаго отдѣла устава.

2) О подвѣдомственныхъ церкви богоугодныхъ учрежденіяхъ и богодѣльныхъ людяхъ.

„Монастыреве, больницы, гостинницы, страннопріимницы, стороникъ (въ уст. Владиміра: поломники, лѣчецъ), слышець, хромець".

Проф. *Голубинскій* въ предоставленіи епископамъ завѣдыванія означенными учрежденіями и суда надъ сказанными людьми усматривалъ одно изъ многочисленныхъ доказательствъ неподлинности устава Владиміра и, само собою разумѣется, устава Всеволода, такъ какъ, по словамъ этого историка русской церкви, „несомнѣнно, что при Владимірѣ, какъ и послѣ него, „*у насъ вовсе не было богоугодныхъ заведеній*" [2]). Профессоръ *Павловъ* же полагалъ, что учрежденія тѣ были извѣстны на Руси въ самыя древнѣйшія времена, и что образцомъ для нихъ послужили птохотрофіи, орфонотрофіи, ронтокоміи и другія подобныя благотворительныя учрежденія, которыя, по византійскимъ церковнымъ и государственнымъ законамъ (точнѣе, по юстиніанову законодательству), находились въ вѣдѣніи духовной іерархіи. Оспаривая этотъ взглядъ, проф. Н. С. *Суворовъ* доказывалъ, что постановленіе русскихъ церковныхъ уставовъ по сему предмету можно и должно производить только изъ западно-католической практики, ибо

---

[1]) Надписи эти напечаталъ съ переводами и объясненіями А. Я. Гаркави См. его: „Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси" и пр., Спб., 1866 г., стр. 43—56.

[2]) Ист. рус. церкви, изд. 2-ое, 1 стр. 401.

де на западѣ уже съ VIII вѣка стали появляться секуляризованные госпитали подъ свѣтскимъ управленіемъ, а въ XII—XIII вв. они сдѣлались весьма многочисленными; составитель же устава св. Владиміра зналъ эту западную практику и поэтому счелъ нужнымъ особо оговорить, что монастыри и страннопріимницы должны быть исключительно подвѣдомственны церковному суду [1]).

Между тѣмъ, ужъ если непремѣнно желательно разыскивать въ чужихъ законодательствахъ и въ чужой практикѣ образецъ для нашего устава въ обсуждаемомъ пунктѣ, то не ближе ли всего будетъ обратиться къ религіознымъ законамъ и практикѣ евреевъ, которые, слѣдуя предписаніямъ редактированной въ концѣ II в. Мишны, читаемымъ во время ежедневнаго утренняго богомоленія, признаютъ одною изъ важнѣйшихъ религіозныхъ обязанностей устройство странноили гостепріимницъ (hachnasat orchim; orech значитъ и странникъ и гость), больницъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, каковыя на дѣлѣ издревле и существовали и понынѣ существуютъ въ каждомъ почти еврейскомъ обществѣ, состоя въ завѣдываніи духовныхъ раввиновъ и представителей синагогъ, почему и русскій законъ, говоря „о предметѣ и образѣ дѣйствія еврейскихъ духовныхъ правленій“, постановляетъ, что „состоящимъ при синагогахъ и молитвенныхъ школъ, а *благотворительныхъ* заведеній“. (Сводъ зак. т. XI, ч. 1, изд. 1857 г., ст. 1074).

Что же касается лѣчцезъ, слѣпцевъ и хромцевъ, то Н. С. Суворовъ полагаетъ, что отнесеніе двухъ послѣднихъ категорій къ вѣдомству церковнаго суда должно быть также приписано исключительно вліянію средне-вѣковаго западно-католическаго права, такъ какъ эти разряды лицъ подходили на западѣ подъ общее понятіе personae miserebiles, состоявшихъ подъ особою опекою церкви [2]); лѣчець-же, по мнѣнію того же ученаго, упомянутъ опять-таки по примѣру

---

[1]) Къ вопросу о зап. вліяніи на др.-рус. право, стр. 359—361.

[2]) Слѣды зап.-кат. церковнаго права въ памят. др. рус. права, стр. 204.

запада, гдѣ при монастыряхъ состояли врачи изъ среды монаховъ.

Однако, всѣ эти сужденія не имѣютъ подъ собою никакой почвы, такъ какъ слово „лѣчець“, отсутствующее въ уставѣ Всеволода и находящееся только въ уставѣ Владиміра, очевидная описка, вмѣсто „слѣпець“, ибо не представляется ни малѣйшаго основанія принимать, что и при русскихъ монастыряхъ и больницахъ состояли въ старину врачи изъ состава духовенства, или что, вообще, врачи находились у насъ подъ опекою церкви. Самые же, „слѣпець“ и „хромець“ фигурируютъ въ обоихъ уставахъ только случайно. Извѣстно, что на Руси особенною популярностью и распространенностью пользовалось *слово* или *притча о слѣпцѣ и хромцѣ*, приписываемое обыкновенно Кирилу Туровскому и заимствованное, какъ значится въ приступѣ къ нему, будто бы изъ Евангельскихъ сказаній, а въ дѣйствительности изъ Вавилонскаго Талмуда, какъ указалъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, или, вѣрнѣе, изъ сборника талмудическихъ легендъ подъ заглавіемъ „Midrasch rabboth“, какъ доказано мною въ статьѣ: „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы“ [1]). И вотъ составитель, или переписчикъ нашего устава, наслышавшись, что въ „словѣ“, читавшемся въ церквахъ для назиданія народа, толкуется о томъ, что хромой и слѣпой, коимъ уподобляются тѣло и душа человѣческія, за учиненныя ими сообща согрѣшенія подвергаются совокупно и суду, и наказанію, счелъ умѣстнымъ причислить и ихъ къ разрядамъ лицъ, подлежащимъ суду церкви. Признаюсь, что это объясненіе не болѣе какъ догадка. Но вѣдь не чѣмъ инымъ и нельзя объяснить той странности, что подвѣдомственными суду епископовъ показаны только слѣпцы и хромцы, а не, напр., безрукіе, глухонѣмые и прочіе несчастные калѣки. Да и вообще невозможно допустить, чтобы всякій хромой, напр., былъ исключенъ совершенно изъ подсудности князю и подлежалъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ вѣдѣнію церкви. Слѣдовъ такого порядка русское право и не представляетъ вовсе.

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. за 1891 г., іюнь.

3) Объ общемъ или сместномъ судѣ.

Чтобы покончить съ разсматриваемымъ отдѣломъ, приведу заключительную его часть, восполнивъ ея текстъ двумя фразами. А именно: въ предыдущемъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о мѣрахъ и вѣсахъ, имѣется, какъ мы видѣли, сочетаніе: „и пудъ медовый и гривенка рублевая и всякая извѣсь, *иже на торгу промежу людми*“. Я раньше уже замѣтилъ, что фраза: „иже на торгу“ должна быть приставлена къ стоящимъ нѣсколькими строками ниже словамъ: „Св. Ивану“, что вмѣстѣ и означаетъ; церкви Св. Іоанна, расположенной на торговой площади [1]). Теперь же отнимаю отсюда и фразу: „*пролежу людми*“ для перенесенія ея въ анализируемый отдѣлъ о церковныхъ людяхъ. Сюда же переношу изъ дополнительнаго сегмента, начинающагося: „А се правило Собора Никейскаго“, втиснутыя въ самую середину его слова, не имѣющія никакой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ предложеніями: „*И азъ сія самъ вѣдихъ предъ собою*“. По приставкѣ означенныхъ двухъ фразъ къ заключительной части разсматриваемаго теперь отдѣла получится такой текстъ:

„То люди церковныа, богадѣльные; или митрополитъ, или епископъ [или кому прикажуть], тыи вѣдають между ими [вар.: *промежутыми людьми*] судъ, или обиду, или котораго (чит.: *котора*), или задниица. Или будеть иному человѣку съ тыми людми рѣчь (*и азъ сія самъ вѣдихъ* (чит.: вѣдаю ихъ) *предъ собою*) или обчій судъ“. Т. е. дѣла по спорамъ между посторонними лицами и церковными людьми подлежатъ разбирательству или самого князя, или же общаго суда.

Наконецъ настала пора повести рѣчь:

---

[1]) Что касается сочетанія: „*гривенка рублевая*“, то я въ непомѣщенномъ здѣсь первомъ отдѣлѣ настоящей моей работы указалъ, что оно въ части устава, въ которой говорится о мѣрахъ и вѣсахъ, не имѣетъ никакого смысла, а надлежащее его мѣсто—въ вступленіи къ уставу, гдѣ рѣчь идетъ о пожалованіи десятины церкви Св. Богородицы: здѣсь-то послѣ словъ: отъ всякаго княжа суда десятую вѣкшу прибавлена было первоначально, въ видѣ варіанта: фраза: „гривенка рублевая“.

4) О пущеникахъ (прощеникахъ) и изгояхъ.

„Изгои трои: поповъ сынъ, грамотѣ не умѣеть, холопъ исъ холопства выкупится, купець одолжаеть, а се и четвертое изгойство и сего приложимъ“.

Профессоръ *Мрочекъ-Дроздовскій* посвятилъ этому „классическому мѣсту“ пространное изслѣдованіе, въ которомъ представилъ литературную исторію толкованія реченія „изгои“, отмѣтивъ въ ней разныя направленія, и въ концѣ концовъ заключилъ, что, „изъ всѣхъ историковъ, къ вѣрному и всестороннему рѣшенію вопроса объ изгоѣ пришелъ только покойный С. М. Соловьевъ, пытливый умъ котораго, обогащенный всѣми сокровищами историческаго вѣдѣнія и филологіи, проникъ въ тайну древняго изгойства и освѣтилъ его для нашихъ дней“. Разгадка же тайны, предложенная С. М. Соловьевымъ, заключается, говоритъ названный изслѣдователь, въ слѣдующихъ немногихъ, но драгоцѣнныхъ словахъ: „изгоемъ былъ вообще человѣкъ, почему-либо не могущій остаться въ прежнемъ своемъ состояніи и не примкнувшій еще ни къ какому новому“ [1]). Но, при всемъ преклоненіи предъ авторитетомъ незабвеннаго историка Россіи, я беру смѣлость постановленное имъ по занимающему насъ теперь вопросу рѣшеніе перенести, въ порядкѣ ревизіонномъ, въ высшую инстанцію—логики здраваго смысла. Переобсуждая уже это рѣшеніе со стороны лочической, нельзя не убѣдиться въ полнѣйшей его несостоятельности. И дѣйствительно, разсмотримъ порознь каждый изъ указанныхъ въ уставѣ Всеволода четырехъ видовъ изгойства. *Негрмотный поповичъ*. Да развѣ онъ, по причинѣ безграмотства, исключался изъ прежняго своего состоянія? Кромѣ того, о священическихъ сыновьяхъ вѣдь въ уставѣ сказано отдѣльно, что они составляютъ разрядъ церковныхъ людей, при чемъ не различаются вовсе грамотные отъ неграмотныхъ. Для чего же понадобилось бы вторично упомянуть о нихъ, какъ особомъ видѣ изгоевъ? Затѣмъ возьмемъ *холопа, выкупившагося изъ холопства*.

---

[1]) „Изслѣд. о Рус. Правдѣ“, Прилож. ко 2-му выпуску, стр. 75.

Развѣ примѣнимъ къ нему признакъ изгойства, установленный С. М. Соловьевымъ? Вѣдь, выкупившись, на свободу, прежній холопъ тѣмъ самымъ примкнулъ къ новому состоянію—„свободныхъ мужей“. И какое вообще имѣется основаніе для включенія вольноотпущенниковъ въ кругъ людей церковныхъ? Говорятъ, что, хотя юридическое положеніе выкупившихся изъ холопства не ухудшалось, а наоборотъ улучшалось противъ прежняго, но за то матеріальное ихъ состояніе становилось обыкновенно незавиднымъ, такъ какъ, если господа брали большой выкупъ за дарованіе свободы, то вольноотпущенный холопъ оказывался безъ всякихъ средствъ къ существованію [1]). Но въ такомъ случаѣ послѣдовательность требовала бы причислить къ церковнымъ людямъ съ большимъ еще основаніемъ самыхъ холоповъ и всѣхъ вообще неимущихъ и обездоленныхъ, и оставить въ юрисдикціи князя развѣ только одни состоятельные классы. Далѣе *задолжавшійся купецъ*. Спрашивается, по какому резону банкротъ долженъ пользоваться покровительствомъ церкви и подлежать церковному суду? Изъ Русской Правды извѣстно, напротивъ, что дѣла о несостоятельности подлежатъ вѣдѣнію княжескаго суда и что неоплатный должникъ продавался въ холопство, а вырученными отъ продажи деньгами удовлетворялись кредиторы и прежде всего взыскивался долгъ князю (ст. 69 Карамз.). Наконецъ, *осиротѣвшій князь*. Развѣ, лишившись родителей, князь переставалъ быть княземъ, „выходилъ“ изъ прежняго своего состоянія, становился изгоемъ въ общепринятомъ теперь смыслѣ этого термина? Думаютъ, что положеніе сироты-князя при господствовавшей въ княжескихъ отношеніяхъ системы захватовъ было особенно печально. Но, во 1-хъ, бѣдственное положеніе,—это вѣдь уже совсѣмъ новый признакъ изгойства, установленный В. И. Сергѣевичемъ, но совершенно отличный отъ признака, опредѣленнаго С. М. Соловьевымъ; во 2-хъ, развѣ менѣе, если не гораздо болѣе, печально было положеніе сироты—боярина, купчины или смерда? Почему же уставъ остановился только на сиротѣ-князѣ? Теперь коснемся этимологіи слова „изгой“.

[1]) См. проф. Сергѣевича: „Рус. юрид. древности“, 1902 г., стр. 273.

Проф. Мрочекъ-Дроздовскій представилъ въ упомянутомъ своемъ очеркѣ сводъ результатовъ, къ которымъ пришли изслѣдователи, разсматривавшіе интересующій насъ терминъ со стороны корнесловія. Изъ этого свода толкованій узнаемъ, что проф. *Морошкинъ* указывалъ корень „изгоя“ въ готскомъ языкѣ, въ коемъ uss-gauja значитъ будто бы: изгнанникъ изъ волости,—тоже, что wargus, fargus, farbannitus варварскихъ кодексовъ,—т. е. лицо, не имѣющее пристанища, чуждое обществу, какъ всякій хищникъ, волкъ. Проф. же *Ивановъ* отсылалъ за корнемъ разсматриваемаго слова къ Иллирійцамъ: иллирійское izhajati значитъ де *выходитъ*. *Микуцкій*, съ которымъ согласенъ и *В. И. Сергіевичъ* [1]), отыскалъ корень слова „изгой“ въ латышскомъ языкѣ, на коемъ izgois значитъ: *вышедшій*. Самъ же проф. Мрочекъ-Дроздовскій, предпочитая держаться въ предѣлахъ отечественнаго языка, находитъ, что, такъ какъ слово: „гой“ означало: *жизнь*, *спокойствіе*, миръ, а *миръ* первоначально значило то же что и *міръ*, общество, то *отсюда ясно*, что из-гой значило человѣка, стоящаго внѣ міра, общества, а потому *внѣ мира*, закона общежительнаго, другими словами, изгоемъ назывался всякій гулящій человѣкъ, бездомокъ, шатунъ“ [2]).

Нечего я думаю, доказывать, что всѣ эти филологическія толкованія—плодъ досужей фантазіи. По крайней мѣрѣ относительно сближенія изгоя съ готскимъ uss-gauja проф. *Ѳ. И. Буслаевъ* еще въ 1850 г. прямо заявилъ, что это „выдумка небывалаго и небыточнаго“, ибо въ готскомъ языкѣ такого слова и не было вовсе [3]). Но то же самое можно сказать и о другихъ вышеуказанныхъ словопроизводствахъ.

Между тѣмъ представляется возможность установить вполнѣ точно словарное значеніе и вмѣстѣ съ тѣтъ этимологію слова „изгой“, не прибѣгая къ лингвистической эквилибристикѣ, а лишь при помощи простыхъ, домашнихъ, такъ сказать,

---

[1]) Указ. сочин., стр. 274.

[2]) П. Мрочекъ-Дроздовскій, указ. сочин., стр. 49—53.

[3]) См. въ „Москвитянинѣ“ за 1850 г. № 9, Май, кн. I, отд. крит. и библіогр., стр. 29, статью Ѳ. Буслаева: „Лингвист. недоразумѣніе“.

средствъ,—при помощи отечественныхъ же памятниковъ письменности. Такъ, въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г. имѣется такое мѣсто.

„А се даю святѣй Богородицѣ и епископу *прощеники* съ медомъ и кунами и съ вирою и съ продажами“ [1]). Въ той же грамотѣ говорится дальше: „Село Дросенское со *изгои* и съ землею святѣи Богородици и епископу и село Ясенское и съ бортникомъ и съ землею и съ *изгои* святѣи Богородици и епископу“. Не очевидно ли, что „прощенники“ и „изгой“ употреблены здѣсь, какъ различныя наименованія одного и того же класса людей, сидѣвшихъ на землѣ своимъ дворомъ, своимъ хозяйствомъ и носившимъ извѣстныя повинности въ пользу собственника, словомъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ - крестьянъ, какъ это признаетъ, впрочемъ, въ *отношеніи даннаго мѣста* и самъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій [2]). Далѣе, тождественность значенія терминовъ „прощеникъ“ и „изгой“ явствуетъ и изъ того, что, по приведенному тѣмъ же писателемъ свидѣтельству Псковской лѣтописи, существовало княжеское село.

Изгои, а равно изъ Ярославова устава о мостовыхъ извѣстно, что и въ Новогородѣ была мѣстность „Изгои“; возлѣ Пскова же, по свидѣтельству Новогородской 1-й лѣтописи подъ 1352 г., существовала мѣстность подъ названіемъ „Прощеникъ [3]), а въ Порховскомъ уѣздѣ было и есть село *Прощеницы* [4]). Несомнѣнно, что тѣ и другія мѣстности, хотя именовались различно, получили свое названіе отъ вороннаго въ нихъ одного и того-же класса населенія,—сидѣльцевъ земли, крестьянъ. Необходимо при этомъ принять еще во вниманіе, что, вмѣсто *прощеника* церковнаго устава Владиміра, въ уставѣ Всеволодовомъ имѣется *пущеникъ*. Такимъ образомъ предъ нами три тождественныхъ по

---

[1]) Христоматія проф. Вл.—Буданова, I, изд. 5-е, стр. 257.

[2]) Указ. соч., стр. 73.

[3]) Ср. Мат. для слов. др. рус. яз. И. И. Срезневскаго, подъ словомъ „Прощеникъ“.

[4]) „Очерки“ р. истор. географіи Н. П. Барасова, 1885 г., стр. 178.

смыслу термина: изгой, прощеникъ и пущеникъ. Глаголъ же *пущати*, между прочимъ, значитъ изгонять, прогонять, но вмѣстѣ съ тѣмъ: *освобождать*, отпускать на волю, откуда: пущеница—отпущенная, разведенная жена, называемая также: „отогнанная жона (repudiata), подобно тому, какъ на языкѣ Талмуда и Таргумовъ (халдейско-армейскихъ переводовъ Ветхозавѣтныхъ книгъ) глаголъ *tharech*, какъ замѣчено уже мною выше, означаетъ и *прогонять*, и *освобождать*, откуда *m'tharcha*—отпущенная, прогнанная жена, sphar theruchin—разводная, увольнительная (таранная) грамота. А коль скоро намъ доподлинно извѣстно значеніе слова пущеникъ, то для насъ открывается смыслъ и двухъ остальныхъ синономическихъ терминовъ. Впрочемъ, значеніе слова прощеникъ, или иначе прощенный, въ смыслѣ вольноотпущеннаго, освобожденнаго, ясно и само по себѣ изъ слѣдующаго мѣста. Ефремовской Кормчей, написанной около 1100 года. „Въгодьно есть, да вьси *раби* и вьси *прощенни* на оглание не приняти боудуть“ [1]). И такъ: изгой, равно какъ и прощеникъ, и пущеникъ, значитъ *только* уволенный или, иначе, изгнанный изъ рабства, холопства. Послѣ этого можно уже, не рискуя сильно ошибиться, объяснить и этимологію этого слова: оно ничто иное, какъ титловое сокращеніе слова: изгонии, или изгоники, подобно другимъ такого же рода сокращеніямъ, встрѣчающимся въ древнихъ бытописательныхъ и юридическихъ памятникахъ. Вспомнимъ столь затруднявшее изслѣдователей „Норци“ Древней лѣтописи, которое, по объясненію Гедеонова, является только неправильныхъ сокращеніемъ слова Новогородци [2]). Укажу еще съ своей стороны, но выраженіе Рус. Правды (ст. 100 Кор.) „*запъ нань боудетъ*, которое комментаторами посажено было на филологическую дыбу, чтобы вымучить изъ него разные звуки, напоминающіе языки латинскій, французскій, нѣмецкій, малороссійскій, а между тѣмъ оно, по моему мнѣнію, должно читаться просто: *закупъ нань будетъ*, какъ это я рязъясню подробно въ другомъ мѣстѣ.

---

[1]) И. И. Срезневскаго, матеріалы, подъ словомъ „прощеный“.

[2]) Ср. Н. П. Барсова, указ. соч., стр. 249.

Въ подтвержденіе же моей догадки о словопроизводствѣ изгоя сошлюсь на то, что въ Татищ. Погодинскомъ спискѣ Русской Правды, вмѣсто читаемаго въ 1-й ст. Акад. и Карам. списковo „изгой“, стоитъ „изгонъ“ [1]). Возможно, поэтому, что въ первоначальномъ текстѣ стояло именно: изгоныи или изгонии, во множ. числѣ. Какъ бы то ни было, повторяю: изгой значитъ вольноотпущенный, который за дарованную ему личную свободу часто, вмѣсто уплаты сполна выкупной суммы, обрабатываетъ въ пользу владѣльца опредѣленный участокъ земли и отбываетъ нѣкоторыя повинности въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ, иначе говоря, становится, выражаясь по нынѣшнему, временно-обязаннымъ крестьяниномъ.

Мнѣ, однако, возразятъ, что предложенное мною толкованіе слова изгой противорѣчитъ вѣдь буквальному смыслу „классическаго мѣста“, указывающаго, что понятіе объ изгояхъ не исчерпывалось одними выкупившимися изъ холопства, но простиралось еще на другіе три разрада лицъ. Противъ этого заявляю, что означенное мѣсто, надѣлавшее столько хлопотъ самымъ выдающимся русскимъ историкамъ, юристамъ и филологамъ, въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ анализируемымъ памятникомъ, заключая въ себѣ не свидѣтельство объ изгояхъ, какъ о церковныхъ людяхъ, а поговорку, составленную по образцу числовыхъ изреченій, которыми столь изобилуютъ библейская и талмудическая письменности. Дѣло въ томъ, что уже въ Библіи попадаются часто притчи, въ коихъ объединено въ одну группу извѣстное число лицъ, либо предметовъ, либо явленій, отличающихся какимъ-нибудь общимъ имъ всѣмъ признакомъ, или общимъ присущимъ имъ качествомъ. Такъ, напр.: „вотъ три ненасытныхъ и четыре, которые не скажутъ: „довольно“! Преисподняя и утроба безплодная, земля, которая не насыщается водою и огонь“ . . . Или: „Три вещи непостижимы для меня и четырехъ я не понимаю: пути орла на небѣ, пути

---

[1]) Калачовъ, „Предвар. юрид. свѣд. для полн. объясн. Рус. Правды“ 1880 г., стр. 179, вып. d.

змѣя на скалѣ и пр.“. Или: „Отъ трехъ трясется земля и четырехъ она не можетъ носить: раба, когда онъ дѣлается царемъ, глупаго, когда онъ досыта ѣстъ хлѣбъ“ и т. д. [1]). Но особенно въ Талмудѣ и агадическихъ сборникахъ такого рода поговорки встрѣчаются въ необозримомъ множествѣ. Беру для примѣра четыре такихъ изреченій изъ числа нѣсколькихъ, приведенныхъ на одной и той же страницѣ одного изъ фоліантовъ Талмуда: „*Трои*мъ жизнь не въ жизнь: черезчуръ сердобольному, гнѣвливому и меланхолику. *Трои ненавидятъ* другъ друга: собаки, пѣтухи и Хабурен (персидское племя, притѣснявшее евреевъ), а нѣкоторые прибавляютъ: и ученые Вавилоніи. *Трои* любятъ другъ друга: прозелиты, рабы и вороны. *Четырехъ* мнѣніе (общественное) терпѣть не можетъ бѣдняка заносчиваго, богача льстиваго, старика любодѣя и правителя, кичащагося напрасно [2]).

Такое же точно числовое изреченіе содержится и въ упомянутомъ мѣстѣ нашего устава, долженствующемъ читаться такъ: „*Трои*: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ исъ холопьства выкупится (варіанты: *изгой*, *прощеникъ*, или *пущеникъ*), купець одолжаетъ, а се и четвертое.... аще князь осиротѣеть“ [3]).

Смыслъ же изложеннаго въ такомъ видѣ изреченія самъ собою ясенъ: рѣчь идетъ о группѣ лицъ, которыя, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, не могутъ въ полной мѣрѣ использовать свое льготное, привилегированное сословное положеніе. Такъ, *поповичъ* носитъ почетное званіе и является естественнымъ кандидатомъ на санъ священника, но, если онъ неграмотенъ, званіе для него лишь пустой звукъ. *Холопъ*, выкупившійся изъ холопства (изгой), считается юридически свободнымъ человѣкомъ, но наслаждаться вполнѣ своею сво-

---

[1]) Притчи Солом., гл. XXX.

[2]) Талмудъ Вавил. трактатъ Pelsachin, л. 113а.

[3]) Слова: „и отъ сего приложимъ“—не относятся сюда, а должны быть переставлены въ слѣдующій сегментъ, заключающій въ себѣ заклинательную формулу, о чемъ поговорю еще ниже; слово же „изгойство“ послѣ числительнаго „четвертое“, какъ мы уже видѣли выше, должно быть перемѣщено, въ перечень предметовъ церковной подсудности.

бодою онъ не можетъ, такъ какъ обыкновенно, не располагая нужною для выкупа суммою, онъ вынужденъ былъ еще оставаться въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ прежняго владѣльца, пока не отработаетъ эту сумму. Кромѣ того, вольноотпущенный былъ ограниченъ и въ юридическихъ своихъ правахъ, ибо изъ Русской Правды мы знаемъ, что, напр. закупъ, хотя онъ и не былъ холопомъ, допускался къ свидѣтельству лишь въ крайнихъ случаяхъ, „по ноумѣ“, и только въ незначительныхъ тяжбахъ (ст. 77 Кар.). Равнымъ образомъ *задолжавшемуся купцу* и *осиротьвшему*, т. е. обнищавшему князю (въ славянскомъ переводѣ Библіи *сирота* употребляется иногда въ значеніи нищаго), сословная ихъ честь не идетъ въ прокъ, по пословицѣ: на что и честь, коли нечего ѣсть.

И такъ вотъ смыслъ пресловутаго мѣста якобы объ изгояхъ. Появленіе же послѣдняго именно въ данномъ отдѣлѣ устава какъ нельзя проще можетъ быть объяснено тѣмъ, что обладатель экземпляра рукописнаго устава, находя въ числѣ церковныхъ людей также упоминаніе о поповичѣ и задушномъ человѣкѣ, т. е. рабѣ, отпущенномъ на волю и пожертвованномъ въ пользу церкви, по ассоціаціи идей вспомнилъ означенное числовое изреченіе, въ которомъ также говорится о священническихъ сынѣ и о вольноотпущенномъ холопѣ, изгоѣ, и отмѣтилъ его на поляхъ рукописи, откуда замѣтка при дальнѣйшихъ переписках памятника и попала въ самый текстъ.

Въ заключеніе, по поводу пристегнутой случайно къ нашему церковному уставу числовой поговорки, замѣчу, что и числовой духовный стихъ, распространенный особенно среди русскаго и другихъ славянскихъ народовъ и извѣстный подъ названіемъ „Пѣсни Евангелистой“, представляется лишь передѣлкою стихотворенія, распѣваемаго евреями въ первые два пасхальные вечера за трапезою и помѣщеннаго въ молитвенныхъ сборникахъ. Но тѣсныя рамки настоящей моей работы не позволяютъ мнѣ вдаваться здѣсь въ подробности по сему предмету.

Мнѣ остается разсмотрѣть еще одно послѣднее сказаніе:

5) *Заклинательную или устрашительную формулу, завершающую центральную часть устава.*

Въ этой формулѣ, начинающейся сочетаніемъ: „яко же есмы управимъ“ и заканчивающейся словами: „А тая вся дѣла святѣй Софѣи и всему Новугороду моимъ мужемъ 18-ти сочнымъ... Аминъ“ [1]), поводъ къ критическому сомнѣнію представляетъ числительное: „*18-ти*“, взамѣнъ котораго въ спискѣ, напечатанномъ высокопреосв. Макаріемъ, значится прописью „*десяти*“. Спрашивается, какое изъ этихъ двухъ чтеній умѣстнѣе и почему, вообще, указано опредѣленное число только сотскихъ, предпочтемъ ли мы остановиться на цифрѣ восемнадцати, или же десяти, и не означено вовсе число другихъ, упоминаемыхъ въ уставѣ, органовъ княжескаго и общественнаго управленія: намѣстниковъ, бояръ („мужей“) тіуновъ, старостъ, десятниковъ? Эти недоумѣнія естественно наводятъ на мысль о порчѣ преданія. И дѣйствительно, при помощи лишь нѣкоторой сообразительности легко догадаться, что въ первоначальномъ текстѣ стояло: „моимъ мужемъ *и* сочкымъ“, но одинъ писецъ, вмѣсто *и* восьмиричнаго, написалъ *і* десятеричное, а другой, принявъ эту послѣднюю простую букву за цифровую, написалъ прописью „десяти“, почему и явилось безсвязное сочетаніе: моимъ мужемъ *десяти* сочкымъ“. Что же касается имѣющагося въ разсматриваемомъ спискѣ нашего устава слова „18-ти“, то его нужно прочитать справа влѣво, какъ читаютъ семиты, и получится т҃. и п҃і., т. е. 300 и 18=318, при чемъ само собой разумѣется, что это слово здѣсь интерполированно, ибо оно относится не къ сотскимъ, а къ упомянутымъ въ обсуждаемой формулѣ двумя строчками выше святымъ отцамъ. Но, кромѣ сказанной поправки, необходимо дополнить нашу формулу нѣсколькими недостающими въ ней выраженіями и оборотами, запрятанными въ другихъ уголкахъ обозрѣваемаго памятника. А именно сюда слѣдуетъ перенести: 1) изъ отдѣла о мѣрахъ и вѣсахъ уже не разъ упомянутую начальную фразу, неправильно истолкованную проф. М. Ф. Вл.-Будановымъ: „О всѣхъ сихъ, что

[1]) Христоматія проф. Владимірскаго-Буданова I, изд. 5, стр. 246.

предписано дръжахъ за (чит.: со) своими бояры"; 2) изъ мѣста объ изгояхъ—выраженіе: „отъ сего приложимъ"; 3) изъ многократно указаннаго мною дополнительнаго постановленія о правахъ наслѣдованія дѣтей, рожденныхъ отъ третьяго и четвертаго браковъ, начинающагося: „А се правило *Никейскаго Собора*"—послѣднія два подчеркнутыя слова и, сверхъ того, слова: „отлучени", „а не Богомъ благословеніе" и „управихъ заповѣдми, по преданію святыхъ отець", и 4) изъ заключительнаго мѣста устава—фразу: „а смотря въ манаканунъ".

По заполненіи пробѣловъ нашей формулы всѣми означенными отрывками, текстъ ея представится въ такомъ видѣ:

[О всѣхъ сихъ, что предписано, держахъ со своими бояры якоже есмы управилѣ по святыхъ отець правиломъ [вар.: управихъ заповѣдми, по преданію святыхъ отець] и по пръвыхъ и благовѣрныхъ царей и князей уряженію, [а смотря въ Манакунъ, [(ни) *приложилъ* (къ сему, ни убавилъ) отъ сего] „Или кто пообидить суды церковныя, да будуть прокляти [вар.: отлучени] въ сій вѣкъ и въ будущей седмію соборы святыхъ отець вселенскыихъ [вар.: *и неблагословеніе* (святыхъ отецъ) [*Никейскаго Собора*] [*300 и 18*]. А тая вся дѣла приказа святѣй Софѣи и всему Новугороду (и) моимъ мужемъ *и* сочкымъ, а вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предъ лицемъ Царя славы. Аминь".

Представлять доказательства правильности моихъ коньектуръ, относящихся къ приведенному сегменту, я считаю излишнимъ, хотя могъ бы указать на параллельныя мѣста изъ церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава, и другихъ памятниковъ, вполнѣ оправдывающія умѣстность произведенныхъ мною поправокъ. Остановлюсь только на поправкѣ выраженія: „и сего приложимъ", перенесеннаго сюда изъ сочетанія: „а се и четвертое изгойство и сего приложимъ, аще князь осиротѣеть". Анализируя это предложеніе, проф. Мрочекъ-Дроздовскій въ вышеозначенномъ своемъ изслѣдованіи объяснилъ его такъ: „глаголъ *прилагати*, *прикладывати* говоритъ онъ, въ древне-русскомъ языкѣ имѣлъ, между прочимъ, значеніе отдачи кого либо въ чью либо власть: поэтому, напр.,

человѣкъ, находившійся подъ епитимьею и, т. об., временно считавшійся подъ юрисдикціей церкви, назывался *прикладнемъ*. Зная, продолжаетъ профессоръ, такое значеніе глагола *прилагати, прикладывати* а, съ другой стороны, имѣя въ виду практическую цѣль закона, *нельзя усомниться*, что четвертое изгойство Всеволодова устава, *прилагаемое* князьями къ себѣ самимъ было изгойствомъ, такъ сказать, подсуднымъ самимъ князьямъ, княжескому роду и такимъ образомъ изъятое отъ юрисдикціи церкви“ [1]).

Но относительно этого объясненія можно только повторить замѣчаніе Ѳ. И. Буслаева по поводу производства слова „изгой“ отъ готскаго uss-gauja,—что оно „выдумка небывалаго и несбыточнаго“, ибо нельзя привести ни одного примѣра употребленія глагола *прилагати* въ смыслѣ: отдать кого либо въ чью-либо власть, а значитъ этотъ глаголъ большею частію *прибавлять*, *умножать*, не говоря уже о томъ, что и самое понятіе о князѣ-изгоѣ является лишь плодомъ лингвистическаго и историко-юридическаго недоразумѣнія, такъ какъ я выше уже указалъ, что въ нашемъ уставѣ нѣтъ и рѣчи объ изгояхъ, вообще, и о князѣ-изгоѣ въ частности, въ разсужденіи ихъ подвѣдомственности юрисдикціи церковной, либо княжеской. Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что въ предъидущемъ отдѣлѣ устава—о мѣрахъ и вѣсахъ—употребленъ оборотъ: „епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати“, взятый несомнѣнно изъ Второзаконія (XII, 32, или, по евр. нумераціи XIII, 1): „всяко слово, еже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, сіе снабди творити: да *не приложиши* къ сему, ни отимеши отъ него“—можно безошибочно заключить, что и слова: „и сего приложимъ“ составляютъ остатки вырваннаго или стертаго въ подлинникѣ предложенія: „*ни приложилъ* къ сему (т. е. номоканону), ни убавилъ (или умалилъ) отъ сего“.

Замѣчу еще слѣдующее. По поводу выраженной въ заключительной формулѣ нашего устава (по возстановленному мною тексту ея), а равно и другихъ русскихъ церковныхъ

---

[1]) Проф. Мроч.-Дрозд., указ. соч., стр. 61—62.

уставовъ угрозы нарушителямъ неприкосновенности церковныхъ суда и привиллегій проклятіемъ св. отцовъ Никейскаго Собора 318-й, проф. Н. С. Суворовъ обращаетъ вниманіе на то, довольно любопытное, по его словамъ, обстоятельство, что эта формула обычно употребляется въ дарственныхъ на пользу церкви грамотахъ у южныхъ славянъ, особенно у хорватовъ въ Далмаціи, принявшихъ римско-католическое христіанство,—изъ чего многоуважаемый канонистъ и выводитъ заключеніе, что устрашительная формула русскихъ церковныхъ уставовъ явилась подъ вліяніемъ католическаго запада, гдѣ къ первому вселенскому собору относились всегда съ особеннымъ почтеніемъ [1]). Но позволяю себѣ указать на односторонность означеннаго взгляда, опираясь на авторитетъ извѣстнаго византиниста Цахаріа-фонъ-Лингенталя, по свидѣтельству котораго въ Византіи *частные* договоры и обязательства обыкновенно заканчивались оговорками, направленными къ обезпеченію исполненія актовъ. Въ этихъ оговоркахъ лица, выдающія акты, за попытки нарушать таковые подвергаютъ себя и своихъ правопреемниковъ слѣдующимъ наказаніямъ: 1) они должны быть αυηχὸνστοι, т. е. ихъ не должно выслушивать ни въ какомъ судѣ, 2) должны терпѣть, между прочимъ, проклятіе 318-и святыхъ богоносныхъ отцовъ (τὴν αρὰν τῶν, τιη αγιὼν θεοφόρων πατέρων)—каковое проклятіе замѣнило собою прежнія угрозы изверженіемъ изъ христіанской общины, и 3) должны были уплатить неустоичныя пени (πρὸστιμα) въ пользу лицъ, коимъ акты выданы, а также въ пользу императорской или государственной казны (Βεσιάριον или δημὸσιος) [2]).

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что обыкновеніе включать въ устрашительныя формулы, коими заканчиваются русскіе церковные уставы и жалованныя грамоты въ пользу церквей угрозы денежнымъ штрафомъ и „неблагословеніемъ святыхъ отець, иже въ Никѣи 318“, заимствовано не изъ западно-католическихъ грамотъ, а изъ свѣтской юридической практики

---

[1]) „Слѣды Зап.-католич. церк. права въ пам. др.-рус. права“, стр. 214.

[2]) См. „Beiträge zur Geschichte des byz. Urkundenwesens“ въ Byzant. Zeitschrift, B. II, Heft 2, за 1893 г., стр. 182.

Византіи. Вмѣстѣ уже съ тѣмъ указаніе Цахаріа Ф. Лингенталя на то, что въ заключительныхъ частяхъ актовъ угроженіе проклятіемъ св. отцовъ Никейскаго Собора заступила мѣсто прежней угрозы изверженіемъ изъ христіанскаго сообщества—объясняетъ сохранившійся въ формулѣ Всеволода устава варіантъ: „Или кто пообидить суды церковныя да будуть отлучени“. Прибавлю еще, что и въ еврейскихъ юридическихъ актахъ и договорахъ лицо обязывающееся подтверждаетъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ и правопреемниковъ обѣщаніе исполнить свое обязательство подъ страхомъ подвергнуться, въ случаѣ нарушенія постановленныхъ въ актѣ условій, „*тяжкому херему*“ (отлученію).

ж) *Два законоположенія по наслѣдственному праву.*

Я прошелъ довольно обширное поле кропотливыхъ разысканій, направленныхъ къ возстановленію текста и объясненію одного изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древне-русскаго права и быта. Если меня и теперь упрекнутъ, какъ это сдѣлали уже раньше, въ томъ, что я часто уклонялся въ сторону отъ своей темы и что моя работа „пропзводитъ впечатлѣніе пестроты“, то такой упрекъ, особенно на сей разъ, едвали будетъ основателенъ, такъ-какъ пестрота изложенія обусловлена самымъ содержаніемъ разсмотрѣннаго памятника, являющагося какъ бы оглавленіемъ цѣлой книги, трактующей о разнородныхъ предметахъ и вопросахъ.

Остается мнѣ еще разобрать дополнительныя приписки къ нашему уставу, обнимающія два правила будто бы Никейскаго Собора о правѣ наслѣдованія: 1) дѣтей, рожденныхъ отъ третьяго и четвертаго браковъ и 2) сестеръ при братьяхъ послѣ умершаго отца,—правила, изъ коихъ второе послужило для меня внѣшнимъ поводомъ къ производству качественнаго анализа нашего устава во всемъ его объемѣ.

Приступая къ обсужденію этихъ добавочныхъ приписокъ я, согласно постановленной себѣ критической задачѣ, долженъ сперва обозначить замѣченныя въ нихъ несообразности, указывающія на наличность несомнѣнной порчи текста

и затѣмъ, удаливъ искаженія, возстановить черты подлинника.

Что касается несообразностей, то ихъ и не приходится долго розыскивать: онѣ прямо бьютъ въ глаза. Начать съ заголовка: „А се правило Собора Никейскаго, сія изыскахъ“. Въ этой ссылкѣ на постановленія перваго вселенскаго собора, который въ дѣйствительности никакихъ правилъ, относящихся къ области наслѣдственнаго права, вовсе не издавалъ, проф. Н. С. Суворовъ, усмотрѣлъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ „сознательной безцеремонности, которую позволяли себѣ старинные книжники въ ссылкахъ на св. Писаніе и на каноны и совершенно ясное, очевидное доказательство фальсификаціи духовенствомъ устава Всеволода, равно, какъ и церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава,—съ цѣлію отстаивать церковныя права и преимущества“ [1]).

Между тѣмъ, если приведенный заголовокъ можетъ служить „яснымъ и очевиднымъ доказательствомъ“ чего либо, такъ развѣ только того, въ какія заблужденія постоянно впадаютъ самые выдающіеся, обладающіе всестороннѣйшими знаніями дѣла, изслѣдователи русской старины, строющіе свои смѣлые выводы на свидѣтельствѣ памятниковъ древней письменности безъ предварительной критической разработки текста послѣднихъ. Въ данномъ случаѣ столь энергично заявленное проф. Суворовымъ прямое обвиненіе русскаго духовенства въ сознательной фальсификаціи обозрѣваемаго мною документа оказывается основаннымъ на безсознательной, чисто-механической, какъ мы видѣли, ошибкѣ переписчика, который въ заканчивающей уставъ заключительной формулѣ, вмѣсто цифры 318-ти написалъ „18-ти“, а слова: „Никейскаго Собора“ переставилъ не въ надлежащее мѣсто.

Далѣе, обращаясь къ содержанію разсматриваемыхъ теперь законоположеній по самому существу, встрѣчаемся съ неменьшими историческими и юридическими несообразностями. А именно: правила гласятъ, что жена и дѣти третьихъ или четвертыхъ браковъ получаютъ послѣ смерти мужа первой

---

[1]) „Слѣды зап.-католич. церков. права“ и пр., стр. 216 и слѣд.

и отца послѣднихъ, смотря по состоянію оставшагося послѣ него наслѣдственнаго имущества, какую-то „урочную“, или „законную“ долю, составляющую „прелюбодѣйную“, либо „робичичю“ часть, при чемъ положеніе это мотивируется тѣмъ, что „занеже тѣ и отъ закона отлучени и сія случается человѣку по грѣхомъ, иже есть ихъ обдержитъ немощь, занеже, суть прелюбодѣйнѣй, а не Богомъ благословеніе“ (въ спискѣ, напечатанному у высокопреосвященнаго Макарія: „а не благословеніи Богомъ“). По сему поводу издатель нашего устава въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1861 г. разъяснилъ, что, такъ какъ третій и четвертый браки приравниваются прелюбодѣянію, то незаконной женѣ и прижитымъ отъ нея дѣтямъ, равно какъ и дѣтямъ отъ рабы при освобожденіи ихъ вмѣстѣ съ матерью, выдавались изъ наслѣдственнаго имущества *прелюбодѣйная часть:* конь, доспѣхъ и покрутъ (первоначальное обзаведеніе), какъ законныя принадлежности свободнаго человѣка. Такимъ объясненіемъ изслѣдователи нашего памятника вполнѣ удовлетворились, закрывъ, однако, при этомъ глаза на слѣдующія странности: *Во-1-хъ*, третій и четвертый браки характеризуются здѣсь безразлично, какъ „прелюбодѣйные и Богомъ неблагословенные“, вступленіе въ которые влечетъ за собою одинаково отлученіе отъ церкви, тогда какъ и по церковнымъ канонамъ, и по византійскому гражданскому законодательству, третій бракъ, хотя и осуждался, какъ нравственная нечистота, тѣмъ не менѣе „безпрепятственно“ дозволялся и лишь наказывался церковною эпитиміею, нѣсколько большею, сравнительно съ тою, которой подлежалъ второй бракъ [1]). *Во 2-хъ*, четвертый бракъ древними правилами и законами, подтвержденными изданнымъ въ 920 г. такъ назыв. „*томомъ соединенія*“, дѣйствительно, признавался дѣломъ, даже худшимъ блуда и былъ безусловно воспрещенъ, но, спрашивается, какъ же съ такимъ взглядомъ согласовать слова приписки: „и сія случаеться чело-

---

[1]) См. въ „Визант. Временникѣ“, т. 2, вып. 4, 1895 г., ст. А. Павлова: „Синод. постановленіе Констан. патріарха Харитона о третьемъ бракѣ, редактированное Ѳ. Вальсамономъ“.

вѣку по грѣхомъ, иже есть ихъ обдержить немощь", въ которыхъ звучитъ нотка снисходительнаго отношенія даже къ четвертому браку, во вниманіе къ естественной слабости человѣческой? *Въ 3-хъ*, ни каноническое, ни византійское право, ни средневѣковые варварскіе законы не допускаютъ и мысли о какой-то „прелюбодѣйной части", т. е. о долѣ наслѣдства, причитавшейся дѣтямъ, прижитымъ отъ незаконныхъ браковъ—незаконнорожденнымъ [1]). Въ частности же относительно дѣтей отъ четвертаго брака, законъ Градскій (Печ. Кормчая, гл. 48, гр. 4, ст. 25) прямо постановляетъ, что они даже не могутъ называться родственными дѣтьми: „аще кто дерзнетъ къ четвертому браку... пріити, не токмо ни во что же таковыи мнимыи бракъ вмѣниться, *ни отъ него рождшіися дѣти, присныя дѣти нарекутъся*, но и казнемъ оскверньшихся блудными сквернами повиненъ будетъ". Правда, проф. Вл.-Будановъ объясняетъ, что „прелюбодѣйная часть не есть ни въ какомъ смыслѣ допущеніе незаконныхъ дѣтей къ наслѣдованію, а тотъ надѣлъ, который и рабы получали при освобожденіи [2]). Но замѣчаніе это неосновательно, ибо въ приписѣ рѣчь идетъ именно объ участіи дѣтей отъ 3-го и 4-го браковъ въ *наслѣдствѣ* въ законныхъ доляхъ: „аще будетъ доволенъ въ животѣ, ино дастъ дѣтемъ 3-й жены и 4-й по уроку". Невѣрна также и ссылка названнаго ученаго на ст. 110 Русской Правды Кар., указывающую будто-бы, что рабъ при освобожденіи получалъ какой-то надѣлъ, тогда какъ въ этой статьѣ нѣтъ и помину о надѣленіи раба, а говорится, что дѣти рабыни вовсе исключены изъ участія въ наслѣдованіи, а только выходятъ на волю вмѣстѣ съ матерію, каковое постановленіе вполнѣ согласно съ Моисеево-талмудическимъ правомъ, по которому дѣти, прижитыя отъ союза свободнаго человѣка съ рабою, ни въ какомъ случаѣ не участвуютъ въ наслѣдованіи послѣ отца, но раба—еврейка, по смерти своего господина, получаетъ немедленно свободу [3]).

---

[1]) См. проф. А. Загоровскаго „Незаконнорожденныя по саксон. и фр. гражд. кодексамъ". Кіевъ, 1879 г., стр. 6 и слѣд.

[2]) Христом., I, стр. 246, прим. 25.

[3]) Rabb. Muses Bloch: „Das Mos.—talmud. Erbrecht", §§ 11; 47.

И достойно поэтому удивленія, что проф. Ключевскій въ своемъ новѣйшемъ „курсѣ русской исторіи“, въ числѣ несовершенствъ кодификаціи Русской Правды считаетъ и то, что въ ст. 110 Кар. не досказано, что рабѣ, прижившей дѣтей отъ господина, по смерти послѣдняго, выдѣлялась съ дѣтьми прелюбодѣйная часть изъ его движимаго имущества (стр. 285).

Между тѣмъ всѣ эти странныя недоразумѣнія, равно какъ указанная уже въ самомъ началѣ настоящей моей работы крупная несообразность, заключающаяся въ томъ, что по обсуждаемымъ правиламъ сестра участвуетъ въ наслѣдованіи на вполнѣ равныхъ правахъ съ братьями, совершенно отпадутъ, если только исключить изъ нашихъ приписокъ и переставить въ другія мѣста устава, какъ это мною дѣйствительно и сдѣлано, слова и обороты: „прелюбодѣйна“, „робичичю“ „отлучени“, „неблагословеніе“ и пр.“ и, если, кромѣ того, произвести нѣкоторыя другія исправленія текста.

Вотъ какъ по моему должны читаться въ исправленномъ видѣ оба постановленія о наслѣдованіи.

а) „А се правило...., сія изыскахъ: [тяжю промежу первою женою дѣтей со третьею женою и съ дѣтми и со четвертою женою и [со] дѣтми]“:

„Аще будеть доволенъ въ животѣ [яже есть изъ велика живота], ино дасть дѣтемъ третьей жены и четвертой [вар.: у третьей женѣ и четвертой дѣтемъ] [часть въ животѣ] по уроку [вар.: по указу, по закону, урочная часть, *равная часть отъ всего имѣнія*], занеже тѣ [вар. сія] случаеться человѣку по грѣхомъ, иже есть [вар.: занеже суть] ихъ обдержить немощь...., а изъ мала живота [по оскуду]: конь да доспѣхъ...

б) А се отъ того же правила: иже есть останутся сынове и дщери у коегождо человѣка, братіи... [дати] сестрами (чит.: сестрамъ) [покрутъ (т. е. приданное) [како] [по разсмотрѣнію живота]“ (ср. Рус. Правду, ст. 107 Кар.: „Аще будеть сестра въ домоу, то тои задньци не имати, но отдадять ю братіа за моужь, како си могуть).

„Иже ли сестра дѣвою блудъ сътворить, а истыи свѣ-

дѣтели обличаютъ,—таковая да не възметъ у братіи отъ имѣнія отечьскаго части. Или братія, имѣнія ради, лжу составятъ на сестру, а будетъ познано дѣло ихъ лжа, таковый.... каменіемъ да побіенъ будетъ“....

Для провѣрки правильности установленнаго мною чтенія поцитованной приписки, приведу, для параллели, соотвѣтственныя статьи *Кодекса Маймонида*, въ которомъ положенія талмудическаго права воспроизведены въ систематическомъ порядкѣ и изложены большею частію подлинными словами первоисточниковъ.

1) „Въ силу одного изъ необходимыхъ условій всякой брачной записи (*кетуба*), сыновья наслѣдуютъ законную оправу ихъ матери, а также приданное, привнесенное послѣднею въ качествѣ „имущества желѣзнаго мелкаго скота (т. е. безутратнаго), а затѣмъ дѣлятъ они съ своими братьями остальное наслѣдственное имущество поровну. Такъ, напр., если кто взилъ жену, коей законная оправа и приданное составляли одну тысячу (денежныхъ единицъ) и та, родивъ сына, умерла при жизни мужа, а затѣмъ послѣдній взялъ вторую жену, законная оправа и приданное которой составляли двѣсти, и которая, родивъ сына, умерла также при жизни мужа, а послѣ того умеръ и онъ (мужъ), оставивъ двѣ тысячи, то сынъ его отъ первой жены наслѣдуетъ одну тысячу, согласно брачной записи его матери, а сынъ его отъ второй жены—двѣсти, а въ остальномъ они наслѣдуютъ поровну и такимъ образомъ первый получаетъ 1400, а второй 600“..... То же самое имѣетъ мѣсто, если кто взялъ многъ женъ, либо послѣдовательно, одну за другою, либо одновременно и тѣ умерли всѣ при жизни его и у него отъ нихъ остались сыновья, то, если сверхъ причитающейся отдѣльно каждому изъ сыновей суммы, согласно брачнымъ записямъ, оставалось имущество мужа цѣнностію не менѣе одного динарія,—каждый изъ сыновей наслѣдуетъ законную оправу своей матери, а остальное всѣ сыновья дѣлятъ между собою въ равныхъ доляхъ“ [1]).

[1]) Кодексъ Маймонида, подъ заглавіемъ: Iad ha—chasaka, ч. III, раздѣлъ, надписанный: „узаконенія о союзѣ брачномъ“, глава 19, §§ 1, 2 и 4.

2) „Если кто умеръ и оставилъ сыновей и дочерей, то сыновья наслѣдуютъ все имущество и содержатъ своихъ сестеръ до вступленія ихъ въ возрастъ совершеннолѣтія, или до обрученія, но это относится лишь къ тому случаю, когда онъ оставилъ имущество, достаточное для содержанія совокупно какъ сыновей, такъ и дочерей, каковое имущество и называется „*великимъ*“, если же осталось имущество, меньшее противъ этого (называемое „*малымъ*“), то извлекаютъ изъ онаго доходы на содержаніе дочерей до ихъ совершеннолѣтія, а остальное идетъ въ пользу сыновей, а если оно хватаетъ на содержаніе только однѣхъ дочерей, то сыновья пусть идутъ хотя бы попрошайничать по домамъ“ [1]).

3) Законоучители установили, что каждый человѣкъ обязанъ выдѣлять сколько-нибудь изъ своего имущества для своей дочери, дабы она могла выходить замужъ, что и называется *выдѣломъ на „прожитокъ“* (parnassa) . . . . . Если отецъ умеръ и оставилъ дочь, то, соображая, сколько онъ самъ предполагалъ давать ей на „прожитокъ“, столько ей и даютъ. А откуда узнаютъ намѣреніе отца? отъ его друзей и знакомыхъ, а также принимая во вниманіе размѣръ его торговыхъ оборотовъ и почетность его положенія, а если онъ при жизни уже выдалъ одну дочь замужъ, то соображаются съ размѣромъ данной ей суммы. Если же намѣренія отца нельзя установить, то судъ назначаетъ дочери одну *десятую часть* отцовскаго имущества „на прожитокъ“ [2]).

4) Необходимо еще указать на постановленіе Моисеева Пятокнижія (Второз., гл. XXII, ст. 13—21) о томъ, что, если кто возьметъ жену и, по ненависти, распуститъ о ней дурной слухъ, взводя на нее голословное обвиненіе, что не

---

[1]) Тамъ же, § 17.

[2]) Тамъ же, глава 20, §§ 1 и 3—Гансъ въ своемъ сочин. „Das Erbrecht in weltgeschicht Entwickelung“ (B. I, § 114), не вникнувъ въ смыслъ свидѣтельствъ источниковъ, отождествлялъ обязанность братьевъ давать алименты своимъ сестрамъ до ихъ совершеннолѣтія или до обрученія съ правомъ сестеръ получать, въ видѣ приданнаго „десятину изъ (отцовскаго) имѣнія“ (isur nechasim)—тогда какъ это совсѣмъ различныя понятія. См. Mas. Bloch: „Das mostalm. Erbrecht“, S. 16.—См. также М. Г. Моргулиса: вышеуказ. соч., стр. 33 и 34)

нашелъ у нея дѣвства, то родители новобрачной должны предъявить видимые признаки (по объясненію талмуда: представить свидѣтелей) въ подтвержденіе лживости обвиненія, и тогда старѣйшины города „пусть возьмутъ мужа и накажутъ его и наложатъ на него пеню въ сто сребренниковъ“ и пр.....; если же сказанное будетъ подтверждено свидѣтелями со стороны мужа...., „то пусть приведутъ отроковицу ко входу дома отца ея и да побьютъ ее жители города ея камнями до смерти“....

Сличая всѣ эти положенія съ разсмотрѣнными правилами нашего церковнаго устава по установленному мною тексту ихъ, нельзя не видѣть, что послѣднія скопированы съ первыхъ, но копія сдѣлана столь неудачно и неумѣло, что походитъ скорѣе на каррикатуру. Такъ, въ противорѣчіе съ выраженнымъ въ 80-мъ правилѣ Св. Василія Великаго христіанскимъ воззрѣніемъ на многобрачіе, какъ „на дѣло скотское и совершенно чуждое роду человѣческому“, и не смотря на то, что въ особенности послѣ изданія синодальнаго акта, составленнаго на Соборѣ 920 г.,—т. н. „тома соединенія“,—четвертый бракъ вовсе не считался бракомъ, правила, изложенныя въ припискѣ къ ц. уставу Всеволода, ставятъ въ одинъ уровень 3-ій и 4-ый браки, и дѣтямъ, рожденнымъ отъ сихъ браковъ предоставляютъ безразлично „часть въ животѣ“. Ясно, такимъ образомъ, что эти правила составлены подъ вліяніемъ Моисеево-талмудическаго права, по которому многоженство, хотя и не одобрялось, но до XI столѣтія формально не было воспрещено, а относительно участія въ наслѣдованіи всѣ дѣти, отъ какой бы, по числовому порядку, жены они ни происходили, и даже дѣти незаконнорожденныя, признавались вполнѣ равноправными. Если же правила наши не пошли дальше четвертаго брака, то едва ли не потому, что и въ Талмудѣ рекомендуется женитьба не болѣе, какъ на четырехъ женахъ, каковой совѣтъ повторяется и въ Алкоранѣ [1]). Несомнѣнность вліянія въ данномъ случаѣ

---

[1]) См. „Исторію евреевъ“ проф. Греца, т. V, русскій переводъ съ замѣч. А. Я. Гаркави, стр. 492.

началъ еврейскаго права явствуетъ изъ того, что византій скіе источники говорятъ только о равенствѣ въ правѣ наслѣдованія дѣтей отъ 1-го и 2-го браковъ, умалчивая вовсе о дѣтяхъ отъ дальнѣйшихъ браковъ: „аще ли чада боудутъ отъ вторыя жены и сключится ему оумерети, лѣть есть и первымъ чадомъ и вторымъ своего наслѣдити отца, такоже и матерп“ [1]). Затѣмъ наши правила не воспроизводятъ талмудическаго положенія, что каждый изъ сыновей отъ разныхъ браковъ послѣ смерти отца наслѣдуетъ изъ отцовскаго имущества прежде всего законную оправу (кетубу) и перешедшее въ собственность къ отцу на время супружества, въ видѣ безутратнаго приданнаго, имущества своей, умершей при жизни отца, матери, а остальное отцовское наслѣдіе всѣ сыновья дѣлятъ между собой поровну. Но съ этою нормою, хотя въ отрывочномъ и искаженномъ изложеніи, встрѣчаемся въ Русской Правдѣ: „боудоуть ли дѣти, то что первой жены (т. е. ея, подлежащее возврату въ неизмѣнномъ составѣ, приданное), то възмоуть дѣти матери своей, любо сина женоу боудеть възложилъ (т. е. ея законную оправу), обаче матери своей възмоуть“ (2 ч. ст. 106 Кар.). Съ другой стороны наши правила, говоря о равенствѣ въ правѣ наслѣдованія дѣтей отъ 3-го и 4-го браковъ, различаютъ, остался ли послѣ наслѣдодателя „великій“, или же только „малый животъ“,—каковое различіе приплетено сюда совершенно некстати, какъ лишенное въ данномъ случаѣ всякого юридическаго значенія: о немъ въ талмудическомъ правѣ, какъ мы видѣли, ведется рѣчь лишь въ постановленіи касательно обязанности братьевъ давать изъ отцовскаго наслѣдства алименты своимъ сестрамъ, при чемъ употреблены тѣ же самые термины: „имущество великое“, либо „малое“ (nechasim merubin, либо muatin). Далѣе, наши правила, заимствовавъ изъ талмудическаго права положеніе о выдѣлѣ дочери, при наличности братьевъ, нѣкоторой части изъ отцовскаго наслѣдства на предметъ приданнаго при выходѣ ея замужъ, не указываютъ, однако, опредѣленнаго въ Талмудѣ

---

[1]) Печ. Кормчая, гл. 49, зач. II, гл. 7.

размѣра этой части—$^1/_{10}$ долп всего имѣнія (*isurnechasim*) и смѣшали это положеніе съ нормою объ обязанности братьевъ давать сестрамъ содержаніе по мѣрѣ своихъ средствъ. Впрочемъ, можно догадываться, и такая догадка едва ли окажется чрезчуръ смѣлою, что въ припискѣ къ уставу первоначально стояло: братіи дати сестрамъ покрутъ „десятая часть отъ всего имѣнія“, но такъ какъ на поляхъ рукописи нѣсколько выше имѣлась, въ видѣ варіанта, фраза: „равная часть отъ всего имѣнія“, относящаяся, какъ мною уже объяснено, къ грамматическому періоду, гдѣ говорится о равенствѣ участія въ наслѣдованіи послѣ отца дѣтей, рожденныхъ отъ разныхъ браковъ, то справщикъ или переписчикъ полагалъ, что первая фраза представляется лишь излишнимъ повтореніемъ послѣдней, при чемъ въ первой слово „десятая“, вмѣсто „равная“, явилось, по ошибкѣ, подъ вліяніемъ стоящаго въ заключительной части устава сочетанія: „А тая вся дѣла приказахъ.... моимъ мужамъ *десяти* сочкымъ, а потому фраза: „десятая часть отъ всего имѣнія“ и была выкинута совсѣмъ, а остальные слова и обороты, входящіе въ составъ нормы, опредѣляющей обязанности братьевъ по отношенію къ сестрамъ были разбросаны среди другихъ предложеній, вслѣдствіе чего первоначальный смыслъ преданія совершенно затемнился. Наконецъ, правила, взявъ изъ Второзаконія вышеприведенное постановленіе, касательно оклеветанія мужемъ своей новобрачной жены, примѣнили это постановленіе въ исковерканномъ до послѣдней крайности видѣ къ взводимому братьями съ корыстною цѣлію на своихъ сестеръ обвиненію въ блудодѣяніи.

На этомъ я закончу свою статью. Въ слѣдующихъ очеркахъ я займусь разсмотрѣніемъ договоровъ первыхъ русскихъ князей съ греками и важнѣйшихъ статей Русской Правды, относящихся къ судопроизводству и матеріальному уголовному и гражданскому праву, при чемъ постараюсь снова, сколь возможно убѣдительнѣе отстаивать ту мысль, что безъ возстановленія всѣми способами филологической критики искаженнаго до неузнаваемости текста означенныхъ памятниковъ и безъ примѣненія въ самомъ широкомъ размѣрѣ метода срав-

ненія содержащихся въ нихъ нормъ съ постановленіями другихъ законодательствъ и, въ особенности, моисеево-талмудическаго, составляющаго основной элементъ древне-русскаго права, всѣ усилія со стороны даже корифеевъ науки осмыслить сказанные памятники останутся и впредь, какъ они остаются и по сю пору, совершенно тщетными.

Г. Барацъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Баронъ Лемайеръ. *Административная Юстиція. Приложеніе къ Журналу Министерства Юстиціи.*

Переводъ сочиненія Лемайера — Административная Юстиція выпущенъ въ видѣ приложенія къ Журналу Министерства Юстиціи по заявленію его редактора въ предисловіи къ нему въ виду того интереса, который вызываютъ въ нашемъ обществѣ вопросы этого отдѣла Юстиціи. Помимо этого, обстоятельство выпуска въ свѣтъ этого сочиненія Лемайера Журналомъ Министерства Юстиціи, какъ офиціальнымъ органомъ Министерства, указываетъ несомнѣнно также и на то, что въ настоящее время и само Министерство стало интересоваться вопросомъ объ организаціи этой юстиціи, что указываетъ на значительную перемѣну его взглядовъ на возможность правильной организаціи и у насъ этой отрасли юстиціи, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время работъ бывшей учрежденной при немъ Комиссіи по пересмотру Законоположеній по судебной части, имъ не было обращено никакого вниманія на необходимость лучшей организаціи ея у насъ, несмотря на то, что нѣкоторыми изъ ея членовъ указывалось прямо на обязанность ея заняться разработкой и этой отрасли юстиціи у насъ, въ виду возложенія на ея обязанность Высочайшимъ повелѣніемъ о ея учрежденіи пересмотра всѣхъ законоположеній по судебной части, а стало быть и законоположеній объ учрежденіи сената вообще, т. е. всѣхъ его департаментовъ и въ числѣ ихъ и перваго департамента, которому ввѣрено у насъ завѣдываніе главнымъ образомъ административной юстиціей въ высшей ея инстанціи.

Если выпускъ въ свѣтъ перевода означеннаго сочиненія Лемайера Журналомъ Министерства Юстиціи дѣйствительно указываетъ на интересъ къ организаціи этой отрасли юстиціи у насъ, возникшій и въ самомъ Министерствѣ, а также и на перемѣну его взгляда на необходимость лучшей ея организаціи у насъ, то обстоятельству этому нельзя не радоваться, потому что у насъ вообще мало обращается вниманія въ правящихъ сферахъ на тѣ вопросы, которые интересуютъ общество, и почему возбужденіе интереса къ вопросу о ея организаціи у насъ только въ самомъ Министерствѣ можетъ подавать надежду къ тому, что на разработку возможной ея организаціи у насъ будетъ обращено вниманіе, и что она наконецъ будетъ сколько нибудь правильно организована и у насъ. Интересъ къ лучшей организаціи у насъ вообще государственнаго устройства и лучшей организаціи административной юстиціи въ немъ, въ частности, собственно въ образованныхъ кругахъ нашего общества возникъ уже давно, и если Министерствомъ Юстиціи изданъ переводъ означеннаго сочиненія Лемайера даже въ видахъ только удовлетворенія интереса послѣднихъ къ ея организаціи, то все-же не можетъ не возникать вопросъ о томъ—почему редакція журнала для удовлетворенія интереса ихъ къ этому избрала именно это сочиненіе объ административной юстиціи, а не какое либо другое? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимо, разумѣется, хотя вкратцѣ познакомиться съ его содержаніемъ.

Сперва Лемайеръ во вступленіи къ нему даетъ объясненіе значенія административной юстиціи, какъ государственнаго учрежденія, установленнаго для защиты публичныхъ правъ гражданъ государства; причемъ онъ говоритъ, что учрежденіе ея есть учрежденіе новое, развитіе котораго относится главнымъ образомъ ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда она стала на ряду съ двумя другими, развившимися ранѣе, государственными учрежденіями: участіемъ гражданъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ и участіемъ ихъ въ осуществленіи государственныхъ задачъ въ самоуправленіи. Несмотря, однакоже, на такое позднее развитіе административной юстиціи, лежащая въ основаніи ея идея, по его мнѣнію, такъ же стара, какъ и государство и право вообще, и только проявлялась она различно въ разныя времена и въ разныхъ государствахъ, соотвѣтственно измѣненіямъ въ ихъ устройствѣ и воззрѣніямъ на государство такъ, что у тѣхъ народовъ, у которыхъ пріобрѣтало преобладающее значеніе государство, права

индивидуумовъ пользовались малой охраной, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ преобладалъ индивидуализмъ, напротивъ, лучше развивался правовой порядокъ, которымъ лучше охранялись права индивидуума. Развитіе этого послѣдняго порядка шло, по его замѣчанію, также постепенно такъ, что сперва при отсутствіи организованности въ отношеніяхъ между государствомъ и индивидуумами, въ случаяхъ конфликтовъ между ними, допускалось прямое противопоставленіе съ ихъ стороны властямъ и даже въ видѣ возмущеній и возстаній, каковыя отношенія между ними исчезаютъ только тогда, когда ихъ отношенія къ государству, подобно ихъ взаимнымъ отношеніямъ между собой, начинаютъ регулироваться правомъ, когда создается матеріальное государственное и административное право, обязательное къ соблюденію со стороны государства въ такой степени, что оно можетъ быть побуждаемо къ его соблюденію по требованію индивидуумовъ судебнымъ порядкомъ (стр. 1—7).

Высказавъ общія замѣчанія о значеніи административной юстиціи, ея возникновеніи и развитіи, онъ, затѣмъ, въ нѣсколькихъ, довольно обширныхъ, главахъ, имѣющихъ значеніе также скорѣе только какъ бы введенія къ его труду, довольно подробно останавливается на разсмотрѣніи государственнаго устройства и отношенія государства къ личности, а также значенія вообще права публичнаго у различныхъ народовъ, и сперва у римлянъ, а затѣмъ въ средніе вѣка и наконецъ и въ новое время, при чемъ указываетъ на преобладающее значеніе государственной власти надъ индивидуумомъ у первыхъ и, напротивъ, на господство индивидуумовъ во вторыхъ и, затѣмъ, опять на преобладаніе государственной власти надъ индивидуумами въ новыхъ вѣкахъ, вслѣдствіе ея сильнаго развитія вновь въ это время. На самомъ дѣлѣ, однакоже, главы эти въ видахъ выясненія вопроса о лучшей организаціи административной юстиціи имѣютъ очень мало значенія и къ тому же представляются даже очень мало интересными вслѣдствіе того, что все, изложенное въ нихъ о развитіи государства и отношеніи его къ индивидуумамъ въ различныя времена, представляется уже болѣе или менѣе извѣстнымъ изъ сочиненій очень многихъ другихъ публицистовъ, уже достаточно подробно разработавшихъ все, имъ изложенное въ этихъ главахъ.

Послѣ общаго обзора развитія государственной власти въ различныя времена, онъ переходитъ, наконецъ, къ разсмотрѣнію какъ развитія государственной власти, такъ и защиты публичныхъ правъ

индивидуумовъ посредствомъ административной юстиціи въ отдѣльныхъ государствахъ Западной Европы и начинаетъ съ разсмотрѣнія развитія ихъ въ Англіи, хотя подробно устройства въ ней собственно административной юстиціи не излагаетъ, а останавливается на объясненіи, главнымъ образомъ, тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ она возникла въ рукахъ судебной власти и, главнымъ образомъ, мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Причиной этому, по его объясненію, было то обстоятельство, что въ средніе вѣка вообще, какъ въ Германіи, такъ преимущественно и въ Англіи государственная власть сводилась, главнымъ образомъ, къ судебной власти, вслѣдствіе чего, несмотря на то обстоятельство, что государственная власть въ это же время стала развивать и административную дѣятельность по различнымъ отраслямъ управленія, какъ то: по управленію полиціей, финансами и другими, дѣятельность ея и по этимъ отраслямъ управленія была облечена въ судебныя формы, такъ что общій законъ признавался обязательнымъ и для публичной власти, почему и ея управленіе должно было заключаться только въ исполненіи закона, а ея акты по управленію считались обязательными лишь постолько, посколько они соотвѣтствовали закону, такъ что въ случаѣ спора противъ ихъ законности, опредѣленіе ихъ законности и было предоставлено судебной власти. Такимъ образомъ на этомъ основаніи, по его объясненію, въ Англіи и развилась защита правъ въ публичномъ правѣ посредствомъ подчиненія администраціи юридическому контролю общихъ судебныхъ установленій, каковыми представлялись на мѣстахъ мировые судьи и ихъ съѣзды, главнымъ образомъ, четвертные, засѣдавшіе разъ черезъ каждые три мѣсяца. Такому же ихъ контролю подлежали и административные акты различныхъ органовъ самоуправленія. Высшей апелляціонной инстанціей надъ рѣшеніями мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ признавался высшій королевскій судъ. Болѣе, затѣмъ, подробныхъ объясненій компетенціи по дѣламъ административной юстиціи различныхъ судебныхъ органовъ онъ, однако-же, не даетъ, а говоритъ только въ заключеніи его обзора развитія административной юстиціи въ Англіи, что въ ней и въ настоящее время нѣтъ еще административной юстиціи въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, хотя тутъ-же далѣе замѣчаетъ, что въ ней нѣтъ ни одного такого дѣйствія государственной власти, противъ кого-бы оно ни было направлено и кѣмъ-бы оно ни было совершено, котораго нельзя было-бы не передать на разсмотрѣніе судебной власти для того, чтобы судъ опредѣлилъ его законность (стр. 57—62).

Далѣе, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію организаціи и развитія административной юстиціи во Франціи, причемъ замѣчаетъ, что административная юстиція въ томъ видѣ, какъ она организована во Франціи, представляетъ полную противоположность административной юстиціи въ Англіи, вслѣдствіе того, что защита публичныхъ правъ гражданъ въ ней достигается тѣмъ, что все управленіе въ ней подчинено юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, между тѣмъ, какъ во Франціи суды эти совершенно устранены отъ всякаго вмѣшательства въ сферу административныхъ функцій, и охрана публичныхъ правъ гражданъ ввѣрена самимъ административнымъ учрежденіямъ, вслѣдствіе чего и административная юстиція въ ней представляется дѣйствительной формой этой юстиціи, и почему и нельзя считать правильнымъ утвержденіе Гнейста о ея значеніи во Франціи, какъ такой юстиціи, которая является юстиціей только по имени, вслѣдствіе того, что при такомъ ея устройствѣ управленіе во Франціи само себя судитъ. По его мнѣнію, напротивъ, несмотря на то, что отправленіе административной юстиціи во Франціи ввѣрено органамъ самой администраціи, все же во Франціи сложилась спеціальная организація защиты публичныхъ правъ гражданъ, и если въ чемъ и заключается слабость въ ея организаціи въ ней, такъ только въ томъ, что въ ней допускается защита этихъ правъ не по отношенію государственной власти, а только по отношенію бюрократіи, или по отношенію дѣйствій должностныхъ лицъ, выразившихся въ превышеніи данной имъ власти или ихъ должностныхъ полномочій— excès de pouvoir, нарушающихъ, однако-же, только субъективное право просителя, но не въ видѣ спора о законности самого акта администраціи вообще, какъ въ Англіи, или все равно объ отправленіи ею ея функцій согласно закона. Самой компетенціи, затѣмъ, различныхъ органовъ управленія по тѣмъ или другимъ дѣламъ административной юстиціи онъ касается довольно кратко, а указываетъ главнымъ образомъ вообще на ея органы, каковыми прежде представлялись интенданты въ провинціяхъ и государственный совѣтъ, какъ органъ этой юстиціи центральный, и каковымъ въ настоящее время представляется какъ ея органъ центральный этотъ послѣдній, члены котораго назначаются центральной властью и не пользуются несмѣняемостью, а въ департаментахъ состоящіе при префектахъ совѣты префектуръ. Доказательствомъ, наконецъ, тому, что и въ такомъ видѣ административная юстиція во Франціи является дѣйствительной юстиціей, служитъ, по его мнѣнію, также

и то обстоятельство, что самый процессъ передъ административными органами построенъ на началахъ общаго судебнаго процесса, такъ что и за просителями въ немъ признаются права стороны, дѣйствующей въ процессѣ, причемъ самый процессъ долженъ быть веденъ сперва въ письменной, а затѣмъ въ словесной формѣ передъ постановленіемъ рѣшенія, которое, затѣмъ, можетъ быть обжалуемо передъ государственнымъ совѣтомъ.

Въ заключеніи обзора организаціи административной юстиціи во Франціи онъ замѣчаетъ, что середину между организаціями ея въ Англіи и во Франціи занимаетъ организація ея въ Германіи (стр. 72—86).

На самомъ дѣлѣ онъ, однакоже, въ главѣ объ административной юстиціи въ Германіи останавливается только на разсмотрѣніи вообще развитія государственной власти въ различныхъ государствахъ Германіи, начиная съ среднихъ вѣковъ и вплоть до окончательнаго развитія въ нихъ абсолютной монархіи и полицейскаго государства, организаціи же въ нихъ собственно административной юстиціи вовсе не касается, и только въ заключеніи этого обзора замѣчаетъ, что ея организація въ Германіи представляется вполнѣ аналогичной ея организаціи во Франціи вслѣдствіе, главнымъ образомъ, того, что и въ Германскихъ государствахъ, подобно тому, какъ и во Франціи, правовая защита публичныхъ правъ гражданъ допускается только противъ администраціи, но не противъ верховной власти въ области управленія (стр. 104—105).

Закончивъ этими замѣчаніями обзоръ организаціи административной юстиціи въ Германіи, онъ обращается къ подробному разсмотрѣнію развитія конституціоннаго государства въ Западной Европѣ, причемъ подвергаетъ подробному разсмотрѣнію и доктрины объ этомъ государствѣ публицистовъ Англіи, Франціи и Германіи. Въ слѣдующей главѣ, затѣмъ, онъ останавливается на разсмотрѣніи возникновенія и развитія изъ государства конституціоннаго государства правового, сущность котораго, по его объясненію, заключается въ томъ, что въ немъ государство и индивидуумы признаются за одинаковые и равноправные факторы государства, имѣющіе одинаковыя права на защиту ихъ правъ по отношенію другъ къ другу, въ видахъ каковой защиты ихъ на случай возможныхъ конфликтовъ между ними и создаются особыя учрежденія, вѣдающія административную юстицію. Порядокъ отправленія этой послѣдней юстиціи, по его мнѣнію, никоимъ образомъ не совпадаетъ съ гражданскимъ процессомъ, который сохраняется

только для разрѣшенія конфликтовъ между государствомъ и индивидуумами, возникающихъ только въ ихъ частно-правовой сферѣ, почему для разрѣшенія между ними конфликтовъ, возникающихъ на почвѣ права публичнаго, и создаются особые административные суды, цѣль юрисдикціи которыхъ и состоитъ въ охранѣ съ одной стороны тѣхъ законныхъ границъ публичной власти, въ соблюденіи которыхъ заключается правовое государство, а съ другой стороны публичныхъ правъ индивидуумовъ, какъ ихъ свободной жизненной сферы въ правовомъ государствѣ, какъ ихъ неприкосновенной правовой области.

Высказавъ такой взглядъ на организацію административной юстиціи, какъ охраны публичныхъ правъ какъ государства по отношенію индивидуумовъ, такъ и послѣднихъ по отношенію государства, онъ приводитъ, затѣмъ, взгляды нѣкоторыхъ извѣстныхъ нѣмецкихъ публицистовъ какъ вообще на ея значеніе въ государственномъ устройствѣ, такъ и на болѣе цѣлесообразную ея организацію, Шталя, Лоренца-Штейна и Гнейста, по мнѣнію которыхъ для правильнаго ея устройства представляется болѣе цѣлесообразной передача предметовъ, составляющихъ область этой юстиціи, въ вѣдомство общихъ судебныхъ установленій, какъ это сдѣлано въ Англіи, какъ учрежденій нейтральныхъ и независимыхъ отъ администраціи, долженствующей выступать стороной въ этомъ процессѣ, почему она и не должна оставаться въ вѣдѣніи послѣдней. Самъ онъ, однакоже, высказывается противъ передачи административной юстиціи въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ установленій, а высказывается за необходимость устройства или особыхъ административныхъ судовъ, или же предоставленія ея вѣдѣнію самихъ административныхъ учрежденій, хотя въ то же время считаетъ совершенно правильнымъ опредѣленіе Гнейста существа, объема и задачъ административной юстиціи, какъ такой юстиціи, которая должна служить охраной не только субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ отъ нарушенія ихъ администраціей, но и охраной вообще законности управленія со стороны администраціи посредствомъ отмѣны въ порядкѣ административной юстиціи актовъ ея по управленію, противныхъ закону, какъ это прямо установлено въ Англіи. Самая организація административной юстиціи можетъ быть проводима, по его мнѣнію, по двумъ системамъ: прусской или австрійской, различіе между которыми заключается не только въ самомъ устройствѣ административныхъ судовъ, но и въ ихъ задачахъ. Такъ, задачи этой юстиціи въ

Пруссіи поставлены шире, чѣмъ въ Австріи, и заключаются не только въ охранѣ субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ отъ нарушеній ихъ дѣйствіями администраціи, но и въ отмѣнѣ ея противозаконныхъ и пристрастныхъ дѣйствій, между тѣмъ, какъ въ Австріи всѣ ея задачи ограничены охраной только первыхъ изъ этихъ правъ, несмотря на то, что и въ Пруссіи завѣдываніе дѣлами административной юстиціи въ низшихъ инстанціяхъ предоставлено самимъ административнымъ учрежденіямъ, и только для разбора ихъ въ инстанціи высшей учрежденъ особый самостоятельный административный судъ (стр. 154—156; 162—172).

Самого, затѣмъ, устройства органовъ административной юстиціи и ихъ компетенціи какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ государствахъ Германіи онъ не касается, а описываетъ болѣе или менѣе подробно устройство ихъ только въ Австріи, въ которой для завѣдыванія ею учрежденъ въ видѣ одной инстанціи одинъ высшій центральный самостоятельный административный судъ, независимый отъ администраціи, для разбора всѣхъ жалобъ, приносимыхъ частными лицами на дѣйствія всѣхъ органовъ управленія и въ числѣ ихъ и на дѣйствія органовъ мѣстнаго самоуправленія, нарушающія въ чемъ-либо ихъ субъективныя публичныя права, вслѣдствіе чего онъ и не обладаетъ задачей охраны вообще законности управленія. Самое, затѣмъ, разбирательство въ немъ по жалобѣ потерпѣвшей стороны заключается только въ провѣркѣ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, установленныхъ административнымъ установленіемъ, на дѣйствія котораго она принесена, и, затѣмъ, по ихъ повѣркѣ, въ случаяхъ удостовѣренія въ противозаконности совершеннаго имъ дѣйствія, въ его отмѣнѣ, какъ бы въ порядкѣ кассаціонномъ, и болѣе ни въ чемъ, такъ что онъ по существу жалобы никакого опредѣленія не постановляетъ (стр. 184—185; 192—193).

Организаціи административной юстиціи въ другихъ государствахъ Европы онъ уже совсѣмъ не касается, что произошло отъ того, что, какъ онъ самъ въ одномъ изъ примѣчаній къ тексту его работы говоритъ: авторъ этой работы предполагаетъ вернуться къ догматическому разсмотрѣнію устройства административной юстиціи въ другой его работѣ, которая должна послужить дополненіемъ съ догматической стороны настоящаго его историко-политическаго очерка (стр. 178).

Въ виду такого содержанія разсматриваемаго сочиненія Лемайера объ административной юстиціи, какъ заключающаго въ

себѣ, главнымъ образомъ, общія разсужденія о развитіи государства и публичнаго права сперва у римлянъ и въ средніе вѣка, а затѣмъ государствъ конституціонныхъ въ новое время, его и нельзя не признавать скорѣе только какъ бы за введеніе къ сочиненію собственно объ административной юстиціи, такъ какъ онъ и выясненія ея существа и значенія въ государствѣ, какъ охраны публичныхъ правъ гражданъ, касается также только въ общихъ чертахъ. Что касается достоинства и интереса его въ послѣднемъ его значеніи, то въ виду того обстоятельства, что какъ теорія государства и значеніе права публичнаго въ немъ, такъ и значеніе и задачи административной юстиціи были развиты и выяснены гораздо ранѣе его и, притомъ, гораздо лучше и подробнѣе многими извѣстными публицистами какъ англійскими и французскими, такъ и въ особенности нѣмецкими, какъ Шталемъ, Лоренцомъ-Штейномъ и Гнейстомъ, нельзя также признавать его имѣющимъ особый интересъ и значеніе для русскихъ юристовъ и вообще для русскаго общества. Въ особенности представляется неправильнымъ оспариваніе имъ правильности утвержденія этихъ послѣднихъ публицистовъ о надлежащей организаціи административной юстиціи посредствомъ передачи ея въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій, какъ это сдѣлано въ Англіи, чѣмъ и наилучшимъ образомъ гарантированы не только субъективныя публичныя права гражданъ отъ нарушеній ихъ администраціей, но вмѣстѣ съ этимъ наилучшимъ образомъ гарантирована и вообще законность управленія въ ней, между тѣмъ, какъ по его утвержденію вслѣдствіе такой организаціи ея въ Англіи, административной юстиціи въ ней нѣтъ, а есть она главнымъ образомъ во Франціи, гдѣ она находится въ вѣдѣніи самой администраціи, а также отчасти и въ Германіи, гдѣ она находится отчасти также въ вѣдѣніи этихъ послѣднихъ учрежденій. Это утвержденіе его необходимо ведетъ къ тому заключенію, что, по его мнѣнію, административная юстиція должна находиться въ вѣдѣніи администраціи, потому что только въ этомъ случаѣ она и можетъ называться административной юстиціей, несмотря на то, что такая организація ея представляется противной самому ея назначенію и ея задачамъ служить гарантіей неприкосновенности какъ субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ, такъ и вообще законности управленія въ государствѣ, вслѣдствіе нахожденія ея въ вѣдѣніи той же администраціи, отъ неправильныхъ и противозаконныхъ дѣйствій которой она должна служить гарантіей, и почему такая организація ея, какъ

противная цѣли ея учрежденія, и должна быть отвергнута, а затѣмъ должно быть отвергнуто и самое названіе ея юстиціей административной, если только считать, какъ дѣлаетъ Лемайеръ, ее за юстицію административную потому, что она находится въ вѣдѣніи администраціи, а называть ее производствомъ по спорамъ и жалобамъ противъ и на дѣйствія администраціи, при каковомъ ея наименованіи она уже не только можетъ, но и должна находиться въ вѣдѣніи учрежденій судебныхъ, какъ утверждаютъ главнымъ образомъ Лоренцъ-Штейнъ и Гнейстъ, какъ въ Англіи, вслѣдствіе того, что только въ рукахъ этихъ учрежденій или же, пожалуй, въ рукахъ хотя бы и особыхъ судебныхъ установленій, но независимыхъ отъ администраціи, посредствомъ ея только и могутъ быть достигаемы ея цѣль и задачи, какъ это и на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто въ Англіи, какъ юстиціи, долженствующей служить гарантіей какъ законности управленія вообще, такъ и охраны публичныхъ правъ гражданъ отъ нарушеній, но никакъ не въ рукахъ самихъ административныхъ учрежденій. Въ виду этого обстоятельства и никакъ нельзя считать, что юстиція эта лучше устроена во Франціи и въ Германіи, какъ утверждаетъ Лемайеръ, въ которыхъ она находится или всецѣло въ рукахъ самой администраціи или же въ рукахъ ея, какъ въ низшей инстанціи.

Въ Австріи хотя завѣдываніе этой юстиціей и предоставлено особому административному суду, но только въ одной его инстанціи и, притомъ, одному центральному суду на всю имперію, что дѣлаетъ ее независимой отъ администраціи, но, несмотря на это, такое устройство ея не можетъ считаться достаточно цѣлесообразнымъ отчасти потому, что обжалованіе различныхъ мелкихъ и незначительныхъ нарушеній администраціей правъ гражданъ непремѣнно иногда въ довольно отдаленный центральный судъ представляется нерѣдко очень обременительнымъ и дорогимъ, а отчасти потому, что судъ этотъ, какъ одинъ на всю имперію, заваленъ такой массой дѣлъ, что ожидать его рѣшенія приходится иногда довольно продолжительное время, а главнымъ образомъ потому, что судъ этотъ дѣйствуетъ только какъ судъ кассаціонный, который только отмѣняетъ постановленія административныхъ учрежденій, нарушающія субъективныя публичныя права гражданъ, но не охраняетъ вообще законность управленія въ государствѣ, вслѣдствіе чего и не достигаетъ главной цѣли и задачи административнаго суда, заключающейся въ охранѣ именно законности въ управленіи, какъ это указываетъ и самъ Лемайеръ.

Устройства административной юстиціи въ Англіи, гдѣ завѣдываніе ею ввѣрено общимъ судебнымъ установленіямъ, а также во Франціи, гдѣ она, напротивъ, находится въ вѣдомствѣ учрежденій административныхъ и, затѣмъ, въ Пруссіи, гдѣ завѣдываніе ею, по крайней мѣрѣ въ низшихъ инстанціяхъ, ввѣрено также этимъ послѣднимъ учрежденіямъ, онъ если и касается, то только въ самыхъ общихъ чертахъ, причемъ указанія самой компетенціи тѣхъ или другихъ учрежденій, ею завѣдующихъ, по тѣмъ или другимъ нарушеніямъ тѣми или другими административными учрежденіями различныхъ правъ гражданъ онъ почти совсѣмъ не касается; о возможности защиты со стороны гражданъ ихъ правъ отъ нарушеній ихъ органами самоуправленія, а также возможности защиты правъ этихъ послѣднихъ отъ нарушеній правительственными административными органами онъ совсѣмъ даже не касается. Все это, напротивъ, гораздо лучше и подробнѣе изложено у Гнейста въ его сочиненіяхъ: „Правовое государство и административные суды въ Германіи“ и „Исторія государственныхъ учрежденій въ Англіи“, имѣющихся въ переводѣ и на русскомъ языкѣ, и изъ которыхъ въ первомъ онъ излагаетъ устройство административной юстиціи не только въ Пруссіи, но и во Франціи, а во второмъ устройство ея въ Англіи, причемъ съ достаточной подробностью имъ указана въ нихъ и компетенція различныхъ учрежденій, завѣдующихъ административной юстиціей по различнымъ нарушеніямъ публичныхъ правъ, допускаемымъ различными административными органами. Кромѣ этого, Гнейстъ въ первомъ изъ этихъ сочиненій останавливается съ большой подробностью не только на выясненіи понятія и значенія правового государства вообще, но и на исторіи его развитія въ различныхъ государствахъ, причемъ съ большой подробностью и обстоятельностью выясняетъ и значеніе, а также цѣль и задачи административной юстиціи, какъ необходимой гарантіи существованія правового государства, причемъ онъ указываетъ, что эти цѣль и задачи ея могутъ быть достигаемы надлежащимъ образомъ только тамъ, гдѣ она предоставлена вѣдѣнію судебныхъ учрежденій, независимыхъ отъ администраціи, что имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ только въ Англіи, и почему нельзя признавать, что во Франціи и въ настоящее время, несмотря на ея конституціонное устройство, существованіе собственно правового государства отрицается, вслѣдствіе предоставленія въ ней завѣдыванія административной юстиціей органамъ администраціи.

При имѣніи у насъ въ переводѣ означеннаго сочиненія Гнейста,

представляющагося гораздо болѣе обстоятельнымъ и подробнымъ по предметамъ, разсматриваемымъ Лемайеромъ въ разсматриваемомъ его сочиненіи, не можетъ не возникать вопросъ,—какой-же собственно такой особый интересъ представляетъ эта послѣдняя работа его, что переводъ ея стоило предлагать русскому обществу, въ виду возбужденнаго въ немъ интереса къ административной юстиціи, въ особенности если имѣть въ виду и самое содержаніе этой работы, которая касается главнымъ образомъ выясненія общихъ вопросовъ о развитіи государства сперва древняго и въ средніе вѣка, а затѣмъ и конституціоннаго и, наконецъ, правового въ новое время, а затѣмъ также общихъ вопросовъ о значеніи, цѣли и задачахъ административной юстиціи, вопросовъ, уже достаточно общеизвѣстныхъ, какъ разработанныхъ уже ранѣе его другими, болѣе авторитетными представителями науки о государствѣ, главнымъ образомъ въ Германіи, Англіи и Франціи, и очень мало дающей свѣдѣній о самой организаціи административной юстиціи въ настоящее время въ различныхъ государствахъ, между тѣмъ, какъ описаніе ея устройства въ нихъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ главный интересъ для насъ, въ видахъ достиженія лучшей ея организаціи у насъ.

Въ настоящее время у насъ административная юстиція, если возможно признавать вообще наличность ея у насъ, по ея организаціи болѣе всего приближается къ административной юстиціи во Франціи, какъ предоставленная почти всецѣло вѣдѣнію самой администраціи въ лицѣ ея различныхъ органовъ, какъ губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ, а также различныхъ административныхъ присутствій, состоящихъ большею частію изъ предсѣдателей различныхъ административныхъ органовъ въ губерніи подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ каковыхъ органовъ только присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ, какъ органы надзора за городскими и земскими учрежденіями являются по отношенію ихъ независимыми и самостоятельными органами, хотя все-же недостаточно самостоятельными, вслѣдствіе состоянія ихъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, возбуждающаго его протестами въ эти присутствія противъ постановленій земскихъ собраній и городскихъ думъ наибольшее число дѣлъ въ нихъ. Если, затѣмъ, завѣдываніе нѣкоторыми дѣлами административной юстиціи въ послѣдней инстанціи и предоставлено у насъ самостоятельному судебному органу, Правительствующему Сенату, то это обстоятельство на самомъ дѣлѣ имѣетъ очень небольшое значеніе въ отношеніи достиженія право-

судія по этимъ дѣламъ, вслѣдствіе крайней медленности въ ихъ разсмотрѣніи со стороны Сената, вслѣдствіе чего и въ очень многихъ случаяхъ его постановленія по нимъ теряютъ всякое значеніе вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, дѣлающихъ ихъ неинтересными и ненужными для просителей, въ особенности для земскихъ и городскихъ учрежденій.

Послѣ всего сказаннаго о цѣли и задачахъ административной юстиціи, какъ долженствующей служить охраной не только субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ, но и вообще законности управленія и подлежащей ея для этого организаціи, не можетъ, разумѣется, не представляться вполнѣ очевиднымъ, что при устройствѣ ея у насъ въ вѣдѣніи самой администраціи и рѣчи не можетъ быть о какой-либо охранѣ у насъ публичныхъ правъ гражданъ отъ ихъ нарушенія администраціей, а тѣмъ болѣе о законности управленія съ ея стороны, въ которой царствуетъ у насъ до сихъ поръ полный ея произволъ и усмотрѣніе и совершенно безнаказанное съ ея стороны попраніе самыхъ элементарныхъ правъ гражданъ, какъ правъ на свободу и на неприкосновенность личную и жилища. При такомъ положеніи вещей у насъ и рѣчи, разумѣется, не можетъ быть о существованіи у насъ правового государства, хотя-бы въ самой элементарной и зачаточной только степени, и что указываетъ на крайнюю необходимость переустройства у насъ административной юстиціи и передачи ея и у насъ въ вѣдѣніе судебныхъ учрежденій, какъ органовъ самостоятельныхъ и независимыхъ отъ администраціи, а если такъ, то не можетъ не быть очевиднымъ, что для насъ должно представить наибольшій интересъ знакомство съ ея организаціей въ Англіи и, затѣмъ, и въ тѣхъ другихъ государствахъ, въ которыхъ завѣдываніе ею поручено судебнымъ учрежденіямъ и описаніе устройства ея въ которыхъ имѣется въ работахъ нѣкоторыхъ другихъ публицистовъ.

Такъ, довольно подробное и обстоятельное описаніе ея организаціи въ Англіи мы имѣемъ въ работѣ германскаго публициста Гнейста—„Исторія государственныхъ учрежденій въ Англіи“, имѣющейся въ переводѣ и на русскій языкъ. Именно, по его описанію, въ Англіи вся административная юстиція въ первой ея инстанціи предоставлена единоличнымъ мировымъ судьямъ по всѣмъ отраслямъ полицейскаго управленія, т. е. какъ по полиціи безопасности, порядка и нравственности, такъ и по мѣропріятіямъ санитарнымъ, общественнаго призрѣнія, содержанія и устройства сухопутныхъ и рѣчныхъ путей сообщенія, охраны полей и лѣсовъ, организаціи

различныхъ промысловъ, а также частей строительной и пожарной. Всѣ жалобы по этимъ дѣламъ на дѣйствія органовъ администраціи разрѣшаются мировымъ судьей особымъ приказомъ и по большинству дѣлъ окончательно, за исключеніемъ очень немногихъ, по которымъ допускаются жалобы на приказы мировыхъ судей въ четвертные ихъ съѣзды, и, затѣмъ, разсмотрѣніе только немногихъ изъ этихъ дѣлъ въ первой инстанціи, вмѣсто мировыхъ судей, поручено ихъ спеціальнымъ съѣздамъ, на рѣшенія которыхъ допускаются по нѣкоторымъ очень немногимъ дѣламъ жалобы въ четвертныя засѣданія съѣздовъ. Помимо жалобъ по этимъ дѣламъ, этимъ послѣднимъ съѣздамъ ввѣрено также завѣдываніе административной юстиціей по очень многимъ дѣламъ, какъ: по раскладкѣ налоговъ въ округѣ этого съѣзда, по попечительству надъ тюрьмами и другими исправительными заведеніями графства, по изданію полицейскихъ регламентовъ и нѣкоторымъ другимъ. Рѣшенія этихъ судовъ по большинству этихъ дѣлъ считаются также окончательными, и только на рѣшенія по немногимъ изъ нихъ допускаются жалобы государственному суду. Къ компетенціи этихъ учрежденій отнесено въ порядкѣ юстиціи административной расмотрѣніе жалобъ на дѣйствія и распоряженія не только органовъ государственнаго управленія и, главнымъ образомъ, полиціи, а также на учрежденія по раскладкѣ государственныхъ и общественныхъ налоговъ и учрежденія администраціи церковной, но и на дѣйствія и распоряженія органовъ городского управленія и управленія графствъ и приходовъ, такимъ образомъ, что контролю суда подлежатъ дѣйствія и распоряженія всѣхъ органовъ управленія. Самая процедура отмѣны незаконныхъ распоряженій полиціи и другихъ органовъ управленія заключается въ томъ, что судебнымъ учрежденіемъ выдается приказъ объ отмѣнѣ неправильнаго административнаго распоряженія, причемъ въ случаѣ требованія объ отмѣнѣ административнаго распоряженія, какъ противорѣчащаго закону, компетентный для разрѣшенія этого требованія четвертной съѣздъ мировыхъ судей посылаетъ сперва это требованіе въ государственный судъ для констатированія того, насколько оно представляется или несогласнымъ съ закономъ, или же сдѣлавшее его учрежденіе является компетентнымъ на основаніи закона для его совершенія, послѣ рѣшенія котораго по этимъ предметамъ и сообразно съ нимъ и постановляетъ рѣшеніе о его отмѣнѣ. Въ частности посредствомъ изданія мировыми судьями приказовъ отмѣ-

няются ими принимаемыя администраціей незаконно какія либо понудительныя мѣры по отношенію личности просителя, въ случаѣ его ареста, какъ по обвиненію его въ преступленіи, такъ и въ видахъ понужденія его къ совершенію какихъ либо другихъ дѣйствій, требуемыхъ отъ него по полицейскимъ, или финансовымъ дѣламъ. Посредствомъ предоставленія вѣдомству судебныхъ учрежденій дѣлъ административной юстиціи, Англія, по замѣчанію Гнейста, и достигла наилучшаго охраненія не только публичныхъ правъ гражданъ, но и вообще законности въ управленіи государствомъ и безпристрастія и добросовѣстности, какъ въ дѣлахъ общаго такъ и мѣстнаго управленія, несмотря на партійное управленіе министерствъ, выдвигаемыхъ той или другой господствующей партіей (стр. 770—776).

Впрочемъ, въ настоящее время административная юстиція подобно тому, какъ и въ Англіи, передана въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій и въ числѣ ихъ отчасти и мировымъ судьямъ въ Бельгіи и Италіи, за исключеніемъ въ послѣдней очень немногихъ дѣлъ по военному управленію, по раскладкѣ налоговъ и производству выборовъ въ общественныя учрежденія, производство по которымъ ввѣрено особымъ административнымъ коммисіямъ, какъ объяснилъ Démombynes въ его работѣ Les constitutions européennes (изд. 2, т. 1, стр. 274 и 384). Къ сожалѣнію, давъ эти краткія указанія на организацію административной юстиціи въ Бельгіи и Италіи, онъ не далъ далѣе никакихъ указаній, ни въ отношеніи компетенціи по тѣмъ или другимъ административнымъ дѣламъ различныхъ судебныхъ учрежденій, ни въ отношеніи порядка производства по нимъ въ нихъ, несмотря на то, что это представляетъ значительный интересъ въ отношеніи болѣе цѣлесообразной организаціи этой отрасли юстиціи.

Въ виду того обстоятельства, что только предоставленіемъ вѣдѣнію совершенно самостоятельныхъ и независимыхъ отъ администраціи судебныхъ учрежденій всей административной юстиціи по дѣламъ всѣхъ отраслей управленія не только государственнаго, но и общественнаго, можетъ быть въ достаточной степени гарантирована не только нерушимость субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ отъ произвольныхъ дѣйствій администраціи, но и вообще законность управленія, какъ это съ достаточной очевидностью доказалъ Гнейстъ и многіе другіе публицисты, и нельзя не желать, чтобы при предстоящей у насъ реформѣ государственнаго

устройства завѣдываніе дѣлами административной юстиціи было также поручено общимъ судебнымъ учрежденіямъ, а не было оставлено въ рукахъ администраціи и различныхъ присутствій, учрежденныхъ при ней у насъ въ настоящее время, т. е. никакъ не соотвѣтственно утвержденію Лемайера, считающаго за ея надлежащее устройство именно такое ея устройство. Если бы было признано необходимымъ организовывать и у насъ, наконецъ, административную юстицію надлежащимъ образомъ, посредствомъ передачи ея въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій, то все же организовать ее у насъ такъ, какъ она устроена въ Англіи, т. е. посредствомъ передачи ея почти всецѣло въ вѣдѣніе мировыхъ учрежденій, въ виду рѣзкой оригинальности вообще государственнаго устройства въ Англіи и ея различныхъ мѣстныхъ учрежденій, все же врядъ ли было бы возможно, и едва ли не представлялось бы болѣе цѣлесообразнымъ принять въ видахъ ея устройства у насъ во многомъ за образецъ ея устройство главнымъ образомъ въ Италіи, посредствомъ передачи ея въ завѣдываніе не только отчасти мировыхъ учрежденій, если они будутъ возстановлены у насъ, но въ большей степени общимъ судебнымъ учрежденіямъ и въ числѣ ихъ и Сенату, смотря по тому, акты и дѣйствія какого административнаго учрежденія подлежатъ обжалованію и опредѣленію ихъ законности со стороны суда.

Такъ, къ вѣдѣнію мировыхъ судей представлялось бы возможнымъ отнести жалобы на низшихъ органовъ уѣздной и городской полиціи, какъ: на стражниковъ, урядниковъ, становыхъ приставовъ, городовыхъ, городскихъ надзирателей, околоточныхъ надзирателей и частныхъ приставовъ, а также на низшіе органы самоуправленія, какъ: на сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и волостныя правленія, съ правомъ, разумѣется, обжаловать рѣшенія по этимъ жалобамъ какъ со стороны жалобщиковъ, такъ и тѣхъ административныхъ лицъ и учрежденій, на дѣйствія или распоряженія которыхъ были принесены жалобы, съѣздамъ мировыхъ судей. Затѣмъ, разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія собственно уѣздныхъ органовъ управленія, какъ: на исправниковъ и полицейскія управленія, а также податныхъ и училищныхъ инспекторовъ, училищныхъ совѣтовъ и другихъ, а затѣмъ и на дѣйствія органовъ уѣзднаго самоуправленія и самоуправленія уѣздныхъ городовъ, т. е. на дѣйствія земскихъ и городскихъ управъ, а также земскихъ собраній и городскихъ думъ поручить въ первой инстанціи съѣз-

дамъ мировыхъ судей, съ правомъ обжалованія ихъ рѣшеній, какъ со стороны частныхъ лицъ просителей, такъ и тѣхъ органовъ управленія и самоуправленія, дѣйствія которыхъ были обжалованы, мѣстному окружному суду. Затѣмъ, разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія и распоряженія различныхъ учрежденій губернскихъ, какъ правительственныхъ, т. е. губернаторовъ, губернскихъ правленій, полицеймейстеровъ, казенныхъ палатъ, училищныхъ совѣтовъ, директоровъ народныхъ училищъ, а также органовъ самоуправленія, какъ: губернскихъ земскихъ управъ и городскихъ управъ губернскихъ городовъ, а также губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ этихъ городовъ слѣдовало бы уже скорѣе отнести къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ въ первой инстанціи, съ правомъ обжалованія ихъ рѣшеній какъ лицами, принесшими жалобу, такъ и тѣми учрежденіями, дѣйствія которыхъ обжалуются, судебной палатѣ. Разсмотрѣніе, затѣмъ, жалобъ на дѣйствія и распоряженія учрежденій, если можно назвать, областныхъ, какъ, напр., генералъ-губернаторовъ, намѣстниковъ, попечителей учебныхъ округовъ должно быть скорѣе уже ввѣрено мѣстнымъ судебнымъ палатамъ въ качествѣ первой инстанціи, съ правомъ обжалованія ихъ рѣшеній по этимъ дѣламъ, какъ со стороны жалобщиковъ, такъ равно и со стороны того учрежденія, дѣйствія котораго были обжалованы, Сенату, и наконецъ разсмотрѣніе жалобъ на различные центральные органы управленія, какъ на министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями должно быть уже ввѣрено Правительствующему Сенату по какому либо его департаменту, въ качествѣ первой инстанціи, а въ качествѣ второй инстанціи—общему собранію нѣсколькихъ его департаментовъ, причемъ можетъ быть допущено, пожалуй, обжалованіе Сенату въ качествѣ кассаціонной инстанціи рѣшеній и низшихъ судебныхъ мѣстъ, хотя бы по нѣкоторымъ административнымъ дѣламъ, имѣющимъ болѣе важное значеніе, въ отношеніи хотя бы охраны вообще законности управленія. При такой организаціи административной юстиціи въ вѣдомствѣ общихъ судебныхъ учрежденій, быть можетъ пришлось бы отнести къ вѣдомству самихъ административныхъ учрежденій очень немногія дѣла по слишкомъ спеціальнымъ отраслямъ управленія, какъ, напр., дѣла по управленію морскому и военному въ вѣдѣніе особыхъ воинскихъ и морскихъ присутствій.

Организована у насъ собственно въ вѣдомствѣ учрежденій судебныхъ административная юстиція должна быть такъ же, какъ и

въ Англіи, т. е. съ отнесеніемъ къ ея задачамъ охраны не только личныхъ субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ и въ числѣ ихъ и права на неприкосновенность ихъ личности и жилища и вѣроисповѣданія, но и вообще законности въ управленіи со стороны всѣхъ органовъ управленія, въ видахъ достиженія чего должно быть допущено обжалованіе ихъ дѣйствій и распоряженій, противныхъ закону, не только со стороны частныхъ лицъ и лицъ юридическихъ частныхъ, но и со стороны всѣхъ органовъ самоуправленія, сельскихъ, земскихъ и городскихъ. Самая, затѣмъ, процедура по дѣламъ административной юстиціи должна быть организована въ вѣдомствѣ общихъ судебныхъ учрежденій у насъ такъ же, какъ и въ Англіи, на началахъ общаго процесса, т. е. какъ процедура публичная и состязательная, вслѣдствіе чего къ объясненіямъ въ судахъ должны быть привлекаемы не только жалобщики, но и тѣ органы управленія, дѣйствія и распоряженія которыхъ подлежатъ разсмотрѣнію въ судѣ, или лично, если обжаловано дѣйствіе какого-либо единоличнаго органа управленія, или же въ лицѣ его представителя, если обжаловано дѣйствіе какого-либо учрежденія. Самое, затѣмъ, разрѣшеніе этихъ дѣлъ со стороны суда должно быть допущено также приблизительно такимъ же путемъ, какъ и въ Англіи, т. е. посредствомъ выдачи имъ приказа объ отмѣнѣ распоряженія административнаго органа, причемъ, для разсмотрѣнія судебнымъ мѣстомъ такого распоряженія какого либо изъ этихъ органовъ, которымъ нарушается въ особенности какое либо личное право, напр., посредствомъ незаконнаго ареста, или удаленія изъ мѣстожительства, должны быть назначены особо краткіе сроки, а затѣмъ и приведеніе въ исполненіе вообще приказовъ по административнымъ дѣламъ со стороны судебнаго мѣста должно быть допущено скорѣе всего немедленное, несмотря на ихъ обжалованіе высшему судебному мѣсту. Не можетъ не быть, кажется, очевиднымъ, какъ это достаточно доказывается опытомъ устройства этой юстиціи въ нѣкоторыхъ государствахъ иностранныхъ и преимущественно въ Англіи, что и у насъ могутъ быть достигнуты, какъ охрана личныхъ публичныхъ правъ гражданъ, такъ и вообще законность въ управленіи только посредствомъ сосредоточенія ея въ вѣдомствѣ учрежденій судебныхъ, какъ учрежденій особыхъ и независимыхъ отъ администраціи, и почему и нельзя не желать передачи ея и у насъ вообще въ вѣдѣніе этихъ учрежденій, тѣмъ болѣе потому, что введеніе въ какомъ бы то ни было видѣ представительнаго управленія, безъ такой организаціи административ-

ной юстиціи, далеко не гарантируетъ ни личной неприкосновенности гражданъ, ни вообще законности въ государственномъ управленіи, что вполнѣ доказывается въ особенности примѣромъ Франціи во время второй имперіи, когда администраціей самымъ наглымъ образомъ нарушалась неприкосновенность лицъ, ей неугодныхъ, посредствомъ ихъ арестовъ и высылки безъ суда.

К. Н. Анненковъ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Указъ 11 декабря 1905 года.

Положеніе о выборахъ 6-го августа 1905 г. столь очевиднымъ образомъ нарушало тѣ требованія, которыя по вопросу объ избирательномъ правѣ высказывались русскимъ обществомъ, Положеніе это во многихъ своихъ постановленіяхъ было столь очевидно нелѣпо, что несостоятельность этого закона пришлось признать самому правительству.

Положеніе 6-го августа было исправлено Именнымъ указомъ 11-го декабря 1905 г.

Посмотримъ, въ чемъ состоятъ улучшенія, внесенныя въ наше избирательное право этимъ новымъ закономъ.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ прежняго избирательнаго права (по Положенію 6-го августа) было то, что громадныя категоріи обывателей были вовсе лишены права участія въ выборахъ. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе бросался въ глаза, что общественное мнѣніе весьма широкихъ круговъ населенія настойчиво требовало именно *всеобщаго избирательнаго права*.

Указъ 11-го декабря значительно расширилъ кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ выборахъ.

Созданъ новый разрядъ избирателей, новый съѣздъ уполномоченныхъ, избирающихъ выборщиковъ для участія въ губернскомъ (или городскомъ) избирательномъ собраніи, избирающемъ членовъ Думы: съѣздъ уполномоченныхъ отъ фабричныхъ рабочихъ.

Что касается другихъ разрядовъ избирателей уже существовавшихъ и по Положенію 6-го августа, то число лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ по всѣмъ этимъ разрядамъ значительно расширено. Такъ, земельный цензъ давалъ право участія въ вы-

борахъ въ предварительномъ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ только въ томъ случаѣ, если онъ достигалъ одной десятой полнаго ценза, дающаго права на участіе въ уѣздномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ. По новому закону это право на участіе въ предварительномъ съѣздѣ, дается всякимъ недвижимымъ имуществомъ, если только оно обложено государственнымъ налогомъ или земскимъ сборомъ въ какомъ бы то ни было размѣрѣ.

Прежде, по Положенію 6-го августа избирательныя права предоставлялись уплатою промысловаго налога только высшихъ разрядовъ, нынѣ, по указу 11 декабря, тѣ же права предоставляются уплатою промысловаго налога какого бы то ни было разряда.

Прежде для того, чтобы участвовать въ выборахъ по квартирному цензу, надо было уплачивать квартирный налогъ по десятому разряду, т. е. въ большихъ городахъ надо было имѣть квартиру цѣною не менѣе 1320 руб. По указу 11 декабря право избирательнаго голоса дается всякою отдѣльною квартирою, хотя бы по своей цѣнѣ и вовсе не подлежащею оплатѣ квартирнымъ налогомъ.

Наконецъ, избирательныя права получили всѣ лица, получающія содержаніе или пенсію по службѣ государственной, земской, городской, сословной или желѣзнодорожной.

Насколько этими новыми постановленіями расширено избирательное право, установленное Положеніемъ 6 августа, можно судить уже по одной той цифрѣ, которая приведена въ правительственномъ сообщеніи, сопровождавшемъ указъ 11 декабря: по словамъ этого правительственнаго сообщенія, по квартирному цензу, установленному Положеніемъ 6 августа, могли бы принять участіе въ выборахъ всего 18.876 человѣкъ (если считать и тѣхъ лицъ, которыя, занимая квартиру, дающую право голоса, не участвуютъ въ выборахъ, какъ, напр., женщины, военные и т. д.), тогда какъ тотъ же квартирный цензъ по указу 11 декабря могъ бы дать право голоса болѣе 2.000.000 лицъ.

Такое расширеніе круга избирателей новымъ закономъ нѣкоторымъ изъ писавшихъ объ этомъ законѣ давало поводъ находить, что наша новая избирательная система фактически приближается къ всеобщему голосованію. Однако такой выводъ представляется крайнимъ преувеличеніемъ.

Въ общемъ система, установленная новымъ закономъ, столь дробна, казуистична и сложна, что точно установить, какіе именно классы населенія лишены права голоса, довольно трудно. Но нѣкоторые подсчеты всетаки возможны. Если мы, напр., остановимся

на крестьянахъ, то увидимъ, что и по новому закону выборы уполномоченныхъ отъ крестьянъ производятся на волостныхъ сходахъ, члены которыхъ, въ свою очередь, избираются домохозяевами. Такимъ образомъ, въ избраніи этихъ уполномоченныхъ участвуютъ (да и то косвенно) лишь домохозяева. По имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ на крестьянскій дворъ въ среднемъ приходится по 4,2 взрослыхъ работника, которые при всеобщемъ голосованіи тоже участвовали бы въ выборахъ. Между тѣмъ, по принятой системѣ отъ двора въ выборахъ будетъ участвовать не четыре человѣка, а только одинъ. Такимъ образомъ, три четверти самого многочисленнаго класса населенія лишено избирательныхъ правъ. Уже это одно безусловно препятствуетъ признанію нашего избирательнаго права фактически приближающимся ко всеобщему.

Затѣмъ, изъ того же сельскаго населенія оказывается лишенною избирательныхъ правъ вся та масса сельскаго населенія, которая не принадлежитъ къ составу сельскихъ обществъ: разрядъ населенія въ особенности въ пригородныхъ мѣстностяхъ весьма многочисленный.

Второю крупною, бросающею въ глаза группою населенія, лишенною избирательныхъ правъ являются всѣ такъ называемые мастеровые и ремесленники, а изъ фабричныхъ рабочихъ всѣ тѣ, которые служатъ на фабрикѣ менѣе года, лишенными права участія въ выборахъ оказывается 240.081 фабричныхъ рабочихъ, что на общее число ихъ въ 1.710.773 составляетъ во всякомъ случаѣ весьма значительный процентъ [1]).

Уже эти два примѣра достаточно ясно показываютъ, какъ далеко нашему избирательному праву до всеобщаго.

Надо сказать, что требованіе всеобщности избирательнаго права не было заявлено русскимъ общественнымъ мнѣніемъ абсолютно единогласно. Нельзя даже сказать и того, чтобы это было такого рода требованіемъ, отъ котораго даже и крайніе сторонники его никогда и ни при какихъ условіяхъ принципіально не допускаютъ никакихъ отступленій и сторонники всеобщаго голосованія бываютъ противниками распространенія избирательныхъ правъ на женщинъ, на преступниковъ, отбывающихъ уголовное наказаніе, на дѣтей.

---

[1]) Пользуемся при этомъ разсчетѣ тѣми свѣдѣніями о числѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ и о распредѣленіи ихъ между отдѣльными и фабричными заведеніями, которыя помѣщены въ послѣднемъ изъ изданныхъ министерствомъ финансовъ сводѣ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ (за 1902 г.). Спб. 1904 г., стр. 34—37.

Такимъ образомъ, отступленія отъ начала безусловной всеобщности избирательнаго права вообще допустимы, и нельзя отвергать ту или другую систему выборовъ только на томъ основаніи, что она вноситъ какое либо ограниченіе въ начало всеобщности. Но эти ограниченія должны быть разумны, или, по крайней мѣрѣ, быть таковы, чтобы можно было предположить, что авторы этихъ ограниченій руководились соображеніями, хотя по существу и нерезонными, но такими, которыя могли кому либо показаться разумными. Но неужели въ чьихъ либо глазахъ можетъ обладать хотя бы тѣнью разумности то правило, что въ выборахъ участвуютъ рабочіе только тѣхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, въ которыхъ болѣе пятидесяти рабочихъ, и что служба въ предпріятіи, гдѣ только 49 рабочихъ, является признакомъ такого рода политической незрѣлости или такою серьезною виною рабочаго, что его необходимо за то лишить избирательнаго голоса.

Въ условіяхъ русской дѣйствительности есть одинъ классъ населенія, допущеніе котораго несомнѣнно можетъ вызвать резоннѣйшія колебанія и сомнѣнія даже и у принципіальныхъ сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права: это крестьянская сѣрая масса.

Крестьянство такъ усиленно держалось во тьмѣ, доступъ къ нему всякой просвѣтительной дѣятельности былъ обставленъ такими затрудненіями, что ожидать отъ крестьянства въ массѣ какого бы то ни было политическаго развитія абсолютно невозможно. Замѣтимъ также, что тѣми законами, которые предоставляютъ право почетнаго гражданства всѣмъ получившимъ хотя бы среднее образованіе изъ крестьянскаго населенія, извлекались всѣ тѣ элементы, которые поднимались надъ общимъ уровнемъ и могли бы оказывать на своихъ окружающихъ какое бы то ни было культурное вліяніе.

При такихъ условіяхъ предоставленіе права участія въ выборахъ нашему крестьянству дѣйствительно является мѣрою до извѣстной степени рискованною, и если уже идти на то, чтобы предоставить избирательныя права крестьянству, то уже нѣтъ такого разряда населенія, лишеніе котораго права голоса, съ точки зрѣнія самой элементарной послѣдовательности могло бы быть какъ нибудь оправдано.

Одно изъ двухъ: или исходить изъ понятія „государственной способности“, такъ или иначе опредѣляемой (образованіемъ, имущественнымъ цензомъ или какъ либо иначе), и въ такомъ случаѣ предоставлять право голоса только тѣмъ, кто этою способностью

обладаетъ, или же признавать это право за каждымъ гражданиномъ независимо отъ этой способности. Вступивъ по отношенію къ крестьянамъ на этотъ второй путь,—ибо нельзя же принадлежность къ сельскому обществу считать признакомъ, обезпечивающимъ пониманіе вопросовъ политическихъ,—нашъ законъ, отказывая въ избирательныхъ правахъ какимъ бы то ни было разрядамъ обывателей, несомнѣнно совершаетъ тѣмъ вопіющую непослѣдовательность, которая ни съ точки зрѣнія принципа, ни съ точки зрѣнія практическихъ потребностей государства и правительства никакъ оправдана или объяснена быть не можетъ.

Но дѣло не только въ несправедливости лишенія тѣхъ или другихъ лицъ избирательныхъ правъ. Дѣло въ томъ, что эти ограниченія въ практическомъ отношеніи представляютъ величайшую и ничѣмъ не оправдываемую опасность.

Въ русскомъ общественномъ мнѣніи, въ особенности въ его оппозиціонныхъ слояхъ, требованіе всеобщаго избирательнаго права созрѣло и формулировалось съ безусловною категоричностью. Этимъ требованіемъ общественнаго мнѣнія можно было бы пренебрегать ради какихъ либо государственныхъ соображеній, напр., признавая фабричныхъ рабочихъ элементомъ недостаточно зрѣлымъ, вовсе отказывать имъ въ избирательныхъ правахъ.

Но если части рабочихъ,—и при томъ такой части, которая опредѣляется чисто случайнымъ признакомъ, сколько рабочихъ на данной фабрикѣ,—избирательныя права даны, то можетъ ли общественное мнѣніе успокоиться,—отказаться отъ требованія всеобщей подачи голосовъ и примириться на этомъ никому непонятномъ ограниченіи. Конечно, нѣтъ. Когда дѣло идетъ о принципѣ, то частичное удовлетвореніе его есть все таки отказъ въ признаніи принципа.

Общественное мнѣніе не удовлетворилось и не могло удовлетвориться новымъ закономъ.

А правительство имѣло въ своихъ рукахъ великолѣпный козырь, имѣло возможность привлечь на свою сторону громадное число людей. Оно этого не сдѣлало.

Должно быть были какія либо особенно вѣсскія основанія къ тому, чтобы не давать права голоса тѣмъ лицамъ, на кого это право не распространено указомъ 11 декабря. Главнѣйшими изъ этихъ обиженныхъ категорій являются, какъ мы только что видѣли, младшіе члены крестьянскихъ дворовъ и рабочіе мелкихъ

промышленныхъ предпріятій. Ну, отчего имъ было не дать права голоса. Неужели отъ этого Россіи грозила какая либо опасность.

Можно даже больше сказать: если съ точки зрѣнія правительства какимъ либо рабочимъ и предоставлять право голоса, то конечно уже рабочимъ мелкихъ предпріятій, а не крупныхъ, ибо послѣдніе въ большей степени заражены соціалистической пропагандою.

Такимъ образомъ, тѣ ограниченія избирательнаго права, которыя приводятъ къ тому печальному результату, что и новымъ своимъ закономъ правительство никого не удовлетворило и не умѣрило оппозиціоннаго настроенія, не могутъ быть оправданы рѣшительно никакими соображеніями практическаго характера.

Кому, зачѣмъ понадобились эти ограниченія,—совершенно необъяснимо.

II.

Та избирательная система, которая была установлена положеніемъ о выборахъ 6-го августа, вызывала противъ себя существеннѣйшія возраженія, помимо ограниченій избирательнаго права, еще и тѣмъ, что ею устанавливалось крайнее неравенство избирательныхъ правъ: неравенство это создавалось, во-первыхъ, возможностью нѣсколькихъ голосовъ у одного лица, владѣющаго нѣсколькими цензами въ разныхъ уѣздахъ или губерніяхъ, а во-вторыхъ, и это самое существенное, тѣмъ, что число выборщиковъ, избираемыхъ для участія въ выборахъ членовъ думы отдѣльными разрядами избирателей (уѣздными землевладѣльцами, городскими избирателями и крестьянами), было разъ на всегда установлено закономъ, при чемъ эти выборщики распредѣлены между отдѣльными разрядами избирателей крайне неравномѣрно и такъ что ключа къ этой неравномѣрности до сихъ поръ не найдено [1]). Можно думать, что при этомъ распредѣленіи авторы закона чѣмъ либо и руководились какими либо соображеніями, но до сихъ поръ ихъ почему то держатъ въ тайнѣ.

Въ смыслѣ неравенства избирательнаго права новый избирательный законъ не только не улучшилъ положенія вещей, но и значительно еще увеличилъ его несправедливость и нелогичность

---

[1]) Примѣры получающагося неравенства были уже нами приведены въ сентябрьской книжкѣ Вѣстника Права (стр. 89 и сл.) и тутъ мы ихъ повторять не будемъ.

Новый законъ увеличилъ число избирателей по нѣкоторымъ категоріямъ въ десять и болѣе разъ. Такова, напр., группа городскихъ избирателей. Другихъ категорій избирателей, крестьянъ, это увеличеніе не коснулось вовсе, наконецъ, нѣкоторыхъ категорій, напр., уѣздныхъ землевладѣльцевъ коснулось въ самой незначительной степени [1]).

Но, измѣняя такимъ образомъ въ весьма различной степени число избирателей въ отдѣльныхъ ихъ категоріяхъ, новый законъ оставилъ безъ всякаго измѣненія число выборщиковъ, избираемыхъ каждою категоріею.

Мы не знаемъ, чѣмъ руководились авторы положенія 6-го августа, предоставляя той или иной категоріи избирателей данное количество выборщиковъ, но конечно не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы это количество выборщиковъ было установлено внѣ зависимости отъ численнаго или имущественнаго соотношенія избирателей отдѣльныхъ категорій.

Теперь въ виду того, что новые разряды избирателей распредѣлены по отдѣльнымъ избирательнымъ съѣздамъ весьма неравномѣрно, прежнее численное и имущественное соотношеніе избирателей отдѣльныхъ съѣздовъ существеннымъ образомъ измѣнилось. И измѣнилось не только количественно, но и имущественно. Если, напр., взять хотя бы группу квартиронанимателей, то всякому ясно, что при увеличеніи числа квартиронанимателей болѣе, чѣмъ въ десять разъ, та имущественная масса, которую они собою представляютъ возросла во всякомъ случаѣ въ 5—6 разъ.

---

[1]) Въ группѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, полныхъ цензовиковъ, прибавились арендаторы и управляющіе имѣніями; это врядъ ли дастъ особенно сильное въ численномъ отношеніи возрастаніе голосовъ. Значительнѣе увеличеніе числа участниковъ предварительныхъ съѣздовъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ: прежде для участія въ этихъ съѣздахъ требовалось владѣніе землею въ размѣрѣ не меньшемъ одной десятой полнаго ценза, а по новому закону достаточно владѣніе землею въ какомъ бы то ни было количествѣ, лишь бы она была обложена государственнымъ налогомъ или земскимъ сборомъ. Число участниковъ предварительныхъ съѣздовъ, конечно, возросло отъ этого измѣненія закона въ огромной степени. Но такъ какъ новые участники съѣзда все очень мелкіе собственники, то въ виду того правила, что число избираемыхъ предварительнымъ съѣздомъ уполномоченныхъ для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ опредѣляется суммою оцѣночной стоимости имуществъ принадлежащихъ участникамъ предварительнаго съѣзда, число уполномоченныхъ, которыхъ будутъ избирать предварительные съѣзды возрастетъ далеко не въ той степени, въ какой возрастетъ число участниковъ самихъ предварительныхъ съѣздовъ.

Если, не смотря на это численное и имущественное измѣненіе соотношенія между избирателями отдѣльныхъ съѣздовъ, число выборщиковъ, избраніе которыхъ предоставлено каждому съѣзду осталось тѣмъ же, то очевидно, что прежнее распредѣленіе числа выборщиковъ, даже если оно и было съ какой либо точки зрѣнія справедливымъ или раціональнымъ, въ настоящее время безусловно перестало быть таковымъ, и всѣ установленныя въ законѣ цифры выборщиковъ оказались лишенными всякаго разумнаго основанія.

Но суть дѣла нестолько въ томъ, что у насъ теперь распредѣленіе избирательныхъ правъ носитъ какой то совершенно случайный характеръ и съ теоретической точки зрѣнія ничѣмъ ни объяснено ни оправдано быть не можетъ.

Это неравенство имѣетъ и серьезнѣйшее практическое значеніе.

При положеніи 6-го августа широчайшіе круги населенія были вовсе лишены избирательныхъ правъ. Между тѣми группами избирателей, которыя были созданы этимъ закономъ, число выборщиковъ было распредѣлено неравномѣрно и при томъ такъ, что группа городскихъ избирателей во всѣхъ безъ исключенія губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ оказалась въ абсолютномъ меньшинствѣ [1]).

Указомъ 11 декабря было создано нѣсколько милліоновъ новыхъ избирателей. Громадное большинство этихъ избирателей относится къ городскому населенію по самому существу своему (квартиранты, лица, состоящія на службѣ, лица, уплачивающія промысловый налогъ и др.). Вся эта масса вполнѣ естественно усилила собою численный составъ той группы, которая избираетъ положенное по губерніи число выборщиковъ отъ съѣздовъ городскихъ избирателей, не отразившись на численномъ составѣ тѣхъ группъ, которыя избираютъ выборщиковъ отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ или отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.

Такое расширеніе избирательныхъ правъ естественно свелось лишь къ одному: къ нѣкоторому, и довольно таки значительному

---

[1]) По положенію 6-го августа въ одной губерніи группа городскихъ избирателей обладала большинствомъ числа выборщиковъ (въ Московской губ.). Но со включеніемъ въ избирательныя собранія выборщиковъ, избранныхъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, (указъ 11 декабря, отдѣлъ V), городскіе избиратели и въ Московской губ.

разжиженію избирательныхъ правъ и въ особенности къ разжиженію вліянія на выборы, предоставленнаго каждому городскому избирателю.

Но этимъ дѣло не ограничилось: новымъ закономъ предоставлены избирательныя права также и многимъ лицамъ, проживающимъ въ сельскихъ мѣстностяхъ уѣзда: тѣмъ, кто въ предѣлахъ уѣзда владѣетъ торговымъ предпріятіемъ, кто состоитъ на земской или желѣзнодорожной службѣ, кто, проживая въ уѣздѣ, получаетъ пенсію и др. Всѣ эти группы избирателей, по новому закону участвуютъ въ съѣздѣ городскихъ избирателей, и такимъ образомъ составъ этого съѣзда искусственно усиливается лицами, къ городскому населенію вовсе и не принадлежащими.

Въ правительственномъ сообщеніи, сопровождавшемъ указъ 11 декабря, это отнесеніе части населеній сельскихъ мѣстностей къ съѣздамъ городскихъ избирателей мотивируется тѣмъ, что эти лица, „проживая въ данной мѣстности въ большинствѣ лишь временно, по существу своихъ интересовъ, представляютъ городской классъ населенія и не имѣютъ той связи съ землевладѣніемъ, которая могла бы обезпечить имъ возможность пріобрѣсть здѣсь какое либо вліяніе на исходъ выборовъ, тогда какъ въ городахъ, объединяясь съ однородными общественными элементами, лица эти могутъ и сами быть избранными и провести въ думу своихъ представителей".

Софистичность этого разсужденія несомнѣнна. Нельзя говорить про сельскаго лавочника, про народнаго учителя, что эти лица, въ большинствѣ только временно проживающія въ данной мѣстности и что они по существу своихъ интересовъ представляютъ городской классъ населенія.

Несомнѣннымъ фарисействомъ звучитъ и та мысль, что всѣ эти лица потому отнесены къ классу городскихъ избирателей, что, не имѣя связи съ землевладѣніемъ, они въ сельскихъ мѣстностяхъ не могли бы пріобрѣсти вліянія на исходъ выборовъ, тогда какъ въ городахъ они будутъ имѣть возможность и сами быть избранными и провести въ думу своихъ представителей. Неужели тотъ же самый сельскій учитель или сельскій лавочникъ могутъ имѣть больше вліянія на ходъ выборовъ въ городѣ, гдѣ ихъ никто не знаетъ, чѣмъ въ своемъ селѣ. Неужели можно серьезно говорить, что тотъ-же сельскій учитель имѣетъ больше шансовъ быть избраннымъ въ городѣ, гдѣ его и по фамиліи никто не знаетъ, чѣмъ въ селѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь и пользуется авторитетомъ и уваженіемъ.

Конечно, не желаніемъ усилить избирательное вліяніе этихъ лицъ, а именно стремленіемъ потопить ихъ въ массѣ городскихъ избирателей, можетъ быть объяснено разсматриваемое постановленіе новаго закона.

Съ точки зрѣнія новаго закона отнесеніе всѣхъ, кого можно, и всѣхъ, кого нельзя, къ разряду городскихъ избирателей является пріемомъ до наивности понятнымъ. Расширеніе избирательнаго права, созданное указомъ 11 декабря, во всякомъ случаѣ привело къ существенной демократизаціи избирателей, т. е. къ чему то, что принято считать съ правительственной точки зрѣнія опаснымъ. Опасность эту нейтрализовали тѣмъ, что всѣхъ новыхъ избирателей отнесли къ кой группѣ, которой закономъ предоставлено наименьшее вліяніе на окончательный исходъ выборовъ.

Такимъ образомъ одною рукою было отобрано то, что было дано другою.

III.

Указомъ 11 декабря 1905 г. была создана новая категорія избирателей, имѣющая свои избирательные съѣзды, посылающіе своихъ особыхъ выборщиковъ для участія въ губернскихъ и городскихъ избирательныхъ собраніяхъ,—это фабрично-заводскіе и горно-заводскіе рабочіе.

Выше мы уже указывали на то, что избирательныя права предоставлены не всѣмъ фабричнымъ рабочимъ; этихъ правъ лишены всѣ тѣ рабочіе, которые служатъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ менѣе пятидесяти рабочихъ. Но этимъ странности и нелогичности постановленій закона по вопросу о новой куріи избирателей не ограничиваются.

Прежде всего, это есть курія, построенная на принципіально иныхъ основаніяхъ, чѣмъ все остальное наше законодательство о выборахъ въ Государственную Думу. Основою избирательныхъ правъ всегда является имущественный цензъ въ томъ или другомъ его видѣ (недвижимое имущество, квартира, нанимаемая на свое имя, обладаніе торговопромышленнымъ заведеніемъ, требующимъ оплаты промысловымъ налогомъ и т. п,). Для рабочихъ этотъ имущественный цензъ замѣненъ другимъ: состояніемъ въ числѣ рабочихъ.

Это отступленіе отъ основного принципа нашего избирательнаго права (по скольку вообще оно не ивляется совершенно безпринципнымъ), между прочимъ, приводитъ къ тому, что предо-

ставленное рабочимъ число выборщиковъ въ губернскихъ и городскихъ избирательныхъ собраніяхъ оказывается совершенно произвольнымъ: оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть сведено ни къ какому общему принципу, которымъ опредѣляется число выборщиковъ, предоставленное другимъ категоріямъ избирателей.

Затѣмъ, организація выборовъ отъ рабочихъ наводитъ на слѣдующее возраженіе. Рабочіе выдѣлены въ особую курію, которая, вплоть до губернскаго избирательнаго собранія дѣйствуетъ обособленно, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ разрядовъ избирателей и только въ губернскомъ избирательномъ собраніи, при выборѣ уже самихъ членовъ Думы, начинаетъ дѣйствовать совмѣстно съ выборщиками, избранными другими категоріями избирателей.

Больше подчеркнуть обособленность фабрично-рабочаго населенія и въ большей мѣрѣ признать за нимъ право на представленіе въ Думѣ именно его профессіональныхъ интересовъ, конечно нельзя. Замѣтимъ, что съ точки зрѣнія правительственныхъ сферъ, всегда утверждающихъ, что у насъ рабочій вопросъ есть вопросъ искуственно раздутый и въ дѣйствительности не существующій, та постановка рабочаго представительства, которая дается указомъ 11 декабря, есть такое раздуваніе рабочаго вопроса, такое обособленіе и подчеркиваніе профессіональныхъ рабочихъ интересовъ, о какомъ никогда и не снилось ни одному завзятому соціалъ-демократу, требующему всеобщаго избирательнаго права [1]).

Но зададимъ себѣ дальнѣйшій вопросъ, что такое представляетъ собою та постановка особаго рабочаго представительства, которая создана указомъ 11 декабря: удовлетвореніе ли особыхъ профессіональныхъ интересовъ рабочихъ или же только дразненіе ихъ по наболѣвшему мѣсту.

Выборы у рабочихъ все время идутъ обособленно: они особо избираютъ уполномоченныхъ, тѣ особо избираютъ выборщиковъ.

---

[1]) Замѣтимъ, что выдѣленіе рабочихъ въ особую курію отнюдь не можетъ объясняться напр. многочисленностью этого класса. Указомъ 11 декабря число избирателей изъ квартиронанимателей увеличено на 1,980.000, а изъ фабричныхъ рабочихъ право голоса получило около 1.500.000 человѣкъ. Изъ квартиронанимателей особой куріи не сдѣлали. Считаемъ нужнымъ оговориться: обѣ эти цифры, и 1.980.000 и 1.500.000 невѣрны, но не вѣрны онѣ одинаково: въ нихъ включены и квартпронанимателя и рабочіе не достигшіе 25-ти лѣтъ и женщины. Необходимыя поправки не измѣнили бы взаимнаго соотношенія этихъ двухъ цифръ.

Все время рабочіе будутъ вести и самые выборы и свою предвыборную агитацію исключительно на почвѣ своихъ профессіональныхъ интересовъ: все ихъ на это толкаетъ, ничто не заставляетъ ихъ становиться на чуждую имъ почву общихъ политическихъ вопросовъ. И это будетъ идти такимъ образомъ, ихъ профессіональное самочувствіе будетъ муссироваться до тѣхъ поръ, пока избранные ими выборщики не приступятъ, въ составѣ губернскаго избирательнаго собранія, къ выбору членовъ думы. Тамъ положеніе дѣла рѣзко измѣнится. Три, четыре, а то и одинъ выборщикъ отъ рабочихъ [1]) оказавшись въ средѣ ста, полутораста выборщиковъ отъ другихъ группъ избирателей, сразу потеряютъ всякое значеніе въ качествѣ представителей именно рабочихъ интересовъ. Не будетъ ни малѣйшимъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что выборщики отъ рабочихъ вообще никакого значенія при выборахъ имѣть не могутъ. Что значитъ эта группа въ нѣсколько человѣкъ, представляющихъ свои профессіональные интересы въ массѣ губернскихъ выборщиковъ, къ этимъ интересамъ совершенно безразличныхъ.

Лишь въ нѣсколькихъ губерніяхъ, гдѣ голоса другихъ выборщиковъ случайно разобьются на двѣ почти равныя партіи, немногочисленные рабочіе выборщики будутъ имѣть возможность оказать какое либо вліяніе на выборы, присоединившись къ той изъ партій, которая къ нимъ сравнительно ближе. Такимъ образомъ рабочіе могутъ при извѣстныхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, вообще не слишкомъ вѣроятныхъ, такъ или иначе проявить извѣстное вліяніе на исходъ выборовъ, но о томъ, чтобы они провели своихъ, конечно не можетъ быть и рѣчи.

Профессіональное самочувствіе рабочихъ усиленно взмыливается вплоть до послѣдняго момента, когда у нихъ въ рукахъ оказывается просто нуль.

Какъ можно больше разлакомить, какъ можно меньше дать,— вотъ тотъ принципъ, на которомъ построено наше представительство отъ рабочихъ.

Особой государственной мудрости въ томъ принципѣ не видно.

IV.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, въ практическомъ отношеніи представляющій наиболѣе существенное значеніе.

---

[1]) Только въ трехъ губерніяхъ, Московской, Петербургской и Петроковской, число выборщиковъ отъ рабочихъ превышаетъ десять.

Вопросъ этотъ сводится къ тому, что обѣщаетъ дать наше новое избирательное право, дасть ли оно такую Думу, которая нужна Россіи.

Самъ по себѣ вопросъ, какая именно Дума нужна Россіи, сомнѣній не возбуждаетъ: Дума нужна такая, чтобы по ней правительство могло точно судить о существующихъ въ русскомъ обществѣ или въ его руководящихъ слояхъ требованіяхъ и настроеніяхъ, и чтобы русское общество признало Думу своимъ представителемъ, т. е. чтобы всякая мѣра, принятая или одобренная Думою, уже не встрѣчало той дружной оппозиціи всего русскаго общества, на какую за послѣднее время наталкиваются всѣ распоряженія правительства.

Итакъ, будетъ ли Дума отражать на себѣ настроенія русскаго общества и то распредѣленіе партій, которое въ немъ въ дѣйствительности существуетъ. На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: въ виду того, что выборы остались многостепенными, а всякіе многостепенные выборы всегда даютъ совершенно случайные результаты, ни малѣйшей увѣренности въ томъ, что Дума въ точности отразитъ на себѣ соотношеніе партій, быть не можетъ [1]).

Положиться на такую Думу правительству безусловно невозможно.

Что же касается вопроса, какъ отнесется русское общество къ Думѣ, то тутъ можно, конечно, только гадать. Но для этого гаданія имѣются всетаки достаточно твердыя данныя.

Многочисленность выборовъ прежде всего приводитъ къ тому, что обыватель не чувствуетъ своей непосредственной связи съ членами Думы. Ихъ не онъ выбиралъ: ихъ выбирали выборщики губернскихъ избирательныхъ собраній. Члены Думы психологически являются представителями этихъ выборщиковъ, а не населенія Россійской Имперіи.

Другимъ условіемъ, которое въ глазахъ населенія несомнѣнно будетъ подрывать авторитетность и представительность Думы, является то, что избирательное право не является ни всеобщимъ, ни равнымъ.

Пусть намъ стараются доказывать, что по существу дѣла новое избирательное право приближается къ всеобщему. Не говоря

---

[1]) На этомъ вопросѣ мы подробнѣе останавливались въ сентябрьской книжкѣ Вѣстника Права, стр. 92 и сл. и теперь къ нему возвращаться не будемъ.

уже о фактической невѣрности подобныхъ утвержденій, они даже, если и были вѣрны, были бы безсильны создать авторитетъ Думы: въ вопросахъ народной психологіи, къ какимъ относится вопросъ объ авторитетѣ Думы въ глазахъ населенія, слово, формула часто имѣетъ болѣе существенное значеніе, чѣмъ существо дѣла. И разъ теперь общественное мнѣніе, въ особенности въ оппозиціонныхъ кружкахъ и слояхъ населенія, настойчиво требуетъ равнаго и всеобщаго голосованія, то не можетъ быть надежды на то, чтобы Дума, созданная при принципіальномъ отрицаніи этихъ двухъ основныхъ началъ, пользовалась авторитетомъ въ глазахъ населенія, чтобы населеніе, въ особенности опозиціонные круги (а о нихъ то и надо главнымъ образомъ думать, ибо не для Русскаго же собранія создается Дума), начало бы считать своею нравственною обязанностью подчиняться этимъ рѣшеніямъ не только за страхъ, но и за совѣстъ.

Народное представительство нерѣдко сильно стѣсняетъ работу правительства и нерѣдко не только мѣшаетъ ему дѣлать тѣ или иныя ошибки, но и стѣсняетъ въ его полезной для народа дѣятельности. Всякая медаль имѣетъ свою обратную сторону, и народное представительство покорно этому общему закону. Но обратная эта сторона съ лихвою окупается тою пользою, которую приноситъ народное представительство, дающее народу возможность громко выражать свои желанія и сообщающее правительству огромную нравственную силу, когда оно дѣйствуетъ, опираясь на организованное общественное мнѣніе страны.

Устранить отрицательныя стороны народнаго представительства наши законы о выборахъ въ Государственную Думу, конечно, не могли.

Но къ тому, чтобы свести на нѣтъ всю ту пользу, которую народное представительство можетъ принести и народу и правительству,—къ этому приложены всѣ мѣры.

Н. Лазаревскій.

СВОДНОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВѢСТНИКѢ ПРАВА“

за 1905 годъ.

(Цифры въ скобкахъ означаютъ: римскія—нумера журнала, арабскія—страницы).

I. Статьи по общимъ вопросамъ, публичному праву и исторіи права.

Теорія правового государства (I, 98—115; II, 222—238; IV, 226—272). Прив.-доц. В. М. Гессена.

Юридическая природа института „отвѣтственнаго редактора періодическихъ изданій“ (I, 73—97). С. И. Живаго.

Забытый законъ. О лучшемъ устройствѣ отношеній городовъ къ земскимъ учрежденіямъ (I, 116—135). М. И. Мыша.

Преступность, репрессія и герои М. Горькаго (I, 136—164). В. Н. Трапезникова.

Теоріи самоуправленія (I, 165—183). В. Ѳ. Матвѣева.

Земское представительство (II, 1—51; II, 71—96). П. П. Гронскаго.

Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье о равновѣсіи властей и въ освѣщеніи одного изъ ея новѣйшихъ истолкователей (II, 52—86; III, 97—123). Проф. А. С. Алексѣева.

Сѣверно-русскіе союзы народныхъ артелей (II, 178—221). В. В. Акимова.

Народное представительство въ конституціонныхъ государствахъ. Статья 1-я: избирательное право (III, 1—70). Статья 2-я: учредительныя собранія (IV, 55—118). Статья 3-я: законодательныя

собранія (двухпалатная и однопалатная система) (VI, 74—140). С. Я. Цейтлина.

Стачки и соціальный вопросъ (IV, 1 — 54). Проф. А. Н. Миклашевскаго.

Распоряженія Комитета Министровъ объ уничтоженіи произведеній печати за 1872—1904 годы (IV, 119—134). М. К. Лемке.

Свобода совѣсти и вѣротерпимость (V, 1—31). Проф. В. К. Соколова.

Нужды окраинъ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ (V, 32—66; VI, 1—26). А. А. Кауфмана.

Земскіе начальники (V, 93—132; VIII, 53—102; IX, 42—73). К. Я. Кожухара.

Нѣкоторыя легко устранимыя причины проституціи (V, 133—154). А. Л. Рубиновскаго.

Къ вопросу объ измѣненіи положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ 8 іюня 1898 г. (V, 155—162). Мар. Л—Кушина.

Аграрныя преступленія какъ слѣдствіе неопредѣленности поземельныхъ правоотношеній (VI, 60—73). А. А. Леонтьева.

Смуты и страхованіе (VI, 192—201). М. Д. Ратнера.

Государственная Дума (VII, 47—96). Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.

Въ мірѣ усмотрѣнія (ст. 140 и 156 о ценз. и печ.) (VII, 97—156). М. К. Лемке.

Отвѣтственность должностныхъ лицъ и ея современная постановка во Франціи (VII, 197—217). В. Ѳ. Матвѣева.

Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости (VIII, 1—52; IX, 1—41). Проф. А. Н. Миклашевскаго.

„Конституціонные“ проекты царствованія Александра II (IX, 223—291). К. Л. Берманьскаго.

Повинность разврата (VIII, 155 — 177). А. Л. Рубиновскаго.

О статистической закономѣрности (VIII, 124—154; X, 16—38). Проф. В. І. Борткевича.

Историческое происхожденіе юридической школы нѣмецкихъ государствовѣдовъ (X, 1—15). Доц. В. Ѳ. Тарановскаго.

Аграрный вопросъ и народное правосознаніе (X, 39—52). А. А. фонъ-Бринкмана.

Дѣло доктора Забусова (I, 233—242). М. С. Маргулiеса.

Перемѣна въ управленіи Министерствомъ Юстиціи (I, 243—248).

По поводу Кіевскаго съѣзда русской группы международнаго союза криминалистовъ (I, 249—258).

Есть ли виновные (II, 254—258). Фискала.

Власть и населеніе Кавказа (VI, 218—242). А. И. Новикова.

Къ вопросу объ отвѣтственности министровъ. I. Richard Passow. Das Wesen der Ministerverantwortlichkeit in Deutschland. Eine staatsrechtliche Studie. Tübingen. 1904. II. Arthur Teutsch. Die Ministerverantwortlichkeit in Bayern. Inaugural-Dissertation. 1903, (Литературное обозрѣніе) (I, 213—229). Прив.-доц. М. Б. Горенберга.

А. Л. Байковъ. Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Спб. 1904 г. (Литературное обозрѣніе) (V, 163—187). П. Б. Шаскольскаго.

Объ утвержденіи должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія. Hugo Preuss, Das städtische Amtsrecht 1902 г. (Литературное обозрѣніе) (VI, 202—217). Прив.-доц. М. Б. Горенберга.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи. Изд. 4-е. 1905 г. (Литературное обозрѣніе) (VII, 350—353). Прив.-доц. І. В. Михайловскаго.

Josef von Kan. „Les causes économiques de la criminalite“, étude historique et critique d'étiologie criminelle, avec préface de prof. G. A. van Hamel, ouvrage couronné par l'Université d'Amsterdam. 1903. (Литературное обозрѣніе) (VIII, 232—249). Проф. М. П. Чубинскаго.

Баронъ Лемайеръ. Административная юстиція, приложеніе къ Журналу Министерства Юстиціи (Литературное обозрѣніе) (X, 164—182). К. Н. Анненкова.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Конецъ стараго режима.—Юридическая оцѣнка событій 9 января 1905 года (январь, 259—267). Прив.-доц. В. М. Гессена.

Современный кризисъ.—Недавнее прошлое: организація власти и дезорганизація подвластныхъ.—Переходное время: организація управляемыхъ.—Нынѣшнія средства самозащиты стараго порядка (февраль, 278—293). Г. А. Ландау.

Народное представительство и его мѣсто въ системѣ другихъ государственныхъ установленій (мартъ, 274—304). Н. Л.

Упраздненіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйствен-

ной промышленности.—Именной указъ 10 апрѣля о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ послѣднихъ аграрныхъ безпорядковъ (апрѣль, 285—303). Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.

Признаки общественной дезорганизаціи.—Упраздненіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ (май, 195—209). Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.

Бакинскія событія.—Законодательный порядокъ.—Университетская автономія.—Кабинетъ министровъ (сентябрь, 355—363). Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.

Манифестъ 17 октября и погромы (октябрь, 305—314). Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.

Указъ 11 декабря 1905 года (декабрь, 183—196). Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.

II. Статьи по гражданскому праву и судопроизводству.

Гражданскій судъ и законъ. Проблемы ихъ взаимоотношенія (I, 1—51). Проф. І. А. Покровскаго.

Вопросы о родовыхъ имуществахъ въ депутатскихъ наказахъ 1767 года. (I, 194—212). А. Г. Воронова.

Обзоръ обязательственнаго права по уложеніямъ Саксонскому и Германскому (II, 115—158; III, 153—195). К. Н. Анненкова.

О защитѣ гражданскихъ правъ коренныхъ жителей Царства Польскаго въ судахъ Имперіи. (III, 236—261). Н. М. Рейнке.

Къ вопросу о принятіи наслѣдства (нѣсколько словъ по поводу проекта уложенія) (IV, 162—177). Проф. І. А. Покровскаго.

О доказательной силѣ торговыхъ и маклерскихъ книгъ. (V, 67—92). А. Г. Гасмана.

Право преимущественной покупки по дѣйствующему закону и по проекту гражданскаго уложенія (VI, 141—191). А. Н. Бутовскаго.

Къ ученію объ объектахъ правъ. (VII, 157—196; VIII, 103—123). Проф. Д. Д. Гримма.

Завѣщательная дѣеспособность расточителей (IX, 135—164). И. С. Вольмана.

Авторское право на произведенія зодчества (такъ наз. архитектурная собственность) VII, 297—349). Прив.-доц. А. Н. Гейне.

Критико-сравнительный разборъ устава въ кн. Всеволода о церковныхъ судахъ. (IX, 165—211; X). М. Г. Борсуи.

О частномъ горномъ промыслѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго. (X). Прив.-доц. А. Н. Гейне.

Пожизненное пользованіе. Замѣтка на гражданскую хронику профессора М. Я. Пергамента въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстники Права“ 1904 г. (I, 230—232). Проф. И. Е. Энгельмана.

Утвержденіе акта и выдача выписи (IX, 212—222). А. Н. Бутовскаго.

И. Е. Энгельманъ. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Юрьевъ. 1904 г. (Литературное обозрѣніе). (II, 239—253). Проф. М. Я. Пергамента.

Тяжесть представленія доказательствъ- Leonhard, Die Beweislast, 1904. (Литературное обозрѣніе). (III, 262—273). Прив.-доц. Б. В. Попова.

К. Анненковъ. Система русскаго гражданскаго права. т. IV. (Литературное обозрѣніе). (IV, 273—284). Прив.-доц. Ф. С. Шендорфа.

ГРАЖДАНСКАЯ ХРОНИКА.

Цивилистика среди современныхъ событій; правовое государство и принципы гражданскаго процесса. А. А. Кримъ (февраль, 272—277). М. М. Винавера.

Сенатская практика по вопросамъ распредѣленія доказательствъ. Отведеніе проблемы въ область существа.—Догма нераздробляемости признанія.—Negativa non probantur.—Должникъ доказываетъ исполненіе.—Иски изъ двустороннихъ обязательствъ, въ частности иски домохозяевъ о квартирной платѣ.—Вторичный отказъ отъ руководящихъ указаній.—Скудость достигнутыхъ результатовъ. (іюнь, 243—287). Прив.-доц. Б. В. Попова.

Нѣсколько словъ о судебной практикѣ по дѣламъ гражданскаго права Прибалтійскихъ губерній.—Значеніе этого источника права по мѣстнымъ законамъ.—Что даютъ сборники рѣшеній, въ частности книги г. Буковскаго, для оцѣнки дѣятельности новыхъ судовъ. Характеристика обычныхъ пріемовъ толкованія законовъ. (октябрь, 250—304). Прив.-доц. Барона А. Э. Нольде.

III. Статьи по уголовному праву и судопроизводству.

Необходима ли реформа суда присяжныхъ? (I, 52—72). С. К. Гогеля.

Замѣчанія практика на проектъ объ условномъ осужденіи. (I, 184—193). И. К. Покровскаго.

Къ вопросу о теоріи доказательствъ (II, 87—114). Е. М. Кулишера.

Ростовщичество. Понятіе ростовщичества въ теоріи и положительномъ правѣ (II, 159—177). Прив.-доц. Н. Н. Полянскаго.

Мнимые архаизмы уголовнаго права Русской Правды. (III, 124—152; IV, 135—161). Проф. Н. А. Максимейко.

Преступленія, преслѣдуемыя только по жалобѣ потерпѣвшаго и реформа уголовнаго законодательства въ Россіи (III, 196—235; IV, 178—225). Прив.-доц. Л. Я. Таубера.

Къ вопросу о правѣ наказанія (Jus puniendi). (VI, 27—59). Н. П. Сорочинскаго.

Полицейскій арестъ для цѣлей правосудія (VII, 218—296; VIII, 178—228). П. И. Люблинскаго.

Испытаніе преступника, по постановленію суда, на освобожденіе отъ присужденнаго наказанія, по оффиціальному русскому проекту 1903 года (IX, 74—134). Проф. П. П. Пусторослева.

О невмѣняемости въ связи съ отдѣломъ „о вмѣняемости и преступности“ уложенія 22 марта 1903 года. (X). М. С. Аджемова.

Матеріальное уголовное право въ проектированныхъ редакціонною коммисіею при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ законоположеніяхъ о крестьянахъ. (II, 259—271). А. Г. Воронова.

УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА.

Воскрешеніе „групповой отвѣтственности“.—Указъ 17 апрѣля и уголовное уложеніе (май, 188—194). В. Д. Набокова.

S0041449
СФ СПбГУ

Съ января 1906 года

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
М. М. Винавера, прив.-доц. В. М. Гессена, В. Д. Набокова
и проф. **І. А. Покровскаго.**

будетъ выходить книгами въ 25—30 печатныхъ листовъ **четыре** раза въ годъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ

Въ 1904 и 1905 гг. въ журналѣ помѣстили статьи, между прочимъ, слѣдующія лица: В. К. Агафоновъ, С. А. Андреевскій, К. Н. Анненковъ, К. К. Арсеньевъ, Прив.-доц. М. М. Боровитиновъ, Проф. В. І. Борткевичъ, А. Н. Бутовскій, В. М. Вороновскій, Прив.-доц. А. Н. Гейне, Прив.-доц. М. И. Гернетъ, С. К. Гогель, А. С. Гольденвейзеръ, Прив.-доц. М. Б. Горенбергъ, Проф. В. Э. Грабарь, Проф. Д. Д. Гриммъ, Проф. М. А. Дьяконовъ, С. И. Живаго, Проф. Ф. Ф. Зигель, М. И. Ипполитовъ, В. Л. Исаченко, А. А. Кауфманъ, К. Я. Кожухаръ, Прив.-доц. Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, А. А. Левенстимъ, М. К. Лемке, А. В. Леонтьевъ, Проф. Н. А. Максимейко, Проф. А. Н. Миклашевскій, Прив.-доц. І. В. Михайловскій, Проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышъ, Прив.-доц. баронъ А. Э. Нольде, Проф. М. Я. Пергаментъ, Проф. Л. І. Петражицкій, Прив.-доц. Н. Н. Полянскій, Прив.-доц. Б. В. Поповъ, Н. М. Рейнке, М. А. Рейснеръ, В. К. Случевскій, Проф. В. К. Соколовъ, Н. П. Сорочинскій, В. Д. Спасовичъ, Прив.-доц. Л. Я. Тауберъ, Проф. кн. Е. Н. Трубецкой, Н. И. Фалѣевъ, Прив.-доц. Ф. С. Шендорфъ, Проф. Н. М. Цытовичъ, Проф. М. П. Чубинскій, Прив.-доц. А. А. Чупровъ, И. Г. Щегловитовъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	въ годъ:	*по полугодіямъ:* Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	7 р. — к.	4 р. — к.	3 р. — к.
„ „ съ доставкой . . .	7 „ 50 „	4 „ 50 „	3 „ 50 „
Въ другихъ городахъ съ доставкой . .	8 „ — „	5 „ — „	3 „ — „
За границей	11 „ — „	7 „ — „	4 „ — „

Цѣна отдѣльной книжки 2 руб.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

Условія подписки съ приложеніемъ Сборника рѣшеній:

	на годъ:	*по полугодіямъ:* Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	10 р. 50 к.	6 р. 50 к.	4 руб.
Въ другихъ городахъ съ доставкой . . .	11 „ — „	7 „ — „	4 „

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р.

Подписка принимается въ конторѣ „Вѣстника Права“: С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2, въ Одесскомъ отдѣленіи конторы „Вѣстника Права“: Одесса, уг. Ришельевской и Жуковской, № 17/22, кв. 17, и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ конторѣ по разсчету 16 руб. за страницу.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25. Телефонъ № 2936.

сенатская типографія.